

Российская Академия Наук
Институт философии

М.М. Кузнецов

**ОПЫТ КОММУНИКАЦИИ
В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ**

**Исследовательские стратегии
Т.В. Адорно и М. Маклюэна**

Москва
2011

УДК 14+681.142.37
ББК 87.3+73
К 89

Редактор *И.И. Блауберг*

Рецензенты

доктор филос. наук *А.П.Алексеев*
доктор филос. наук *В.И.Аришинов*

К 89 **Кузнецов, М.М.** Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.

В монографии дается философский анализ новых структур коммуникативного опыта, сложившихся к концу XX – началу XXI вв. в результате бурного развития информационных технологий, исследуется взаимосвязь когнитивной деятельности и коммуникативных практик, а также роль коммуникации в формировании стереотипов поведения и мышления. В центре внимания автора – концепции Т.Адорно и М.Маклюэна, раскрывших в своем творчестве конститутивную роль средств коммуникации в структурировании различных типов ментальности и форм человеческой жизнедеятельности.

ISBN 978-5-9540-0196-9

© Кузнецов М.М., 2011
© ИФ РАН, 2011

Предисловие

В наши дни едва ли кому-то придет в голову оспаривать тот очевидный факт, что наиболее яркой приметой последних двух десятилетий стало радикальное изменение способов и средств как повседневного общения людей, так и получения интересующей их в том или ином отношении информации. Глобальная экспансия Интернета, проникновение сигналов мобильной и спутниковой связи даже в те места, куда никогда не дотягивались линии телефонных проводов; постепенный перевод всей текстовой информации, содержащейся на бумажном носителе, в цифровой формат; все более и более углубляющийся конфликт между обладателями прав на интеллектуальную собственность, в первую очередь аудио- и видеопroduкцию, и поборниками свободного распространения любого рода контента в глобальной сети; все более и более изощренные методы и приемы краж и мошенничества в банковском деле, широко использующем цифровые технологии; все возрастающая активность хакеров и создателей компьютерных вирусов, способных сегодня не только превратить ваш компьютер (как и компьютеры миллионов других пользователей) в послушного им робота, «бота», но и вывести из строя отнюдь не виртуальные технические комплексы и инфраструктуры – все это и многое другое является достаточным поводом для того, чтобы именовать нынешнюю эпоху информационной, или эпохой информационно-коммуникационных технологий.

Пытаться сегодня предсказать, к каким именно социальным, экономическим и культурным последствиям приведет в ближайшем будущем стремительное проникновение этих технологий практически во все сферы жизнедеятельности современного человека, было бы предприятием, заранее обреченным на неудачу. Равновероятными на данный момент остаются даже прямо противоположные друг другу сценарии и направления дальнейшего хода событий. Несомненно только одно: изменения в коммуникативном опыте современного человека происходят и это положение дел со всей очевидностью удостоверяется бурным развитием сферы информационно-коммуникационных технологий.

Альтернативой прогнозам (как правило, не сбывающимся) может стать обращение к исследованиям ряда ведущих мыслителей XX века, в чьих работах была предпринята попытка поиска но-

вых форм опыта, позволяющих расширить исходно узкий мировоззренческий горизонт, в пределах которого была создана ставшая вполне «естественной» и нормативной за последние пять веков картина мира и воздвигнуто величественное здание западной культуры и цивилизации. Особое внимание в этих исследованиях уделялось и разработке инновативных стратегий коммуникации с потенциальным их адресатом, уже никоим образом не укладывающихся в каноны традиционного теоретического дискурса и наглядно свидетельствующих о кризисе того миропонимания, в поступательном развитии которого почти никто не сомневался еще в XIX веке. В настоящей работе акцент сделан на исследованиях таких виднейших представителей западной философской мысли, как Теодор В. Адорно и Маршалл Маклюэн. Обоим мыслителям, почти современникам (Адорно был на 8 лет старше), не очень повезло в отечественной исследовательской литературе. В период господства догматической марксистской идеологии в нашей стране на философии Адорно, одного из отцов-основателей Франкфуртской школы марксизма и общепризнанного идейного лидера этого направления, было поставлено клеймо «ревизионистского» извращения подлинной сути учения. В постсоветский же период философская мысль, открыто заявляющая о своей сопричастности марксизму, сразу же вызывала реакцию инстинктивного отторжения. В результате, несмотря на усилия, предпринятые в последние годы рядом авторов и переводчиков работ Адорно¹, все богатство и своеобразие философского миропонимания одного из самых выдающихся современных мыслителей и по сей день в значительной мере не освоено в нашей стране; его концепция продолжает оставаться белым пятном на успешно составляемой отечественной историко-философской наукой карте западной философии XX века. Равным образом и за Маклюэном, чье имя (но отнюдь не работы) стало известно отечественному читателю еще в 1960–70 годах, стараниями тех, кто не дал себе труда вникнуть в далеко не однозначный смысл его концептуальных построений, закрепился имидж поверхностного культуролога, не ведающего о подлинных законах развития общества, завзятого технократа и примитивного технологического детерминиста. Всего лишь два десятилетия спустя стало, однако, очевидным, что именно Маклюэн оказался тем

¹ См. в библиографии соответствующие работы В. А. Подороги и Г. Г. Соловьевой.

единственным современным мыслителем, кому удалось не только предсказать наступление эры информационно-коммуникационных технологий, но и разработать соответствующие специфике этого феномена теоретико-методологические принципы его исследования, во многом остающиеся эвристически плодотворными и в наши дни. Первая глава настоящей работы, в которой приведены факты биографий Адорно и Маклюэна и освещаются основные этапы их творчества, призвана хотя бы в минимальной степени способствовать исправлению несомненной несправедливости, допущенной в отношении мыслителей, одного из которых немецкая общественность в его столетнюю годовщину сочла возможным назвать «последним немецким гением», а другой еще при жизни был удостоен звания «пророка из Торонто».

Во второй главе представлена краткая и схематичная экспозиция того чрезвычайно обширного и многогранного комплекса философских идей, в котором нашло свое отображение кризисное состояние, уготованное историей западной культуре и цивилизации в XX столетии. Здесь анализируется корпус идей, представленных в «Диалектике Просвещения» – книге, написанной Адорно в соавторстве с М.Хоркхаймером и по праву вошедшей в число классических произведений западной философии XX века. Этот анализ показывает, что неотъемлемой составной частью книги, в которой выносятся суровый приговор западному цивилизационному проекту последних пяти столетий, является используемая в ней специфическая коммуникативная стратегия. Она находит свое выражение как в способе структурирования текста работы, явно не соответствующем общепринятым нормам построения философского трактата, так и в особом типе используемого дискурса, который полностью отказывается от традиционно свойственной ему властной компоненты, отрекаясь от менторского диктата в пользу апелляции к креативному, творческому потенциалу и нравственному выбору возможного читателя. Именно такой смысл, думается, вкладывали сами авторы труда в его оценку, считая его посланием, отправленным «бутылочной почтой» по волнам времени будущим поколениям с терпящего бедствие корабля цивилизации.

«Диалектика Просвещения» едва ли была бы признана одной из лучших философских работ века и снискала широкую популярность у западных интеллектуалов, если бы в ней – пусть лишь

эскизно, в виде общих контуров – не были обозначены целые кластеры проблем, к интенсивной разработке которых западная философская мысль приступила только в последующие десятилетия. Конечно, к их числу должна быть в первую очередь отнесена проблематика массовой культуры – по терминологии авторов труда, «культуриндустрии», – исследованию которой посвящен целый раздел книги. Здесь также вполне отчетливо различимы, например, первые попытки анализа теоретического дискурса как дискурса власти (эта тематика получила всестороннюю разработку в созданных значительно позднее и независимо от «Диалектики Просвещения» трудах М.Фуко) и даже наброски мировоззренческой позиции, соответствующей тому, что десятилетия спустя было названо идеологией феминизма. Новаторской является и практикуемая в работе коммуникативная стратегия. Фрагментарная структура книги (имеющей подзаголовки «Философские фрагменты») служит, видимо, одним из первых примеров того методологического приема, который Адорно позднее назвал «конstellацией», т. е. такого исследовательского подхода, при котором отсутствует единственный центр гравитации, единый фокус рассмотрения всего доступного наблюдению. Его место занимает совокупность таких центров притяжения, ракурсов и способов анализа некоего объекта, лишь совместно позволяющих выявить относительно целостный его облик, который остается недоступным каждому в отдельности способу его рассмотрения в силу неизбежной ограниченности любого, даже самого выдающегося, человеческого интеллекта, особенностей биографии исследователя, его языка и т. п. Достаточно очевидно, что такой методологический прием является вполне адекватным и корректным при исследовании той исторической эпохи, к которой принадлежит сам исследователь, т. е. объекта, подверженного непрерывным изменениям, нестабильного, незавершенного и принципиально не допускающего однозначного определения. Именно такого рода задачу, в соответствии с известной гегелевской формулировкой: «Философия есть эпоха, схваченная в мысли», – собственно и решает «Диалектика Просвещения».

Вполне очевидно также и то, что подобный подход предполагает релятивизацию знания, являющегося достижимым для любого единичного человеческого интеллекта, тем самым констатируя смещение акцентов в процессе производства знания: ситуация, в

которой коммуникация посредством печатного слова, вообще никак не тематизируемая в классический для философии период (в эпоху «мастеров и господ мысли», по меткому и едкому выражению Ю.Хабермаса), являлась поводом и средством для получения знания, сменяется ситуацией, в которой уже знание становится поводом и средством для достижения коммуникации. Очевидно также, что релятивизации здесь подвергается и та унифицированная картина мира, исходным импульсом построения которой в свое время явился осуществленный эпохой Просвещения разрыв с господствовавшим тогда традиционалистским мироощущением, религиозно догматическим и мифологическим по характеру. Этому историческому событию трансгрессии, выхода за пределы устоявшегося миропорядка, – по терминологии Адорно, прорыва в «неидентичное», разрывающего порочный круг мировосприятия, идентифицирующего все реалии окружающей действительности только сообразно наличному прошлому опыту, – не суждено было, однако, стать начальной фазой созидания принципиально иного общественного устройства и новых взаимоотношений человека с природой, как то мнилось утопистам времен Просвещения. То, что авторы труда в самом широком смысле именуют просвещением, в ходе воплощения этого уникального в человеческой истории, основанного на принципах разума цивилизационного проекта диалектически превращается в свою прямую противоположность, в традиционалистский миф, в систему подлежащих неукоснительному соблюдению канонов и регламентаций. Они обеспечивают поддержание миропорядка, в котором упраздняется свободный субъект познания и практики, чей творческий потенциал обусловил беспрецедентные успехи во всех областях – в сфере науки и техники, социально-политической и экономической жизни, культуры и образования, которые стали использоваться в качестве изощренного инструментария манипуляции человеческим материалом, обеспечивающего равным образом беспрецедентный уровень господства человека над человеком и над природой. Наиболее жестоким и уродливым свидетельством правоты такого рода оценки явились тоталитарные диктатуры XX века.

Несмотря на столь прискорбный итог попытки построения царства разума на земле и на то, что лозунги свободы, равенства, братства наравне со всеми институтами представительной

демократии давно уже вполне успешно используются в качестве идеологического и практического инструмента сокрытия сути общественных отношений, продолжающих, как и во все предшествующие тысячелетия, оставаться отношениями господства и подчинения, даже в этой ситуации диалектического превращения в свою прямую противоположность данный цивилизационный проект по-прежнему несет на себе печать своего происхождения. Он предполагает способность человеческого существа открывать для себя новые возможности бытия, иные горизонты взаимосвязи с миром и взаимоотношений с себе подобными, освободиться от пут устоявшегося мироощущения и становиться самостоятельным агентом познания и действия. Именно к ней апеллирует, коммуникативно позиционируя своего адресата отнюдь не в качестве пассивного реципиента дидактически навязываемого знания, но в качестве потенциального носителя такой способности, текст «Диалектики Просвещения». Вместе с тем он остается и настойчивым предупреждением, прямо указывающим на то, что оборотной стороной свободы всегда является рабство: рост первой из них неизменно влечет за собой возрастание степени второго.

На первый взгляд может показаться, что работы Маклюэна – и по части формы, и по части содержания – мало в чем схожи с «Диалектикой Просвещения». По крайней мере в двух основных работах, принесших их автору мировую известность, – «Галактике Гутенберга» и «Понимая медиа» – нет явных, нарочито эпатажирующих читателя отклонений от общепринятых норм организации материала в теоретическом исследовании. Думается, однако, что это первое впечатление является обманчивым. Например, при более пристальном рассмотрении оказывается, что использованный Маклюэном в его первой книге, «Механическая невеста. Фольклор индустриального человека», способ структурирования текста, который он сам называл «мозаичным подходом», не был им забыт и позднее. Такому знатоку традиций европейской риторики начиная со времен античности, каким был Маклюэн, прославившийся незаурядным остроумием и обладавший также поэтическим темпераментом, не составило, видимо, большого труда придать традиционному приему научного дискурса, практике цитирования, весьма специфическую форму. Книгу отличает огромное количество цитат из произведений самых различных авторов, творивших

в самых различных областях науки и культуры – от естествознания до художественной литературы и поэзии. Эти цитаты, вплетенные в ткань рассуждений автора и складывающиеся в причудливую и яркую мозаику разных точек зрения, доводов, языков и стилей выражения мысли, служат как бы противовесом, компенсирующим сухость и бесцветность того линейного нарратива, посредством которого только и может быть изложена любая концепция, претендующая на статус научной. В содержательном же плане Маклюэн, привлекая цитаты, самым что ни на есть наглядным образом демонстрирует, что человеческий опыт как таковой гораздо шире той узкой перспективы, которая является доступной для единичного интеллекта, пытающегося исследовать действительность в рамках нормативного на данный момент миропонимания и теми средствами, которые последнее ему предоставляет, – даже в том случае, когда речь идет о нем самом, авторе работы.

В этой полифонии голосов, внятно свидетельствующих о широчайшем спектре возможностей восприятия человеком окружающей действительности, излагаемая Маклюэном философско-культурологическая концепция является, конечно же, лейтмотивом, но приобретает на этом фоне своеобразное звучание. Бесспорно присутствующий тут диссонанс с канонами структурирования текста научного трактата, которые обеспечивают строгую последовательность, однозначно линейный характер выстраиваемого хода мысли, заставляет предположить, что и с той линейной последовательностью, при помощи которой Маклюэн описывает процесс развития средств и способов коммуникации, проходящий стадии фонетического алфавита, печатного слова и ныне плавно перетекающий в фазу общения посредством электронных технологий, дело обстоит далеко не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. Едва ли приходится сомневаться в том, что именно этой удобопонятности теоретической конструкции «Галактика Гутенберга» обязана своей популярностью среди широких слоев американской общественности. Эта нарочито тривиальная схема прогрессивного развития технологий коммуникативного опыта также позволяла не акцентировать внимание читателя на том, что по сути дела в книге речь шла о критически-негативной оценке всей совокупности явлений эпохи, для которой универсальным инструментом трансляции знания, организации социальной и эконо-

мической жизни, формирования мировосприятия индивида стала технология изготовления и массового распространения печатного слова, начало которой было положено изобретением Иоганном Гутенбергом в 1440 г. печатного пресса. Равным образом благодаря этой схеме внимание читателя отнюдь не концентрируется на представленной в данной работе концепции трансформации «сенсорного баланса» индивидуального мировосприятия в эту эпоху. Маклюэн подвергает анализу процесс превращения зрения в доминантный способ чувственного восприятия действительности и утраты всеми прочими органами чувств тех коммуникативных и познавательных функций, которые они имели в архаических «аудио-тактильных» культурах. Тем самым ненавязчиво, но вполне недвусмысленно ставится вопрос об исходной ограниченности возможностей, которыми на уровне сенсорики располагает человеческий индивид при построении картины мира, послужившей основой всей совокупности присущих эпохе «галактики Гутенберга» специфических способов организации жизни общества и использования ресурсов планеты.

Экспозиция этой проблематики оказывается во многом созвучной той трактовке, какую в «Диалектике Просвещения» получает образ гомеровского Одиссея – по мысли авторов, первого носителя того мироощущения, при наличии, утверждении и распространении которого только и могло возникнуть и реализоваться историческое явление, именуемое ими Просвещением. Здесь античный герой предстает в облике неустрашимого мореплавателя, чередой своих подвигов осуществляющего процесс демифологизации, «расколдовывания» древнегреческой ойкумены, который приводит к ликвидации и экстерминации архаических мифологических сил – конститутивного элемента взаимоотношений древних греков с окружающей действительностью, к расчистке Средиземноморья от реликтов древнего мироощущения. Весьма показательной в этой ситуации становится трактовка известного эпизода, описывающего, как корабль Одиссея проплывает мимо острова Сирен. Здесь речь идет о муках и конвульсиях героя, привязанного к мачте путами своей новообретенной «самости», преследующей лишь цели самосохранения и самоутверждения; ради этого герой готов пожертвовать любыми человеческими привязанностями (эпизод со Сциллой и Харибдой) и даже отречься от своего собственного имени (эпизод с

циклопом Полифемом). Только таким образом он оказывается способным противостоять несказанно обольстительному зову, исходящему из глубин архаического прошлого человека.

Сходной с даваемой авторами «Диалектики Просвещения» оценкой результатов реализации западного цивилизационного проекта является и оценка Маклюэном эпохи «галактики Гутенберга». Он рассматривает ее как исторический период, в ходе которого – в условиях неправомерного гипостазирования одной из возможностей чувственного восприятия действительности и всемерно способствующего такому нарушению «сенсорного баланса» человеческого организма утверждения технологии печатного слова в качестве абсолютно доминантного, универсального инструмента коммуникативного опыта – нормой жизни стали такие негативные явления, как индивидуализм, национализм, капитализм, милитаризм и т. п. Считая неизбежным закат эпохи «галактики Гутенберга», Маклюэн предрекает наступление эры общения посредством электронных технологий. По его мнению, предоставляемые этими технологиями новые возможности общения людей друг с другом и с окружающей действительностью позволят устранить деформации коммуникативного опыта, возникшие в предшествующий период, и привести к существенным изменениям во всех областях человеческой жизнедеятельности, в первую очередь – к созданию такой общепланетарной коммуникационной среды, которая может быть обозначена термином «глобальная деревня».

Схожими оказываются и коммуникативные стратегии, используемые в работах столь различных по исходным теоретико-методологическим установкам авторов. Далекое не второстепенной коммуникативной интенцией «Галактики Гутенберга» является побуждение ее адресата к осуществлению собственного акта мысли, активизация его способности воспринимать все сущее не только в соответствии с общепризнанными нормами и канонами устоявшегося и потому кажущегося незыблемым миропорядка.

Бесспорная заслуга Маклюэна – выявление технологий коммуникации в качестве конститутивного элемента любых типов человеческого мировосприятия и способов организации жизни в человеческом сообществе. Несомненным достоинством его работ является также предвидение и теоретическое обоснование наступления новой эпохи в развитии средств человеческого общения,

эпохи информационно-коммуникационных технологий. Думается, однако, что не менее значимым достижением явилось и четкое определение той тенденции видоизменения роли и функции опыта коммуникации, которая лишь в общих чертах прослеживалась в «Диалектике Просвещения». Это определение дано им в тезисе «медиум – это послание» (*medium is the message*), всесторонней экспликации которого посвящена вторая из основных работ Маклюэна, «Понимая медиа». Этим тезисом констатировался факт явного смещения акцента с одного из полюсов процесса производства и распространения знания – собственно познавательного, когнитивного опыта – на его второй полюс, опыт коммуникации, медиации, трансграничного посредничества между специализированными областями человеческого знания и отраслями технологического освоения действительности, а в перспективе – и между расами, нациями, классами, социально-экономическими и культурными сообществами на планете, которая остается неизменной по своей геофизической величине, но в коммуникационном плане неудержимо сокращается до размеров общей всем «глобальной деревни». В этой связи одна из известных острот Маклюэна, ответившего на резкие выпады одного из критиков: «Вам не нравятся мои идеи? У меня есть другие», – предельно лапидарное выражение его принципиальной убежденности в том, что насущной необходимостью для существа, априорно не способного к постижению истины в последней инстанции, является вовсе не упорное отстаивание своих (всегда в чем-то ошибочных) взглядов и мнений, а установление и развитие коммуникативного контакта даже с теми – и в первую очередь именно с теми, – кто придерживается прямо противоположных взглядов и убеждений. После выхода в свет снискавших широкую популярность, особенно на американском континенте, двух основных его работ Маклюэн уже более не ограничивался в своей деятельности только расширением диапазона теоретических изысканий, но и самым активным образом старался привлечь внимание как можно большего числа потенциальных участников процесса общепланетарной коммуникации к наметившимся и уже происходящим в современном коммуникативном опыте изменениям. Для этого им в полной мере использовались возможности масс-медийной среды, самых разнообразных печатных изданий, но в первую очередь – самого современного

и популярного на тот момент средства массовой коммуникации, телевидения, где в 1960–70 гг. он превратился в одну из наиболее узнаваемых на телеэкране фигур. Этой деятельностью Маклюэн внес весомый вклад в процесс формирования у широких слоев населения потребности в новых средствах коммуникативного взаимодействия, коррелятом которой выступило в этот период интенсивное развитие в США технологий цифровой обработки данных.

История последовательного превращения Интернета из детища военно-промышленного комплекса США в глобальную информационно-коммуникационную сеть хорошо известна и не нуждается в дополнительном освещении. Поэтому в третьей главе внимание уделено лишь тем реалиям информационно-коммуникационной эпохи, на примере которых особенно отчетливо удастся выявить некоторые специфические особенности коммуникативного опыта, ставшего возможным в этой новой среде. К их числу относятся: интерактивный характер взаимодействия с доступным в сети массивом информации, мультиагентный характер развертывающегося в сетевой среде коммуникационного процесса, виртуальный характер генерируемой цифровыми технологиями реальности. Анализ этих особенностей призван выявить наличие вполне отчетливо прослеживаемой связи с теми тенденциями видоизменения структуры современного коммуникативного опыта, о которых шла речь в предыдущих главах работы. Подытоживая свое исследование, мы делаем вывод о том, что использование современных информационно-коммуникационных технологий содержит в себе беспрецедентную в человеческой истории возможность публичного предъявления буквально каждым индивидом своей позиции по любому из затрагивающих его жизненные интересы вопросов, – возможность, несомненно позволяющую увеличить степень независимости, эмансипированности индивида от властного влияния любого рода. Данный вывод сопровождается указанием на то, что реальное развитие среды информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие обнаруживает тенденцию ко все более и более всеобъемлющему охвату и учету посредством цифровой кодификации персональных данных каждой отдельно взятой личности, ее биометрических параметров, медицинских показателей, сведений об имущественном положении и т. п., что таит в себе угрозу равно беспрецедентного по степени контроля

над индивидом и манипуляции им со стороны властных структур. Тем самым и для наших дней остается значимым содержащееся в «Диалектике Просвещения» предупреждение о том, что рост уровня свободы чреват ростом уровня ее прямой противоположности.

В настоящей работе мы не претендуем на всестороннее освещение рассматриваемой проблематики. Мы ставим перед собой гораздо более скромную задачу – лишь в самом общем виде обрисовать настоятельно заявляющие о себе изменения в коммуникативном опыте современного человека и попытки исследования их философской мыслью XX века.

В заключение хочется выразить признательность коллективу сектора современной западной философии и руководству редакционно-издательского отдела Института за поддержку, оказанную на всех этапах подготовки рукописи к печати. Особую благодарность хотелось бы выразить д.ф.н. И.Ю.Алексеевой, без деятельного участия которой работа вообще не могла бы состояться, и д.ф.н. И.И.Блауберг, чей труд по редактированию текста монографии заслуживает самой высокой оценки.

ГЛАВА I

«ПОСЛЕДНИЙ НЕМЕЦКИЙ ГЕНИЙ» И «ПРОРОК ИЗ ТОРОНТО». ФАКТЫ БИОГРАФИЙ И ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА

1.1. Т.В.Адорно: прорыв к «неидентичному»

Сопоставлением значительно отличающихся друг от друга, но весьма схожих по основным задачам и целям коммуникативных стратегий двух мыслителей, чей приоритет в деле исследования и концептуального осмысления феномена массовой коммуникации, играющего столь важную роль в системе современных общественных отношений, едва ли может быть оспорен, мы хотели бы акцентировать внимание на тех аспектах творческой деятельности Адорно, которые, как правило, заслоняются и оттесняются на второй план его достижениями в области собственно философского творчества. Между тем, именно они свидетельствуют, на наш взгляд, о его обостренном интересе не только к теоретическим проблемам разветвляющихся в сфере масс-медиа процессов, но и к бытующим тут конкретным практикам и их технологическим возможностям.

Теодор Визенгрунд-Адорно (Wiesengrund-Adorno) родился 11 сентября 1903 г. во Франкфурте-на-Майне. Его отец, Оскар Визенгрунд, немецкий еврей, перешедший в протестантизм незадолго до рождения единственного сына, являлся владельцем существовавшего во Франкфурте с 1822 г. крупного предприятия по оптовой торговле вином. Мать, урожденная Мария Кальвелли-Адорно делла Пиана, католичка, гордившаяся своим происхождением по линии отца, французского офицера, от корсиканской²

² «Изначально генуэзской» – указывал Адорно в одном из писем Томасу Манну периода их сотрудничества в 1940-х гг., в ходе создания последним «Доктора Фаустуса».

аристократии, к моменту вступления в брак была уже добившейся признания певицей. Именно она настояла при официальной регистрации новорожденного на двойной фамилии своего сына – Визенгрунд-Адорно. Членом семьи являлась также ее сестра Агата, известная пианистка. Талантом и усилиями обеих «мам» в доме создавалась и поддерживалась насыщенная музыкальная атмосфера, одухотворявшая быт, строившийся на началах прочного буржуазного достатка.

За пределами родительского дома Теодор тоже сталкивался со средой, которая в ту пору была еще вполне благожелательной к этому юному отпрыску казалось бы столь противоречивой, но жившей в мире и согласии буржуазно-артистической, католическо-протестантской фамилии. Во Франкфурте тех лет, городе, уже тогда отличавшемся явным преобладанием финансово-торгового сектора экономики над индустриальным³, еще царил дух терпимости и либерализма; ему удавалось в значительной степени нейтрализовать те подспудно назревавшие конфликты «расово-классового» характера, которые раскрылись во всей своей полноте уже в эпоху Веймарской республики, когда Франкфурт из-за численности проживавших в нем евреев получил злоязычное прозвище «Иерусалима на Майне».

Подраставший в столь благоприятной обстановке ребенок рано обнаруживает способности вундеркинда. Гимназию он оканчивает экстерном. Еще гимназистом он поступает во франкфуртскую консерваторию. В 15 лет знакомится с франкфуртским журналистом Зигфридом Кракауэром, который, будучи старше его на 14 лет, становится его интеллектуальным и философским ментором: в течение ряда лет по субботам читают они совместно «Критику чистого разума» Канта. Двумя другими произведениями, прочитанными Адорно в эти годы и оказавшими значительное влияние на становление его философского мировоззрения, были «Теория романа» Георга Лукача и «Дух утопии» Эрнста Блоха.

В 1921 г. Адорно поступает в университет, где изучает философию, психологию и музыковедение. Преобладавшим в университетской академической среде философским направлением в начале 20-х годов было неокантианство. Научным руководителем Адорно становится Ганс Корнелиус, один из зачинателей гештальтпсихо-

³ Сегодня Франкфурт является «финансовой столицей» Германии.

логии и, по оценке его тогдашнего студента, «в высшей степени пронизательный представитель позитивистски окрашенного неокантианства». Чрезвычайную популярность в студенческих кругах тех лет уже начала приобретать гуссерлевская феноменология, в особенности те ее «материальные ответвления», которые были связаны с именами Шелера и Хайдеггера. В 1922 г. на семинаре Корнелиуса по философии Гуссерля Адорно знакомится с только что вернувшимся из Фрайбурга Максом Хоркхаймером, крайне воодушевленным стилем хайдеггеровского философствования. Завязавшаяся с этого момента дружба Адорно с Хоркхаймером переросла впоследствии, как известно, в тесное и плодотворное сотрудничество двух мыслителей, которое положило начало особому направлению западной философии XX века, получившему наименование Франкфуртской школы. В 1924 г. под руководством Корнелиуса Адорно защищает диссертацию (Promotion) «Трансценденция вещного и нозматического в феноменологии Гуссерля», где было проанализировано противоречие между трансцендентально-идеалистическими и трансцендентально-реалистическими компонентами гуссерлевской теории вещи.

Не меньшее, если не большее влияние, чем университетские штудии, на мироощущение Адорно оказывали в этот период те внеакадемические философские искания, которые были сопряжены с практикой модернистского искусства, имели теологическую или материалистическую окраску. Помимо уже указанных работ Блоха и Лукача он знакомится с вышедшим в 1923 г. сборником статей последнего «История и классовое сознание» – книгой, во многом парадигмальной по значимости, которая побудила многих молодых интеллектуалов того времени стать приверженцами марксизма, переосмысленного в духе гегелевской диалектики. Так получилось и с Адорно: почерпнутая им в этой книге концепция товарного фетишизма и отчужденного, овеществленного характера всех отношений в буржуазном обществе стала ядром разработанного им в зрелые годы варианта «критической теории общества».

В том же 1923 году Адорно знакомится с Вальтером Беньямином, который, будучи старше его на 11 лет, принадлежал, как и Кракауэр, Блох и Лукач, к плеяде интеллектуалов – выходцев из еврейских семей. Хотя первая встреча с Беньямином была весьма мимолетной, Адорно сумел сразу же распознать в своем новом

знакомом тот уникальный интеллектуальный потенциал, восхищение которым неизменно сопровождало все его воспоминания о безвременно и трагически ушедшем из жизни друге. Влияние идей Беньямина прослеживается, по мнению некоторых исследователей творчества Адорно⁴, и в сформировавшейся у него к концу 20-х годов оценке музыки Шёнберга, и в его габилитационной диссертации, посвященной Кьеркегору, и в инаугурационной лекции, прочитанной им при вступлении в должность приват-доцента в 1931 г.

Столь мощное влияние различных направлений внеакадемической философской мысли нашло свое выражение прежде всего в критических работах Адорно музыковедческого характера. Только в 1921–1932 гг. им было опубликовано около сотни статей этого рода, в то время как его первой собственно философской публикацией стала лишь габилитационная диссертация 1933 г. о Кьеркегоре. Основной ориентир в стихии музыки был им найден практически с самого начала: уже в первых его статьях упоминается имя Арнольда Шёнберга. Музыка последнего являлась для Адорно ярчайшим свидетельством того, что в сфере искусства все еще обретают пристанище душевные порывы, которым уже нет места в бездушно-реалистичном современном мире. Участие летом 1924 г. в музыкальном празднике общегерманского музыкального союза во Франкфурте, где ему удалось познакомиться с произведениями Альбана Берга, одного из видных представителей экспрессионизма в музыке, существенно повлияло на выбор им дальнейшего жизненного пути. В начале 1925 г., окончив университет и получив степень доктора философии, он отправляется в Вену к Альбану Бергу с твердым намерением стать композитором и концертирующим пианистом, а также приобщиться к кругу почитателей Шёнберга и всемерно способствовать распространению его музыки.

Через год сбылось то, о чем Берг писал в одном из писем своему ученику: «...в один прекрасный день ...Вам придется сделать выбор: Кант или Бетховен». И Адорно сделал свой выбор, причем не в пользу музыки. В Вене у него не сложились отношения с шёнберговским окружением и с самим Шёнбергом, на которого не произвели впечатления ни его весьма немно-

⁴ См.: *Brunkhorst H. Theodor W. Adorno. Dialektik der Moderne. München–Zürich, 1990.*

численные композиторские опусы, ни его слишком философски ориентированные статьи о музыке. Свое будущее в профессиональном плане Адорно связывает теперь не столько с музыкой, сколько с философией и университетской средой. Однако шёнберговская революция в музыке навсегда осталась для него слоем опыта, во многом определившим основную направленность его мыслительных ходов, а философия музыки стала неотъемлемой составной частью его творческого наследия.

В 1927 г. Адорно предпринимает попытку габилитации с диссертацией «Понятие бессознательного в трансцендентальном учении о душе». В этой работе, оставаясь в целом на позициях корнелиусской трансцендентальной философии, он использовал и фрейдовский психоанализ, рассматривая его как средство, позволяющее сорвать покров тайны с бессознательного, а также марксистскую точку зрения, согласно которой процесс просвещения неизбежно ограничивается экономической структурой соответствующего общества. Работа была отклонена Корнелиусом как слишком поверхностная и легковесная, и Адорно приступил к поискам других возможностей габилитации. В 1930 г. ему удастся габилитироваться во Франкфурте у протестантского теолога-экзистенциалиста и религиозного социалиста Пауля Тиллиха, возглавившего кафедру философии в университете после смерти Шелера, с диссертацией «Конструкция эстетического у Кьеркегора». С началом нового семестра Адорно приступает к исполнению своих обязанностей приват-доцента во Франкфуртском университете. В мае 1931 г. он читает инаугурационную лекцию «Актуальность философии», в которой выказывает себя сторонником некоего «истолковательно-го» варианта диалектического материализма.

Именно эти последние перед наступлением эры нацизма годы были временем расцвета Франкфуртского университета. Помимо Тиллиха тут преподавали социолог Карл Маннгейм, религиозный философ Мартин Бубер, один из основателей гештальтпсихологии Макс Вертгеймер, историк литературы Макс Киммерель и историк Эрнст Канторович. Не менее значимым центром интеллектуальной жизни во Франкфурте в те годы становится и основанный еще в 1923 г. Феликсом Вайлем, сыном разбогатевшего в Аргентине торговца зерном, Институт социальных исследований. В 1930 г. его директором стал Макс Хоркхаймер.

Несмотря на близость философских взглядов и дружеские отношения с Хоркхаймером, до сотрудничества в Институте на регулярной основе, к чему Адорно очень стремился, в те годы дело не дошло. Хоркхаймер, убежденный материалист марксистско-шопенгауэровского закала, весьма негативно относился к «теологическим убеждениям» Адорно⁵ – стороне его мировоззрения, во многом сформировавшейся под влиянием Вальтера Беньямина. Тем не менее именно в издаваемом Институтом журнале «Zeitschrift für Sozialforschung» была опубликована первая большая работа Адорно в области социологии и философии музыки, «К общественному положению музыки», где были представлены философско-историческая схематика и типология современной музыки, которых он придерживался и в дальнейшем творчестве.

В марте 1933 г. помещение уже покинутого сотрудниками Института социальных исследований было обыскано полицией и опечатано. В первой партии отстраненных во Франкфурте от преподавания профессоров-евреев/социалистов числился и Хоркхаймер. Адорно не был своевременно поставлен в известность о его поспешном отъезде в Женеву вместе с сотрудниками Института. В летнем семестре 1933 г. он воспользовался своим правом не читать лекций, а в расписании лекционных курсов на зимний семестр того же года его фамилия уже отсутствовала. В сентябре была аннулирована его лицензия на преподавательскую деятельность. Несмотря на обрушившиеся на него невзгоды, Адорно еще некоторое время тешил себя иллюзией о недолговечности антисемитской кампании, развязанной нацистским режимом, и оставался во Франкфурте с надеждой как-нибудь да «перезимовать». Однако режим репрессий с каждым месяцем лишь ужесточался. В сентябре Адорно как «не ариец» был лишен права на преподавание. В апреле 1935 г. последовал запрет на публикацию его работ.

К этому времени Адорно уже полгода как был аспирантом (**advanced student**) в **Мертон Колледже в Оксфорде**, где под руководством Гилберта Райла попытался получить английскую степень доктора философии с тем, чтобы продолжить академическую карьеру. Именно с этого момента начинается для него долгий период вынужденной и чрезвычайно болезненно переживаемой им эми-

⁵ О чем Хоркхаймер не преминул заявить даже в своем (в целом, впрочем, положительном) официальном отзыве на габилитационную диссертацию Адорно.

грации. Как ни парадоксально, но именно этот травматический опыт изгнанника, обреченного скитаться по странам чужого для него языка и чуждой ему культуры (что особенно остро проявилось позднее, в США), стал катализатором, предельно ускорившим наступление периода творческой зрелости, а комплекс идей, освоенных в эти далеко не самые благоприятные для философской работы годы, оказался определяющим и для всех последующих этапов его эволюции как мыслителя.

До 1937 года, живя попеременно то в Англии, то в Германии, он работает над диссертацией по феноменологии Гуссерля, пишет статьи о Карле Мангейме, Вагнере, Бетховене. В этот период возобновляются контакты с переместившимся в Нью-Йорк в 1934 г. Институтом социальных исследований и Максом Хоркхаймером. По приглашению австрийского социолога Пауля Лазарсфельда Адорно становится участником финансируемого фондом Рокфеллера крупного проекта по исследованию радио как средства массовой коммуникации (Princeton Radio Research Project), и это позволяет Хоркхаймеру без финансовых затрат со стороны Института организовать в феврале 1938 г. его переезд вместе с женой в США.

Через два года фонд Рокфеллера, несмотря на заступничество Лазарсфельда, прекратил финансировать участие Адорно в проекте: критика им американской системы радиовещания для учредителей проекта оказалась слишком радикальной. В ноябре 1941 г. Адорно с женой отправляются вслед за Хоркхаймером на западное побережье США, где директор Института поселился в местечке Pacific Palisades, расположенном между Лос-Анджелесом, океаном и Голливудом, с намерением приступить наконец, в соавторстве с Адорно, к работе над давно задуманной книгой о диалектике. Здесь, в непосредственной близости от центра американской массовой культуры («культуриндустрии», по терминологии Адорно и Хоркхаймера), вокруг которого вскоре сформировалась целая колония немецких эмигрантов, чета Адорно прожила до 1949 г. В 1943 г., получив американское гражданство, Адорно сокращает первую часть своей составной фамилии – Визенгрунд – до инициала В.

Годы, проведенные на западном побережье, оказались чрезвычайно продуктивными в творческом отношении. В 1942 г. Адорно и Хоркхаймер приступают к написанию «Диалектики

Просвещения» – книги, самой яркой за всю историю существования Франкфуртской школы. Эта работа, которая сегодня расценивается как одна из классических для философии XX века, стала культовой для множества придерживающихся левых взглядов представителей интеллектуальной элиты Европы и Америки. Ее первое мимеографическое издание, осуществленное хоркхаймеровским Институтом социальных исследований, вышло в 1944 г. тиражом 500 экземпляров под названием «Философские фрагменты». Под своим полным названием книга была опубликована в 1947 г. в Амстердаме в эмигрантском издательстве Керидо. До предполагавшегося продолжения столь результативного сотрудничества обоих авторов дело так никогда и не дошло: однократное событие создания шедевра не поддается целенаправленному воспроизведению. Эта самая «мрачная» (по оценке Ю.Хабермаса) книга Хоркхаймера и Адорно вот уже более полувека успешно продолжает дрейф по волнам времени, неизменно находя в каждом поколении своего адресата⁶.

Начиная с 1944 г. и до конца сороковых годов Адорно принимает участие в финансируемом Американским Еврейским Комитетом и осуществляемом рядом сотрудников Института проекте по исследованию феномена антисемитизма, где он выступил в роли руководителя одной из важнейших составных частей общего проекта – проведенного в Беркли исследования «Berkely Project on the Nature and Extent of Antisemitism». Конечный результат проекта, книга «Авторитарная личность» сразу же вошла в разряд классических для современной социологии работ. В период между 1944 и 1947 гг. Адорно создает «Minima Moralia», сборник афоризмов, в котором было изложено этическое кредо одиночки, обреченного на безысходное существование в мире насилия человека над внешней природой и над самим собой; его способность к сопротивлению, отстаиванию своей позиции наперекор всему и вся является единственной надеждой этого мира, единственной возможностью для цивилизации, вступившей с самого начала на ложный путь, вырваться из порочного круга зла. В 1943–1946 гг. он выступает в роли консультанта по вопросам музыки для Томаса Манна, трудившегося тогда над созданием «Доктора Фаустуса». Летом 1948 г. он

⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.–СПб., 1997. Перевод наш.

завершает работу над рукописью своей книги «Философия новой музыки», которая, как и многое другое из созданного им в США, лишь значительно позднее была опубликована и в Германии.

Письмо декана философского факультета Франкфуртского университета, содержащее приглашение занять то место, которое Адорно вынудили оставить в 1933 г., дошло до адресата лишь в августе 1949 г. В конце этого же года он возвращается во Франкфурт в качестве заместителя Хоркхаймера, восстановленного в его прежней должности, но не решившегося на переезд. Здесь, общими усилиями университета и Хоркхаймера, нашедшего спонсорскую поддержку на стороне, удалось достаточно быстро восстановить сравнительно прочное еще со времен Веймарской республики финансовое положение Института. Но процесс признания официальными академическими кругами научных заслуг Адорно растянулся на долгие годы. Лишь в 1957 г. он становится штатным (т. е. в статусе госслужащего) профессором философии и социологии.

В пятидесятые годы Адорно реализует свой творческий потенциал главным образом в сфере социологии. Он принимает деятельное участие в первом социологическом исследовании политического сознания западных немцев, проводимом возрожденным во Франкфурте Институтом. Публикацией отчета по данному исследованию – «Группового эксперимента» – было положено начало серии «Франкфуртских работ по социологии». В 1952–1953 гг. Адорно последний раз проводит год в США, чтобы не потерять американское гражданство. По возвращении в Германию он занимает пост исполнительного директора Института социальных исследований. С 1959 г. руководство Институтом полностью находится в его руках; проживающий с конца 50-х годов в Швейцарии Хоркхаймер выступает теперь лишь в роли всегда желанного советчика.

В 1963 г. выходят в свет «Призмы» – сборник статей по социологии, философии, литературе, музыке и диагностике современной эпохи, написанных между 1937 и 1953 годами. Эта работа, первая из книг Адорно, изданных массовым тиражом в формате pocketbook'a, в значительной степени способствовала закреплению за ним имиджа проницательного критика западногерманской культуры, мыслителя, олицетворяющего собой интеллектуальную преемственность довоенной и послевоенной Германии. В эти же

годы творчество Адорно наконец получает признание и со стороны академических кругов: в 1963 г. он избирается председателем Германского социологического общества, в 1965 г. – переизбирается на этот пост.

Последние годы жизни Адорно были в значительной мере посвящены созданию двух весьма крупных работ. Первая из них, «Негативная диалектика», вышедшая в свет в 1966 г., по праву может считаться одновременно и продолжением «Диалектики Просвещения», и произведением, доказывающим правомерность существования и дальнейшего развития философского мышления в эпоху, ставящую себе в заслугу ликвидацию философии и свойственного ей специфического мироощущения как таковых. Вторая – «Эстетическая теория», доказывающая правомерность существования автономного искусства в эпоху, когда автономия искусства не только была поставлена под вопрос, но и практически упразднена, была опубликована лишь посмертно.

Студенческое движение 1968 года сыграло роль последнего удара, уготованного Адорно судьбой. Если вначале, воодушевленный происходящим, он указывал на то, что реальность опровергает мрачные пророчества Орвелла и Хаксли о скором пришествии и воцарении «Большого брата», об утверждении по всей земле порядков и нравов «прекрасного нового мира», то впоследствии резко изменил свое мнение. Конфликты и столкновения с бунтующими студентами, которые срывали его лекции по социологии и даже вынуждали прибегать к помощи полиции, освобождавшей от них помещение Института социальных исследований, привели в замешательство стареющего мыслителя. Он не только ощутил, что его имиджу одного из лидеров интеллектуальной оппозиции, горячего сторонника и защитника прав авангардистского искусства, неутомимого полемического противника консерватизма и конформизма всех мастей и оттенков был нанесен непоправимый ущерб, но и вообще почувствовал себя оттесненным на обочину жизни и оказавшимся не у дел стариком, которому оставалось только одно – покинуть этот мир, где, как ему представлялось, он никому уже не был нужен. Это и произошло 6 августа 1969 г. в Швейцарии, в городке Фисп, где приехавший сюда на отдых и для работы над «Эстетической теорией» Адорно скончался от инфаркта миокарда.

У читателя текстов Адорно не возникает сомнения в том, что он имеет дело с произведениями высочайшего теоретического уровня, что они написаны выдающимся мастером слова, представляя собой ярчайшие образцы чрезвычайно редко встречающегося в западной философии жанра художественной философской прозы, и что нравственная позиция автора явлена в них самым наглядным образом. Думается, что подобная синкретичность авторской позиции, в которой выразилось критическое отношение к ситуации утраты теоретическим знанием в парадигме «проекта модерна» таких существенных его измерений, как измерение нравственное и эстетическое, была во многом обусловлена необходимостью противопоставить активно разрабатывавшимся в течение всего XX века стратегиям манипулятивной обработки сознания широчайших масс населения средствами массовой культуры («культуриндустрии») альтернативную коммуникативную стратегию. Основной задачей последней как стратегии именно коммуникативной являлась, на наш взгляд, реабилитация права автономного в своей уникальной индивидуальности человеческого существа на креативный поиск, разработку и реализацию возможностей существования, выводящих его за пределы «идентичного» мира прошлого опыта и господствующего мировоззрения, конформистская адаптация к условиям которого как к некоей неизбежной и не поддающейся изменению данности диктуется всем идеологическим аппаратом социокультурной парадигмы «проекта модерна», «диалектически превращающейся» в ходе своей реализации в своего прямого антагониста – традиционалистский миф.

Итак, основной интенцией здесь являлась апелляция к креативному потенциалу автономной человеческой индивидуальности, способности открывать и осваивать новые горизонты опыта, – т. е. той уникальной особенности человеческого существа, наличие которой стало исходным условием возникновения парадигмы «проекта модерна», альтернативной традиционалистскому мироощущению. Вполне очевидно, что для решения такого рода задачи явно недостаточными оказывались средства традиционного философского дискурса, который в конечной фазе своего развития превратился (как о том наглядно свидетельствует пример гегелевской философской системы) в инструмент легитимации устоявшегося миропорядка, а тем самым – и того процесса законо-

мерного вырождения исходных установок и принципов «проекта модерна» в их полную противоположность, неизбежным следствием которого стала осуществляемая в самых широких масштабах практика блокировки вышеуказанного креативного потенциала homo sapiens. В изменившихся исторических условиях, в ситуации трезвой критической переоценки былых утопических упований на всеислие человеческого разума в деле преобразования структуры общественных отношений и окружающей действительности, требовались усилия на пределе человеческих возможностей. Только максимальная активизация и одновременное использование всех имеющихся в наличии творческих ресурсов разносторонне одаренной личности могли послужить действенным противовесом той тенденции развития современного общества, которая, неудержимо набирая обороты, практически упразднила, по мысли противопоставившего ей свою философию «неидентичности» Адорно, необходимость в некогда столь точно обозначенной Кантом способности «пользоваться собственным рассудком».

Область научных интересов Адорно не ограничивалась, как известно, одной лишь философией; в послевоенные десятилетия он заслуженно пользовался репутацией одного из ведущих социологов Германии, самым активным образом способствовавшего возрождению этой научной дисциплины и, в первую очередь, практики конкретных социологических исследований на немецкой почве. Свое философское преломление эта сторона деятельности Адорно нашла в разработанном им еще на раннем этапе творчества методологическом подходе – «микрологии». Данный подход использовался им при анализе как раз тех структурных составляющих процесса превращения парадигмы «проекта модерна» в свою прямую противоположность, которые, например, в величественной и ширококомасштабной экспозиции «участи бытия» у Хайдеггера попросту не эксплицировались в качестве нерелевантных. Перенос акцента с анализа сферы предельно абстрактных понятийных обобщений, умело камуфлирующих свое властное происхождение и сущность мнимой «объективностью» и даже априорностью, на исследование конкретной фактуры событий и явлений повседневной жизни общества в прошлом и настоящем открывал путь к формированию гораздо более детализированной и подробной, чем хайдеггеровская, картины отрыва западной культуры и цивилизации от их

собственных животворных истоков. Кроме того, не вызывает сомнения, что негативно-критический импульс, полученный Адорно в ходе знакомства в период эмиграции с наиболее развитой на тот момент идеологическо-технологической структурой производства и тиражирования стереотипов массового сознания – голливудской киноиндустрией, – оставался всецело действенным и в последующие десятилетия его творческой деятельности. Правда, в условиях послевоенной Германии, страны, восстанавливавшей структуры экономической и социальной жизни после военной катастрофы, речь, конечно же, не могла идти о том уровне технологического развития средств массовой коммуникации, который был к тому времени достигнут в США и который стал предметом анализа в исследованиях Маклюэна. Тем не менее, думается, что даже в этих не вполне благоприятных условиях Адорно удалось разработать основы коммуникативной стратегии, во многом предвосхитившей возможности человеческого общения, ставшие реальностью лишь в эпоху, современником которой ему, как, впрочем, и Маклюэну, быть уже не довелось.

Если попытаться определить основную интенцию вкратце охарактеризованной выше коммуникативной стратегии Адорно в терминах того пока еще достаточно разнородного дискурса, который начинает складываться в сообществе исследователей сферы современных информационно-коммуникационных технологий, то ее можно было бы обозначить как нацеленность на продуцирование и генерирование среды мультиагентного взаимодействия участников процесса коммуникации. Именно такой способ установления коммуникативного контакта с потенциальным их адресатом предполагают, на наш взгляд, тексты Адорно. Их содержание структурируется автором, всемерно использующим при этом мощные ресурсы своего многогранного дарования, таким образом, что в них по сути дела упраздняется позиция неизбежно свойственной традиционному философскому тексту центральной властной инстанции – инстанции «мастера и господина мысли», по меткому выражению Ю.Хабермаса⁷, – лишь на путях неукоснительного следования диктату которой становится возможным обретение предлагаемого тут знания. Используемая же в текстах Адорно коммуникативная

⁷ См. наш перевод работы Ю.Хабермаса «Философия как местоблюститель и интерпретатор» // Путь в философию. Антология. М.–СПб., 2001. С. 360–375.

стратегия, несомненно обнаруживающая столь характерный для современного философского мироощущения признак децентрированности, – стратегия вовлечения адресата текста в иницилируемый автором процесс мышления на правах равноправного его соучастника, соактора, а не пассивного реципиента осуществляемого акта мысли, – преследует явно иную цель: создание среды общения индивидов, максимально способствующей утверждению каждого из них в качестве самостоятельного агента знания и действия.

На разрабатывавшуюся Адорно коммуникативную стратегию весьма существенно повлияло, вероятно, также и то обстоятельство, что в отличие, например, от Хайдеггера, уединившегося в послевоенные годы в своей высокогорной «хижине» в Шварцвальде, он в этот период стремился всемерно использовать возможности тогдашних средств массовой коммуникации – в первую очередь периодической прессы и радио⁸, – пытаясь, и далеко не безуспешно, ознакомить широкие слои своих соотечественников с содержанием отстаиваемой им философско-мировоззренческой позиции. На наш взгляд, данный факт биографии Адорно, свидетельствующий о верной оценке им приоритетного статуса сферы коммуникативного взаимодействия индивидов в контексте современных общественных отношений, указывает, помимо того, на известного рода сходство стратегий, практикуемых Адорно и его младшим современником Маршаллом Маклюэном, – стратегий коммуникации с потенциальным реципиентом содержания авторских идей. Данное сопоставление представляется достаточно обоснованным и в силу того, что собственно теоретические работы Маклюэна по стилю и манере исполнения (в некоторых случаях привлекался даже визуальный материал в исполнении лучших фотографов, графиков и художников того времени) тоже разительно отличались от общепринятого канона сугубо научного трактата. По сути дела, они предвосхищали синтетическую взаимосвязь текстового и аудиовизуального компонентов, ставшую конститутивной для среды современных цифровых информационно-коммуникационных технологий, эпоха стремительного вторжения которых во все сферы человеческой жизнедеятельности была фактически предсказана «пророком из Торонто».

⁸ Подробнее об этом см. нашу статью «Теодор В. Адорно: основные этапы жизненного и творческого пути» // История философии, № 12. М., 2005.

1.2. М.Маклюэн: от «Галактики Гутенберга» к «глобальной деревне»

В истории научной мысли XX века, не испытывавшей недостатка в прогнозах как ближайшего, так и в той или иной мере отдаленного будущего, найдется не так уж много примеров предвидения и предсказания того, чему действительно предстояло сбыться завтра или послезавтра. Такой прогноз удается, видимо, только тому, кто оказывается способным различить в сложнейшем конгломерате событий прошлого и настоящего черты грядущего видоизменения исторической ситуации, обладает более широким мировоззренческим кругозором и бóльшим креативным потенциалом, чем те, кто, следуя проторенными путями мысли, пытаются предвидеть будущее, опираясь лишь на уже доступный опыт действительности. Примером такого предвидения радикально инновативных изменений структуры коммуникативного опыта человека, сопряженных с интенсивнейшим развитием и глобальной экспансией в последние два десятилетия XX века и первые годы века нынешнего среды современных электронных информационно-коммуникационных технологий, и является философское творчество Маршалла Маклюэна.

Херберт Маршалл Маклюэн (McLuhan) начал свой жизненный путь 21 июля 1911 г. в городе Эдмонтон канадской провинции Альберта. Его родители были уроженцами Канады и принадлежали к среднему классу; отец по профессии – страховой агент, а мать – актриса. Спустя некоторое время после рождения первенца семья переехала в Виннипег, провинция Манитоба. Манитобский университет стал первым из длинной череды университетов, в которых обучался, а впоследствии всю жизнь преподавал Маршалл Маклюэн. Здесь в 1933 и 1934 гг. им были получены первые ученые степени – бакалавра и магистра гуманитарных наук; здесь же после года специализации в области инженерных наук он сделал окончательный выбор в пользу филологии. Свое дальнейшее образование в этом направлении он продолжил в уже весьма и весьма престижном Кембридже, где под влиянием профессоров А.А.Ричардса и Ф.Р.Ливиса увлекся «новым критицизмом» – основным направлением англо-американской литературной критики 1920–1960 гг.

Свою преподавательскую карьеру Маклюэн начал в возрасте двадцати пяти лет в университете Висконсин-Мэдисон, куда он был приглашен на должность ассистента на период учебных семестров 1936–1937 гг. С 1937 г. он продолжил преподавание англоязычной словесности в Сент-Луисском университете, где с перерывами проработал до 1944 г. К числу наиболее значимых событий этого периода могут быть отнесены его обращение в католичество в марте 1937 г., открывшее ему доступ к преподаванию в католических высших учебных заведениях, женитьба в 1939 г. на Коринне Льюис (в браке с которой у него родилось шестеро детей) и защита в 1942 г. в Кембридже докторской диссертации, в которой исследованию был подвергнут масштабный, от Цицерона до эпохи Томаса Нэша, материал истории вербальных искусств, входивших в состав классического «тривиума» (грамматика, диалектика/логика и риторика). Весьма примечательным является тот факт, что уже в этот период наряду с углубленными штудиями в области классической филологии Маклюэн начинает накапливать фактологический материал и разрабатывать подходы к концептуальному осмыслению исторической реальности иного рода – массовой культуры в современную эпоху и обеспечивающей существование и развитие этого феномена коммуникационной среды.

Таким образом, специфическая направленность творческих исканий Маклюэна вполне отчетливо обозначилась даже в тот период, когда, казалось бы, все его внимание должно было быть нацелено на защиту удовлетворяющей всем консервативным академическим требованиям докторской диссертации, что упрочило бы его положение на университетском поприще. Отважимся предположить, что уже в этой, на первый взгляд мало чем примечательной, ситуации нашла свое выражение характерная для творчества Маклюэна в целом уникальная способность и на теоретическом уровне и на уровне практического общения с аудиторией любого рода генерировать и публично предьявлять радикально инновативные и кардинально неконформистские идеи, умело и зачастую даже виртуозно избегая того шокирующего впечатления, которое они могли бы произвести на сознание его читателей и слушателей. В данном случае подведение итогов одновременно проводившихся разноплановых исследований было к тому же благоразумно разнесено во времени: книга Маклюэна «Механическая невеста. Фольклор индустриального человека»,

которая по сути дела во многом уже определила тематический горизонт последующих, принесших ему мировую известность работ, вышла в свет лишь в 1951 г.

Высшие учебные заведения родной страны Маклюэн также не обошел вниманием. В 1944 г. он приступил к преподаванию в колледже Успения в Виндзоре (провинция Онтарио), а в 1946–1979 гг. постоянным местом работы для него стал колледж Св. Михаила Торонтского университета. Эти последние десятилетия его жизни – Маклюэн скончался во сне в последний день 1980 г. – отнюдь не были спокойными годами постепенного продвижения по ступенькам академической иерархии (хотя и это отчасти имело место: в 1952 г. статус Маклюэна был повышен до уровня полного профессора). Они скорее напоминали собой тот взрывоподобный процесс интенсивнейшего развития и глобальной экспансии информационно-коммуникационных технологий в 80–90-х гг. XX века, который по сути дела был предугадан и предсказан в его работах этого периода (вполне заслуженно закрепился за ним с тех пор титул «пророка из Торонто»), но свидетелем которого ему не суждено было стать.

Первое из этих десятилетий (1950-е годы) было временем аккумуляирования интеллектуального потенциала, который ярким фейерверком вспыхнул в последующие десятилетия в сфере масс-медиа, периодом освоения специфической тематической области, исследование которой чуть ранее было начато Т.В. Адорно и М. Хоркхаймером⁹. Речь шла об инновативных коммуникативных стратегиях в условиях современного массового общества, о разработке новаторских приемов и методов репрезентации идей, во многом уже не соответствующих традиционным представлениям о роли и месте средств человеческого общения и их технологических носителей.

Как отмечалось выше, первым весомым вкладом Маклюэна в дело выработки собственного подхода к исследованию проблематики человеческого общения как таковой и тех ее аспектов, которые выступили в качестве доминантных в современную эпоху, стала первая его большая работа «Механическая невеста. Фольклор индустриального человека». Предпринятые в этой работе изыскания в известной

⁹ См., напр.: *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты, особенно раздел «Культуриндустрия. Просвещение как обмен масс» (С. 149–210).

степени соприкасались с тематикой классических штудий Маклюэна, итогом которых явилась его докторская диссертация. Здесь, как и в случае таких составных частей «тривиума», как диалектика и риторика, речь шла о приемах и методах убеждения, но область их применения была уже совершенно иной: в качестве исходного материала анализа тут привлекались современные газетные и журнальные статьи, рекламные объявления и т. п., иными словами – элементы того масс-медийного информационного потока, бурные волны которого столь успешно стали захлестывать сознание обывателя в послевоенную эпоху. Полностью соответствовала фактуре анализируемого материала и структура самой книги: она представляла собой сборник коротких эссе, которые можно было читать в любом порядке, – они не располагались в строгой последовательности линейного нарратива. Этот принципиально нелинейный способ композиции книги сам автор именовал «мозаичным подходом».

Философское мироощущение Маклюэна развивалось под влиянием не только его собственных изысканий в области воздействия масс-медийных структур на формирование стереотипов поведения и мышления, но и той специфической общекультурной и интеллектуальной обстановки, которая сложилась в Канаде, и в первую очередь в Торонто, в силу известных политических событий, развертывавшихся в эти годы в США. Развязанная маккартизмом «охота на ведьм», кампания по преследованию лиц, подозреваемых в коммунистических убеждениях, побудила многих представителей интеллектуальной элиты США временно покинуть страну, и тем, кто ожидал скорого окончания периода мракобесия, Канада представлялась лучшим убежищем. Так тихий и провинциальный Торонто на время превратился в бурлящий интеллектуальной энергией центр коммуникативных контактов самых разнообразных сообществ и групп, представители которых ежедневно заполняли едва ли не все доступные для проведения дискуссий и собраний помещения.

Эта пронизанная токами высокого интеллектуального напряжения атмосфера, внезапно воцарившаяся в городе, не могла не оказать существенного влияния на представителей сообщества, сложившегося вокруг периодического издания «Explorations», в создании которого самое активное участие принимали М.Маклюэн и антрополог Эдмунд Карпентер. Финансовой опорой начинания, включавшего в себя наряду с

указанным периодическим изданием также семинар по проблемам культуры и коммуникации, обеспечивший впоследствии достаточно высокий теоретический уровень всего предприятия, стал полученный Маклюэном и Карпендером в 1953 г. грант от фонда Форда на выполнение междисциплинарного медиа-проекта. В 1953–1959 гг. было опубликовано 9 выпусков, имевших различный тираж и неравный успех. В 1960 г. вышла в свет составленная на их основе антология «Explorations in Communications», выдержавшая затем несколько переизданий и переведенная на иностранные языки.

Просуществовавший до 1959 г. и обеспечивавший общую идейную направленность издания, семинар по проблемам культуры и коммуникации представлял собой площадку междисциплинарного коммуникативного взаимодействия представителей самых различных отраслей знания, объединенных лишь общей гуманитарной ориентацией. В семинаре помимо антрополога Карпендера и профессора англоязычной словесности Маклюэна работали психолог Карл Вильямс, экономист Том Истербрук и специалист по городскому планированию Жаклин Тайвитт. Ну а тематический горизонт обсуждавшихся на семинаре статей потенциальных авторов издания, активно привлекавшихся обоими главными соредакторами – Маклюэном и Карпендером, – уже и вовсе был необъятным. Деятельное участие в подобном рода дискуссионно-издательском процессе, отмеченном печатью известной хаотичности, для Маклюэна, личности, наделенной незаурядным креативным потенциалом, сыграло не только роль противовеса однообразию и упорядоченности образу жизни университетского преподавателя. Наряду с тем, что данный вид деятельности явился для него живым опытом погружения в прежде известную ему лишь со стороны среду организации медийного процесса посредством производства медиа-продукта, освоения всех сопряженных с ним сложностей и тонкостей, вплоть до финансовых и технологических, интенсивное общение с коллегами по семинару оказалось для него чрезвычайно плодотворным в теоретическом отношении.

По свидетельству Карпендера¹⁰, именно в ходе развернувшихся тут дискуссий, и в первую очередь постоянных бесед между ним самим и Маклюэном, чьи телефонные звонки посре-

¹⁰ См.: *Carpenter E.* «That Not-So-Silent Sea» [Appendix B] // *The Virtual Marshall McLuhan* edited by Donald F. Theall. McGill-Queen's Univ. Press, 2001. P. 236–261.

ди ночи стали обычным явлением, были сформулированы если и не все основные принципиальные положения будущих концепций Маклюэна, то уж во всяком случае многие из наиболее броских их «ключевых слов». К ним в первую очередь относятся словосочетание «типографический человек», ставшее подзаголовком первой принесшей Маклюэну мировую известность книги «Галактика Гутенберга» («The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man», 1962)¹¹, и все производные от самого известного из «маклюдизмов» – предельно лаконично выражающей суть его философской позиции максимы «медиум – это послание» (medium is the message). В их число Маклюэн, обладавший незаурядным филологическим и даже, согласно Карпентеру, поэтическим темпераментом, охотно включал, наряду с «медиум – это массаж (massage)» (название книги, вышедшей в 1967 г.), еще и такие, как «mass-age» (эра масс) и «mess-age» (эра беспорядка, неприятностей). Таким образом, пятидесятые годы, прошедшие в доброжелательном к его творческим исканиям интеллектуальном окружении, время активного участия в работе семинара по проблемам культуры и коммуникации и редактирования периодического издания «Explorations», сыграли в жизни Маклюэна очень важную роль. Они стали своего рода инкубационным периодом, позволившим ему сформировать собственное философское мировидение, апробировать равным образом и свои блестящие интуитивные догадки, и постепенно осваивавшиеся специфические методы преподнесения материала и результатов своих исследований, наконец, обрести реальный опыт работы в сфере современных масс-медийных коммуникаций.

Начало нового десятилетия было ознаменовано выходом в свет первой из двух самых известных работ Маклюэна – упомянутой выше книги «Галактика Гутенберга: Типографический человек», написанной им в 1961 г. Впервые опубликованная в Канаде издательством University of Toronto Press в 1962 г., она уже в следующем, 1963-м году была удостоена высшей в Канаде литературной награды – премии генерал-губернатора в жанре «Non-Fiction». Здесь представлена масштабная по охвату исторического материала

¹¹ Русскоязычный перевод: «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего». М., 2005. На соавторство в книге претендует, кстати, все тот же Карпентер, несомненной заслугой которого все-таки, на наш взгляд, является скорее создание благоприятного интеллектуального климата, всемерно способствовавшего интенсивному созреванию представленных в ней идей.

ла культурологическая концепция, в которой подвергнута анализу конститутивная роль инструментально-технологических носителей коммуникативного опыта в процессе развития человеческой культуры, последовательного перехода от одних видов перцептивного восприятия, типов ментальности и форм социальной организации – к другим.

Начиная со второй половины 60-х годов, сразу после выхода в свет второй основной его работы – «Понимая медиа: Внешние расширения человека» (Understanding Media: The Extensions of Man, 1964)¹², на Маклюэна в буквальном смысле обрушивается шквал общественного признания. Американские университеты наперебой начинают присуждать ему почетные академические звания, степени и премии. С академической средой самым активным образом соперничают в деле признания и популяризации воззрений своего ведущего теоретика и сами масс-медиа: на американском телевидении Маклюэн становится желанным гостем, он не отказывается от участия в самых различных программах. В конечном итоге «пророк из Торонто» в это и последующее десятилетие становится одной из самых ярких, представительных и узнаваемых фигур экранной поп-культуры. Журналисты, представляющие периодические издания самых различных направлений и ориентаций, спешат взять у него интервью, иные из которых, например, обширное интервью журналу «Плейбой», вопреки более чем скоропреходящему характеру жанра, и десятилетия спустя продолжают циркулировать в Интернете, тем самым удостоверяя свою востребованность у его пользователей и в наши дни. Не обходят Маклюэна вниманием в этот период и различного толка фонды и объединения, настойчиво уведомляя его о почетном членстве в них, и даже деловые круги охотно приглашают его на свои корпоративные сборища, чтобы с готовностью выслушать мнение столь компетентного советника и консультанта.

Несмотря на то, что столь активная деятельность на поприще популяризации своих идей как в медийном пространстве, так и в академической среде, несомненно, поглощала большую часть его времени и сил, Маклюэн все же сумел в этот период значительно расширить корпус своих работ, создав ряд произве-

¹² Русскоязычный перевод: «Понимание Медиа: Внешние расширения человека». М., 2003.

дений, в которых получили дальнейшее развитие и конкретизацию основные положения его философско-мировоззренческой позиции, сформулированные в «Галактике Гутенберга» и «Понимая медиа». Ни одно из них, однако, не сопоставимо по глубине, масштабности анализируемого материала и значимости исследуемой в них проблематики с уровнем этих двух крупнейших его работ. Среди трудов этого периода в первую очередь отметим книги «Медиум – это массаж: каталог эффектов воздействия» («The Medium is the Massage: An Inventory of Effects», 1967) и «Война и мир в глобальной деревне» («War and Peace in the Global Village», 1968). Первая из них является продуктом совместного творчества Маклюэна и талантливого графика и дизайнера Квентина Фиоре, представляя собой попытку симбиоза, по сути дела синестетического объединения в едином тематическом поле двух видов визуального восприятия – восприятия линейного текста и коррелятивного его содержанию изобразительного ряда. Такой синкретический способ подачи материала был призван наглядно продемонстрировать читателю не только разницу «эффектов воздействия» на его сенсорику отличных друг от друга видов медийного «массажа», но и убежденность Маклюэна в том, что современный коммуникативный опыт, для которого стали тесны узкие рамки текстового нарратива, стремится к охвату и иных каналов чувственного восприятия. Это позволяет расценить данную работу как одну из самых ранних попыток предвидения и отчасти даже конструирования того аудио-визуального кон-текста, в который интегрирована текстовая информация в цифровой среде современного Интернета.

В книге «Война и мир в глобальной деревне» Маклюэн смог во всем блеске продемонстрировать свой литературоведческий талант и филологическую эрудицию, избрав в качестве предмета анализа такой литературный шедевр, как «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса, и эксплицировав на материале этого классического для современной литературы произведения свой взгляд на процесс развития технологий коммуникации в человеческой истории. В этой же работе, что явствует уже из самого ее названия, был сформулирован и представлен на суд общественности один из самых броских и метких «маклюэнизмов» – словосочетание «глобальная деревня», призванное в предельно лаконичной фор-

ме охарактеризовать те видоизменения структуры социальных отношений, которые с необходимостью влечет за собой неуклонное развитие сферы технологий глобальной коммуникации, и в первую очередь – среды электронных масс-медиа.

Поразительно, что этим словосочетанием Маклюэну удалось вполне корректно охарактеризовать состояние не столько среды электронных коммуникаций 60–70-х годов, сколько современного Интернета, лишь десятилетия спустя превратившегося в глобальную компьютерную сеть, способную виртуально аннулировать как расстояния между континентами, так и государственные границы, предоставляя любому пользователю возможность мгновенного – т. е. поистине «соседского» – текстового, аудио- и визуального контакта с любым другим обитателем планеты. Наряду с прочими охарактеризованными выше инновативными теоретико-методологическими разработками Маклюэна, это предвосхищение реальной тенденции развития феномена современных информационно-коммуникационных технологий заставляет и в наши дни относиться с должным пиететом к творчеству мыслителя, достаточно четко обозначившего главный вектор трансформации совокупности человеческих отношений, основывающейся на опыте коммуникации.

Названными двумя книгами далеко не исчерпывается перечень работ, созданных Маклюэном в заключительный период его жизни. И в соавторстве и без такового в эти годы выходят: в 1968 г. – «За грань исчезновения: пространство и поэзия в живописи», в 1969 – «Контрмера», в 1970 – «Культура – наше дело» и «От клише – к архитектуре», в 1972 – «Взять день сегодняшний: администратор как отщепенец», в 1977 – «Город как аудитория: понимая язык и медиа», а также ряд других работ. Большие надежды возлагались на посмертное издание некоего обобщающего труда, в котором, как предполагалось, Маклюэном в последние годы жизни были подведены итоги его многолетней и плодотворной творческой деятельности. Изданная его сыном, Эриком Маклюэном, в 1988 г. книга «Законы медиа»¹³, в которой подробное освещение получили главным образом такие теоретические разработки Маклюэна, как проблематика соотношения фигуры и фона и концепция «тетрад», все же не оправдала этих ожиданий.

¹³ См. наш перевод фрагментов этой работы: История философии. № 8. М., 2001. С. 124–162.

За десятилетия, прошедшие после кончины Маклюэна в 1980 г., разработанный им подход к исследованию современной медиа-среды получил безоговорочное признание – в качестве основополагающего и классического – со стороны тех медиа-теоретиков, число которых, уже насчитывающее десятки имен, неуклонно возрастает по мере развития изучаемого ими феномена современных информационно-коммуникационных технологий. Именно Маклюэн проложил пути освоения только сформировавшейся в его время области теоретического исследования и очертил основные контуры зарождавшейся научной дисциплины. Не угасает на протяжении всех этих лет также интерес и к фактологическому материалу творческого наследия Маклюэна. В 1987 г. издательством Oxford University Press был выпущен в свет пятисотстраничный том писем Маклюэна; число вышедших в 90-е годы биографических работ, посвященных исследованию самых разных аспектов его жизнедеятельности, значительно превосходит число таковых, изданных в 80-х годах, причем с той же частотой продолжают они публиковаться и в нынешнем столетии; их несомненным подспорьем являются обнаруживаемые в архивах всевозможные документы и материалы, характеризующие последовательные этапы творческого пути Маклюэна, – например, текст его докторской диссертации 1942 г., вновь изданной в 2006 г.

В целом творчество Маклюэна может быть расценено как яркий пример инновативного подхода к исследованию проблематики, истоки которой прослеживаются в трудах корифеев западноевропейской философской мысли двадцатого столетия, – проблематики существенного видоизменения структур коммуникативного опыта в современную эпоху. Вместе с тем, он несомненно внес огромный вклад в дело первоначальной разработки и освоения нового для современной научной мысли тематического горизонта, порождаемого реалиями перехода от века двадцатого к веку двадцать первому: процессом создания беспрецедентной в человеческой истории общепланетарной информационно-коммуникационной инфраструктуры, технологической инновации, которая не сулит человечеству скорейшего избавления от всех бед и разрешения накопленных им конфликтов, но, напротив, бросает ему новые, непредвиденные вызовы и ставит перед необходимостью принятия неординарных и не сопоставимых по степени ответственности с прежними нравственных решений.

ГЛАВА II

ЗАПАДНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ: ДИАЛЕКТИКА САМООТРИЦАНИЯ. ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Просвещение, миф, Одиссей

Было бы явным заблуждением полагать, будто в написанной Маршаллом Маклюэном «Галактике Гутенберга» представлен тип теоретического дискурса, руководствующегося идеей бесспорно прогрессивного развития человеческой культуры и общества, линейного восхождения от низших форм ко все более и более высоким. Думается, тут нужно учитывать то обстоятельство, что книга была ориентирована не столько на тип ментальности, присущий узкому кругу высокообразованных североамериканских интеллектуалов, сколько на широкую читательскую аудиторию, до сознания которой практически неизвестный ей автор¹⁴ стремился довести свои радикально инновативные идеи. В этой ситуации весьма действенной стратегией могла стать интеграция их в состав не вызывающего резкого отторжения, общедоступного и удобовоспринимаемого по причине своей тривиальности теоретико-методологического подхода. Такой прием сработал: читателю была представлена вполне понятная схема процесса последовательного развития средств человеческого общения начиная с самого раннего периода.

Этот процесс проходит стадию изобретения фонетического алфавита, обусловившего расцвет архаических мануально-скриптуальных культур, затем, в Новое время, в связи с изобретением технологии печатного пресса, вступает в эру собственно «га-

¹⁴ Ему, напомним, во вполне сознательном возрасте принявшему католичество, был, судя по всему, присущ наряду с филологическим и поэтическим также и миссионерский темперамент.

лактики Гутенберга» и ныне столь же плавно переходит в новую фазу электронных средств массовой коммуникации. Бесспорно, в этой работе впервые в мировой практике была предпринята попытка по форме культурологического, но по сути философского анализа того влияния, которое оказывают наличные в тот или иной исторический период технологии средств общения на структурирование всех форм человеческой жизнедеятельности – от сенсорики и ментальности индивидов до способов организации социальной, экономической, политической и культурной жизни сообществ. Причем наиболее обстоятельному исследованию тут была подвергнута роль технологии производства и распространения печатного слова, конститутивная для процесса становления и развития социокультурной парадигмы, доминирующей на протяжении последних пяти столетий. Однако, нисколько не умаляя значения этих изысканий, хотелось бы отметить следующее.

Уже само броское название книги недвусмысленно указывало на то, что основное внимание в ней уделялось исследованию определенной исторической эпохи – зарождения и стремительного развития на европейской почве специфического, беспрецедентного в человеческой истории цивилизационного проекта, исходной интенцией которого была радикальная деструкция канонов и норм традиционалистского мироощущения, в различных вариантах фигурировавшего в качестве изоморфной фундаментальной основы всех прежних известных из истории цивилизаций. Утверждение человеческого разума в качестве единственного мерила достоверности знаний о мире и утилитарной результативности практического освоения действительности, свобода волеизъявления равноправных индивидов в вопросах экономической, политической и культурной жизни выступали тут в качестве первопринципов, на основе которых должно было быть осуществлено кардинальное переустройство человеческого общества. Вопрос о том, к каким именно последствиям привела растянувшаяся на столетия попытка реализации данного цивилизационного проекта, не мог не стать одной из самых актуальных тем творчества ряда выдающихся мыслителей конца девятнадцатого века, а тем более века двадцатого.

На наш взгляд, именно в такого рода контексте, контексте философских оценок и диагнозов исторической эпохи, в работах Ю.Хабермаса получившей хлесткое и даже обладающее известным

масс-медийным оттенком наименование эпохи «проекта модерна», и следует рассматривать культурологическую концепцию Маклюэна, изложенную в книге «Галактика Гутенберга» и несомненно предполагающую самостоятельную философско-мировоззренческую позицию. Наиболее продуктивным в этом отношении могло бы стать сопоставление позиции Маклюэна с теми диагнозами современной эпохи и способами экспликации наличествующей в них проблематики, которые были предложены в работах виднейших представителей современной западной философии и старших современников Маклюэна – М.Хайдеггера и Т.В.Адорно. Такое сопоставление правомерно уже потому, что проблематика коммуникативного опыта занимала отнюдь не последнее, а, возможно, даже одно из центральных мест в творчестве обоих мыслителей. В случае Хайдеггера достаточно было бы указать на то, какую роль в его философии играла тема языка, и в первую очередь на тот факт, что для выражения своего философского опыта он счел необходимым прибегнуть к созданию собственного, порывающего с традицией общепринятого философского дискурса, философского языка.

В случае же Адорно также достаточным было бы указание на то, что со времен «Диалектики Просвещения»¹⁵ одной из центральных тем разрабатываемой им «критической теории общества» стала критика манипулятивного характера используемых массовой культурой («культуриндустрией») практик формирования сенсорных, ментальных и поведенческих стереотипов рядовых членов потребительского общества.

Соавторы «Диалектики Просвещения» предприняли попытку анализа закономерностей тех процессов, конечным результатом которых явилось саморазрушение социокультурной парадигмы «проекта модерна», некогда ознаменовавшей собой начало новой эпохи в человеческой истории, а в иных исторических условиях – условиях техногенной и индустриальной цивилизации – возродившей систему властных отношений и структуры мироощущения, свойственные эпохам безраздельного господства архаически-традиционалистского мифа. И в плане теоретическом, и на уровне способа изложения материала данная попытка вылилась в создание радикально инновативной исследовательской стратегии, существен-

¹⁵ См.: *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты; раздел «Культуриндустрия». С. 149–210.

но модифицирующей как содержание, так и форму традиционного философского дискурса. В этом произведении практически полностью отсутствует сколько-нибудь значимый анализ объективных закономерностей развития социально-экономических структур современного общества, та неотъемлемая составная часть марксистского философского учения, которой удостоверялась его приверженность основным теоретико-познавательным схематизмам рационалистической традиции, разрабатывавшейся философией классического периода. Его место занимает исследование достаточно обширного ряда феноменов, по марксистской классификации относящихся к производной от экономического «базиса» сфере «надстройки», никоим образом не объединенное в некую целостную структуру, которая позволила бы рассматривать любой из них в качестве частного случая, подтверждающего, экзemplифицирующего некую общую, генеральную идею книги. Напротив, все представленные в ней сюжеты выступают тут в роли вполне самостоятельных агентов продуцирования смысла, которые отнюдь не объединяются – достаточно случайным образом – в некий хаотичный конгломерат, но в своей совокупности призваны порождать в читателе многогранный образ современной эпохи, не поддающийся редуцированию к той или иной, пусть даже самой гениальной ее «формуле». Не составляет исключения в этом отношении и сам основной, столь драматично звучащий тезис этой работы о «превращении Просвещения в миф». Предъявленный в ней философский дискурс обнаруживает несомненные признаки «децентрированности»; открыто не декларируемый, но реально осуществляемый отказ от признания за сферой экономических отношений статуса «первоосновы» всех сторон социальной жизни сочетается тут с отсутствием столь же однозначно трактуемых конечных выводов, окончательного и бесповоротного приговора эпохе, вынесенного на основании неопровержимых доказательств того, что только таким может и должен быть окружающий нас мир. Возможность самым радикальным образом изменить его остается всегда открытой и обусловлена вовсе не тем, что тот или иной общественный класс в силу некой «объективной необходимости» поступательного развития социума обретает статус «движущей силы истории», становится носителем и выразителем идеологии неудержимо прокладывающего свой путь социально-экономического прогресса. Ее истоком является способность наделенного даром

свободы выбора человеческого существа трансцендировать и трансгрессивно преступать любой существующий порядок вещей, выходить за пределы любых наличных форм опыта и осваивать прежде неведомые его измерения. Именно к данной способности тех, кому предназначено это послание, отправленное по волнам времени «бутылочной почтой» – такую оценку функции работы дают сами авторы – и апеллирует ее содержание как таковое.

Само собой разумеется, что и по форме изложения столь нетрадиционная стратегия исследования наличной социокультурной ситуации и предъявления его результатов уже не могла быть всецело ориентирована на каноны того линейного текстового нарратива, который в течение столетий вполне успешно функционировал в качестве единственно приемлемого для создаваемых классической философией мыслительных конструкций способа их экспликации. Это в первую очередь относится к общей структуре работы, которая, по едко-саркастической оценке Хабермаса в «Философском дискурсе модерна»¹⁶, лишь с очень большой натяжкой позволяет рассматривать первую статью, «Понятие Просвещения», в качестве теоретической основы последующих, как это, отдавая неизбежную дань традиции удобочитаемости текста, хотели бы представить сами авторы. Впрочем, они полностью отдают себе отчет в том, что осуществляемый ими анализ процесса «безудержного саморазрушения Просвещения ... вынуждает мышление избавиться даже от последних остатков простодушной доверчивости по отношению к обычаям и тенденциям эпохи и ее духа» и что на современной стадии развития общества, когда «мысль неизбежно становится товаром, а язык – средством его рекламирования, попытка исследования подобного рода упадка нравов обязана отказаться от следования предъявляемым к языку и мысли общепринятым требованиям...»¹⁷. Авторы взяли за решение в высшей степени нетривиальной, парадоксальной и чреватой апориями задачи – разработку стратегии теоретического исследования, выявляющего и реактуализирующего «истину Просвещения», т. е. исходную интенцию парадигмы «проекта модерна». Речь шла о некогда столь революционно антитрадиционалистской социокультурной парадигме, в рамках которой были подвергнуты «расколдованию», демифологизации вековечные

¹⁶ См.: *Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne.* Frankfurt a/M., 1989.

¹⁷ *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Цит. соч. С. 9.

устой традиционалистского мироощущения, находившие свое выражение в соответствующих мифологиях, но которая в иных исторических условиях, по мере своей реализации, все больше и больше вырождалась в своего исконного антагониста, в миф. В этой ситуации любая теория, следующая канонам философского дискурса, диктуемого данной парадигмой, прямо или косвенно оказывалась в положении лишь дополнительного импульса, способствующего развитию и углублению процесса деградации и саморазрушения последней. Исследование подобных проблем требовало использования равным образом нетривиальных и парадоксальных теоретико-методологических и стилистических подходов. В противном случае работе была уготована участь тех исследований, в ходе осуществления которых «даже самый честный реформатор, предлагающий нововведение в условиях избитого и затасканного языка, усваивая отшлифованный категориальный аппарат и стоящую за ним дурную философию, лишь упрочивает власть того существующего порядка, который он намеревался сокрушить»¹⁸.

Эта и подобные ей формулировки характеризуют сложность задачи, стоявшей перед соавторами «Диалектики Просвещения». Не только общая композиция книги, утверждающая – в противовес линейной последовательности традиционного нарратива – правомерность репрезентации смысловой целостности работы в виде кон-текста поясняющих и дополняющих друг друга дисконтинуально-дискретных ее фрагментов, но и сам ее язык наглядно свидетельствуют о том, что отход от общепринятых норм и канонов является целенаправленной стратегией ее авторов. Предельно отчетливо это проявляется в процессе перевода данного текста с немецкого языка: здесь обнаруживается, что подавляющее большинство его фраз, даже в тех случаях, когда высказываемая мысль вовсе не является столь уж парадоксальной и не требует нарочито усложненной формы выражения, сконструированы именно таким образом, что останавливают на себе внимание читателя, прерывают плавный ход повествования, излагающего тот или иной сюжет книги, заставляют сосредоточиться на усвоении присутствующего в них достаточно автономного смысла. Тем самым задается еще один, дополнительный уровень восприятия представленного в ней содержания – уровень «ауры» данного текста, т. е.

¹⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Цит. соч. С. 12.

мыслительного контекста, гораздо более масштабного, нежели тот, что представлен на страницах книги, и реактивируемого в ходе ее прочтения уже самим читателем, идущим навстречу требованиям, которые предъявляются данной нетрадиционной стратегией общения и взаимодействия автора и читателя. К сожалению, переводы этой работы на иностранные языки не могут дать полноценного представления об используемой здесь технике продуцирования поливалентных в смысловом отношении отдельных фраз, фрагментирования текста вплоть до микроуровня – его языковой «текстуры». Переводы неизбежно тривиализируют и нейтрализуют производимый ею эффект в угоду требованиям удобопонятности текста, о чем свидетельствует как наш перевод, так и ряд англоязычных переводов «Диалектики Просвещения»¹⁹. О том, что эта книга оказалась созвучной умонастроению эпохи, достаточно удаленной во времени от того самого мрачного в истории XX века периода, в который она создавалась и разрабатывалась, говорит факт повторного ее издания в 1969 г. без каких-либо изменений оригинального текста. Данное событие, имевшее место в год смерти Адорно, заставляет задуматься о том, не оказалась ли, в силу столь своеобразного стечения обстоятельств, из всего созданного им именно она, «Диалектика Просвещения», его философским завещанием.

Столь заметные специфические особенности текста этой работы, равно как и представленное столь нетрадиционным способом теоретическое ее содержание не могли не вызвать не просто настроенного, но предельно отрицательного отношения у приверженцев ортодоксального марксизма. Ведь данный вариант «творческого его развития» указывал лишь на совпадение исходных интенций этого исследовательского проекта и философско-мировоззренческой позиции основоположника учения, в свою очередь восходящих к принципам и идеалам, сформулированным отцами-основателями «проекта модерна» в ходе его утверждения в качестве инновативной социокультурной парадигмы, альтернативной традиционалистскому мироощущению. В «Диалектике Просвещения» осуществляется радикальное изменение тематического горизонта исследования, в результате которого первоочередным и преимущественным объ-

¹⁹ См., напр., *Horkheimer M., Adorno T. W. Dialectic of Enlightenment. Tr. by J. Cumming. N.Y., 1989.*

ектом анализа становится совершенно новый, специфичный для общества эпохи перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии развития феномен – коммуникативное взаимодействие индивидов в самом широком смысле. Такой тематический поворот мог вызвать лишь самую суровую «отповедь» и поношение со стороны тех, кто долгие годы трудился на поприще усовершенствования самых современных и наиболее эффективных из всех дотолее известных структур реификации, использующих все наличные достижения технологий массовой коммуникации в целях идеологической манипуляции сознанием масс и поточного производства массового сознания как такового. Как нам представляется, авторы «Диалектики Просвещения» в первую очередь и ставили перед собой задачу критического анализа данных тенденций развития коммуникативной среды современного общества. Они исследуют роль и функцию массовой культуры как конститутивного элемента системы общественных отношений, характерной особенностью которой становится распространение практики использования человеческого разума, способности рационального мышления – как самого совершенного инструмента выявления, разработки и эксплуатации ресурсов природы, безоглядно расходуемых на удовлетворение человеческих нужд уже на стадии господства индустриальных методов производства – также и на сферу человеческой ментальности. Последняя, как показано в книге, равным образом подлежит соответствующей переработке с целью получения «на выходе» целого спектра потребностей, совершенно неизвестных предшествующим эпохам и отныне становящихся основным стимулом экономического развития общества, что в свою очередь ведет ко все более и более интенсивному и экстенсивному расхищению материальных и энергетических ресурсов планеты. То, что эти проблемы выступают в качестве особого объекта анализа лишь в одном из разделов работы, к тому же четвертом по счету, никоим образом не означает, что речь тут идет о достаточно второстепенном, с точки зрения авторов, явлении общественной жизни.

Мы попытаемся проанализировать содержание этой работы под углом зрения предлагаемого нами схематического различения когнитивной и коммуникативной сфер человеческого опыта (подробному рассмотрению проблематики, выявляемой при помощи схемы различения опыта когниции и опыта коммуникации, посвя-

шен третий параграф данной главы). Эти сферы коррелятивны друг другу и неизбежно взаимосвязаны, но в пределах той или иной социокультурной парадигмы способны фигурировать в качестве доминантных, главенствующих стратегий взаимодействия человека с реалиями окружающей действительности. Это с необходимостью ведет к нарушению того устойчивого равновесия между ними, наглядный пример которого являют собой самые разнообразные формы традиционалистски-мифологического мироощущения, вполне успешно интегрирующие элементы теоретического знания в состав свойственных им ритуалов и обрядов. При таком подходе представленная в книге концепция саморазрушительного хода развития новоевропейской культуры и цивилизации обнаруживает целый комплекс смысловых горизонтов и перспектив, которые позволяют расценивать ее в качестве теоретического построения, затрагивающего самые коренные проблемы конституирования основных форм человеческой жизнедеятельности как таковых. Как уже неоднократно подчеркивалось выше, исходным постулатом данной работы является идея о том, что осуществленный на самой ранней стадии становления и развития парадигмы «проекта модерна» прорыв замкнутой цепи взаимопревращений различных, но всегда самотождественных форм традиционалистской ментальности стал событием всемирно-исторического масштаба, впервые открывшим перед человечеством перспективу полноценной реализации его неисчерпаемого мыслительного и деятельностного потенциала. Именно поэтому самой суровой и резкой критике буквально с первых же страниц книги ее авторами подвергается та генеральная линия развития данного исторического новообразования, которая по сути дела была уже полностью предвосхищена теми, кто стоял у ее истоков. Тезис о «счастливом бракосочетании» структур господства и насилия с новым, опирающимся на данные экспериментальных наук теоретическим знанием выдвигался уже Фрэнсисом Бэконом, автором известнейшей формулы «знание – это сила, власть (power)». Давая оценку воззрениям этого одного из наиболее ранних представителей Просвещения²⁰,

²⁰ «Программой Просвещения было расколдовывание мира. Оно стремилось разрушить мифы и свергнуть воображение посредством знания» (*Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика Просвещения. С. 16). Заимствованный у Макса Вебера термин «расколдование, расколдовывание» (*Entzauberung*) является тут основополагающим и исходным для всех последующих характеристик социокультурной парадигмы, обобщенно именуемой авторами «Просвещением».

активнейшего разоблачителя и ниспровергателя традиционалистских суеверий и догм, авторы «Диалектики Просвещения» сразу же указывают на то, что «счастливое бракосочетание человеческого рассудка с природой, имевшееся им в виду, *патриархально* (курсив наш. – М.К.): рассудку, побеждающему суеверия, надлежит повелевать расколдованной природой. Знание, являющееся силой, не знает никаких преград, ни в порабощении творения, ни в услужливости по отношению к хозяевам мира. ... Единственно чему хотя бы научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее и человека»²¹. Таким образом, авторы констатировали непосредственную преемственность между основанными на принципе прямого милитарного насилия властными структурами архаических обществ и инновативной стратегией освоения человеком окружающей его реальности, претендовавшей на раскрытие подлинных, а не мнимых законов ее развития. Эта претензия обосновывалась путем редуцирования полиморфного многообразия качественных характеристик действительности, которое утверждалось магическим мироощущением, пытавшимся присущими ему методами в тех или иных целях воздействовать на таковые, к абстрактным идентичностям математических формализаций; последние были призваны – в полном соответствии с воззрениями позднего Платона, именно в числе усматривавшего форму наиболее полноценной явленности праосновы всего сущего, вечных и неизменных идей, – стать строгим и точным выражением незыблемых законов мироздания. Подобного рода констатацией ракурс исследования с самого начала задавался вполне определенным образом: интерпретацией дискурса науки как дискурса власти выявлялась и утверждалась в качестве основополагающей и конститутивной необходимая связь и коррелятивная сопряженность структур когнитивного опыта со структурами опыта социальной коммуникации. Само по себе это являлось несомненным признаком философского мироощущения, нацеленного на радикальную переоценку наследия, с самого начала доставшегося ему от эпохи безраздельного господства парадигмы «проекта модерна», о чем свидетельствуют, например, относящиеся уже к более позднему периоду исследования М.Фуко.

²¹ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. С. 17.

Дальнейшее развитие комплекса идей, в основу которого была положена хоркхаймеровская концепция «инструментального разума», приводит авторов работы к еще более резким утверждениям: «...пробуждение субъекта куплено ценой признания власти в качестве принципа всех отношений. ... Усиление своей власти люди оплачивают ценой отчуждения от всего того, на что их власть распространяется. Просвещение относится к вещам точно так же, как диктатор к людям. Они известны ему в той степени, в какой он способен манипулировать ими. Человеку науки вещи известны в той степени, в какой он способен их производить. Тем самым их в-себе становится их для-него. В этом превращении сущность вещей всегда раскрывается как та же самая в каждом случае, как субстрат властвования. Этой идентичностью конституируется единство природы»²². Аналогичной процедуре редукции к самости, всегда и везде идентичной самой себе, подвергается и та множественность обличей, которые способно принимать человеческое существо, демонстрирующее – на уровне как филогенеза, так и онтогенеза – первостепенное значение практик мимезиса в деле освоения им реалий окружающей действительности, что закономерно вело к утверждению пресловутой бинарной оппозиции субъекта и объекта в качестве универсальной схемы всех возможных отношений человека с природой. «Именно идентичность духа и ее коррелят, единство природы, есть то, жертвой чего становится полнота качеств. Лишенная качеств природа становится хаотическим материалом для всего лишь классификации, а всемогущая самость – всего лишь обладанием, абстрактной идентичностью. ... Самые разнообразные сходства между сущим вытесняются одним-единственным отношением между задающим смысл субъектом и смысла не имеющим предметом, между рациональным значением и случайным носителем значения»²³. Данной процедурой «ликвидации» качественного своеобразия предметности (еще доступного даже такому «кровавому заблуждению», каким являлась магия), превращающей любое уникальное в своей самобытности явление в полностью взаимозаменяемый «экземпляр» того или иного вида сущего, в частный случай действия часового механизма закона природы, функционирующего с неумолимой точностью, прокладывался прямой путь к реабилита-

²² Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. С. 22–23.

²³ Там же. С. 23–24.

ции и реактуализации в пределах новой научной парадигмы одного из наиболее архаических представлений античности – идеи о всевластии всемогущего рока, фатума, безраздельно владычествовавшего над судьбами не только смертных, но даже и их повелителей, солярных богов Олимпа. Эффект, достигаемый в ходе реализации данных исходных установок, оказывается прямо противоположным ожидаемому: стратегия полного и окончательного освобождения человека от уз природной зависимости на деле оборачивается еще более прочным подчинением его обретающему все более и более враждебный облик и лишь ужесточающему свое противодействие извечному его контрагенту. «Любая попытка порвать узы природного принуждения, в результате чего сломленной оказывается сама природа, лишь тем прочнее затягивает эти узы. Таков путь, проложенный европейской цивилизацией»²⁴.

Это краткое представление критической позиции, занятой авторами «Диалектики Просвещения» по отношению к самому ходу развития новоевропейской социокультурной парадигмы, нуждается, на наш взгляд, в дополнительных пояснениях, реконструирующих ряд содержательных моментов, чрезвычайно существенных для выявления целостной картины изложенной тут точки зрения, но присутствующих в тексте работы лишь имплицитным образом. В первую очередь это относится к той трактовке феномена времени, которой придерживаются авторы исследования. Хотя специальный анализ данного феномена отсутствует на страницах их работы, вполне очевидно, что острое критики оказывается направленным тут против того архаически-мифологического представления о времени, в соответствии с которым оно рассматривается в качестве замкнутого круга, кругооборота и цикличного повторения одних и тех же извечных данностей мирового порядка. Существенно изменила эту картину христианская эсхатология, разомкнувшая фигуру бесконечного прохождения одного и того же пути, концом которого неизменно оказывалось его начало, в линейную перспективу реализации изначального замысла Творца. Финалистическим характером эсхатологии утверждалась самоценность неуловимых мгновений настоящего, предоставляющих тварному существу возможность совершить акт нравственного выбора, который открывает путь либо к спасению, либо к окончательной гибели, в противо-

²⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. С. 27.

вес той второстепенной функции промежуточного звена между прошлым и будущим, неизменно оборачивающимся все тем же прошлым, которую настоящее выполняло в античном мироощущении. В систематике парадигмы «проекта модерна» это нашло свое выражение в утверждении принципа бесконечного прогресса знания в качестве одного из главенствующих постулатов, придающего статус самоочевидной легитимности процессу все более и более совершенного познания действия механизма Вселенной, в каждый новый момент времени лишь воспроизводящего с математической точностью все то, чем являлось мироздание со времен «Большого Взрыва» или акта творения его из ничто. Наглядным воплощением вполне успешно осуществленного здесь синтеза казалось бы столь альтернативных друг другу представлений о времени стала пресловутая фигура «спиралевидного развития», призванная «диалектически разрешить» наличное тут противоречие, свидетельствующее лишь о том, что инновативное представление о времени, которому данная социокультурная парадигма собственно и была обязана самим фактом своего возникновения, подверглось процедуре нейтрализации и выхолащивания его изначального смысла. В результате на смену представлению, которым настоящее утверждалось в качестве центрального элемента трехчастной структуры времени, момента как бы приостановки неудержимого потока времени, открывающего достаточно широкий спектр возможностей как видоизменения грядущего, так и переоценки того, что уже состоялось, пришло – в качестве господствующего в новой исторической обстановке – архаически-традиционалистское представление о времени как процессе «вечного возвращения тождественного».

Креативный потенциал человеческого существа, временным модусом реализации которого может быть только настоящее, редуцируется здесь к способности изобретения все более и более совершенных способов рефлексивного отображения в пространстве мысли неизменных от начала и до окончания времен законов бытия. С каждым этапом продвижения по пути такого «поступательного прогресса знания» эта способность все более убедительно удостоверяет полную зависимость самого факта существования человеческого рода уже не только от процессов закономерного развития Вселенной, но и от случайных аномалий либо планетарного, либо космического масштаба. В задаваемой авторами «Диалектики

Просвещения» аналитической перспективе данная операция редукции вполне закономерно предстает как современная версия утверждения прошлого в качестве единственно доступного человеческому опыту временного измерения, которое всецело предопределяет события настоящего и будущего, выполняющих тут всего лишь служебную функцию средств его бесконечной реактуализации. Равным образом бесконечно воспроизводящим одну и ту же, самоотждествленную, всегда идентичную самой себе коррелятивную зависимость, выражающую властную оппозицию господства и подчинения, является и тот *modus operandi*, в соответствии с которым выстраивается вся система взаимоотношений человека эпохи господства парадигмы «проекта модерна» с природой, с окружающей его действительностью как таковой. Данная практика «общения» с потенциальным оппонентом уходит своими корнями в древнейшие слои человеческой истории, когда единственным вариантом ответа на ту угрозу дестабилизации монолитного, сцементированного непреходящей мудростью прошлых веков коллективного сознания рода или племени, которую хоть в какой-то степени таил в себе контакт с тем или иным инородцем, чаще всего оказывалось прямое милитарное насилие. Эта практика на протяжении тысячелетий принимала самые разнообразные формы, но никогда не изменяла своему прямому назначению – быть предельно эффективным способом пресечения в корне любой возможности «диалога» между сторонами оппозиции, блокировки того процесса коммуникации, которым бы они уравнивались в правах в качестве ее равноценных агентов и в ходе которого создавались бы предпосылки изменения их прошлого состояния в результате их контакта в настоящем. Уже в качестве деятельностного алгоритма данная практика успешно дополняла собой ту теоретическую установку, которая, по сути, вполне традиционалистским образом утверждает безусловный примат прошлого над двумя другими измерениями времени. Вряд ли поэтому приходится удивляться тому исполненному самой «черной» иронии ответу, который был дан природой столь самонадеянно возомнившему себя ее «повелителем» человеку: тип мышления и действия, не способный даже в самых дерзких креативных актах выйти за пределы прошлого, неизменно возвращающегося в каждый данный момент времени «на круги своя», обречен все больше и больше подчиняться неумоли-

мой последовательности тех событийно-предметных воплощений этого прошлого, стремлением к установлению полновластного контроля над которыми и было мотивировано в его исходной точке само движение по этому пути.

И тем не менее даже в подобного рода ситуации постоянно-го возвращения в прошлое путем неуклонного движения вперед систематика парадигмы «проекта модерна» продолжает воспроизводить, пусть даже в предельно редуцированной форме, ограниченной лишь сферой когнитивного опыта, тот свой исходный импульс, благодаря которому она с полным правом может считаться радикально порывающей с предшествующей традицией мироощущения. В известном смысле на наличный тут комплекс проблем указывает составная часть основного тезиса «Диалектики Просвещения», дополняющая вышеупомянутое утверждение о самопревращении Просвещения в миф: «...уже сам миф есть Просвещение»²⁵. Думается, что данное суждение не следует понимать лишь в том смысле, что элементы научного знания, неизбежно входившие в состав тех или иных мифологий, в зачаточной форме являлись пока еще весьма разрозненными и не способными консолидироваться до состояния необходимой «критической массы» компонентами той властной стратегии «покорения природы», полноценная реализация которой стала возможной лишь в пределах иной социокультурной парадигмы. Как и все представленное авторами на страницах этой книги, данное положение является амбивалентным в смысловом отношении. Поэтому оно равным образом указывает и на то, что неизбежно присутствовавшие в составе мифа элементы его самоотрицания свидетельствовали о столь же неизбежном наличии в человеческом опыте особого момента, которым предполагался трансгрессивный выход за пределы предписываемого конструкцией мифа канона мышления и действия, открытие иных, уже не укладывающихся в рамки последнего возможностей человеческого существования. В ходе развития данной тенденции креативного преодоления границ наличного и мифологически легитимированного опыта, носители которой в условиях традиционалистских обществ были вынуждены довольствоваться жалкой ролью оттесненных на периферию общественной жизни и нередко гонимых (вплоть, например, до пожизненного изгнания из

²⁵ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. С. 13.

полиса или распятия на кресте) маргиналов, были по сути дела выявлены и доступным для того времени образом осмыслены те исходные схематизмы познавательной и нравственно-практической деятельности, которые в дальнейшем послужили основой для возникновения и развития парадигмы «проекта модерна».

В первую очередь это относится к удостоверяемой платоновским учением об «идеях» и аристотелевским указанием на неутилитарный характер метафизического знания как высшей формы знания²⁶ фигуре абстрактно-негативного дистанцирования от того якобы «естественного» способа восприятия предметов и явлений окружающей действительности и навыков обращения с ними, которые были единственно возможными в пределах задаваемой мифом картины мира, переживаемой в качестве извечно и навечно данной человеку реальности. Ведь первоочередной функцией мифологической конструкции, беспрекословно интериоризируемой членами того или иного сообщества, всегда являлась строжайшая регламентация совершаемых в любых жизненных ситуациях поступков и даже тех стереотипов сенсорного восприятия, на основе которых осуществлялось взаимодействие обитателя мифологического *habitat'a* с соответствующим образом реконструированным природным окружением. Правда, присутствующая в первых пробах абстрактного мышления негативная интенция выхода за пределы наличных форм опыта неизбежно находила свое завершение в метафизических построениях, которые ничуть не в меньшей степени, чем миф, увековечивали описываемый ими незыблемый порядок бытия, в своей основе восходящий к действию лишенных атрибута временности, непреходящих и неизменных сущностей, первопричин сущего либо его совершенных прототипов, непосредственному восприятию «узника пещеры» недоступных, но все и вся в этом мире порождающих «эйдосов». Однако это обстоятельство никоим образом уже не могло скрыть факт наличия в структуре человеческого опыта специфического элемента – способности использования временного «зазора» настоящего в качестве «точки» разрыва замкнутого круга времени, в которой человеческому уму открывалась новая, прежде совершенно неизвестная перспектива восприятия окружающей действительности, что и имело место, например, в случае трансформации античной мыслью мифа в мета-физику.

²⁶ *Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Соч. Т. 1. М., 1975. С. 69.

Но именно эта специфическая способность человеческой мысли к негации и выходу за пределы изведенного, удостоверенного всем предшествующим опытом порядка вещей и хода событий, к открытию новых, прежде неизвестных возможностей существования себя и мира, – способность, которой наделено лишь единственное на планете существо, экзистенциально укорененное в трехчастной структуре времени, – начиная с самых ранних попыток ее реализации была заранее обречена, как то наглядно демонстрируется всей историей развития философской и научной мысли на европейском континенте, на превращение в свою прямую противоположность, в средство, инструмент стабилизации пришедшей по тем или иным причинам в неравновесное состояние системы миропорядка и обслуживающего его мировоззрения. Поэтому в рамках одной из самых ранних стратегий исследования, нацеленных на осмысление временного измерения человеческого существования, – в хайдеггеровской экспозиции «вопроса о времени и бытии», развернутой в «Бытии и времени» и последующих работах, – обращение к наследию европейской научной и философской традиции с необходимостью приобрело форму программы деструктивного демонтажа ее ключевых моментов, т. е. основных этапов того исторического процесса, результатом которого явилась столь характерная для современности ситуация «сокрытости», недоступности человеческому опыту «бытия» как такового и всем ходом которого лишь удостоверилась справедливость крайне пессимистического вердикта позднего Хайдеггера относительно непреложности именно такой «участи бытия». В данном случае, думается, речь должна идти отнюдь не о неуспехе выполнения столь масштабной программы, послужившей стимулом к возникновению целого массива историко-философских работ самого высокого теоретического уровня, но о диагнозе, поставленном современной исторической эпохе. Последний, по сути дела, практически полностью совпадает с той предельно критической оценкой, которая была дана авторами «Диалектики Просвещения» всему ходу развития рационалистической традиции европейской научной и философской мысли. Здесь так же, как и в случае Хайдеггера, окончательным вердиктом становится констатация неизбежности самопревращения попытки прорыва в область неизведанного, самой грандиозной в человеческой истории, в столь же беспрецедентный по своей эффективно-

сти фактор дополнительной стабилизации удостоверяемого опытом прошлого «идентичного», всегда самому себе тождественного миропорядка.

Совершенно очевидно, что подобного рода оценка генеральной линии развития научного знания в европейской культурной традиции полностью исключала возможность использования свойственного науке способа познания в качестве универсальной модели, позволяющей в концентрированном виде выявить и описать широчайший спектр неразрешимых проблем, которыми оказался чреват столь пагубный для его исходного замысла ход реализации «проекта модерна». Ни Хайдеггера, ни авторов «Диалектики Просвещения» никоим образом нельзя отнести к числу ведущих специалистов в области теории и истории естествознания, а вдохновлявший их творческие искания сугубо философский пафос далеко не всегда способствовал обостренной восприимчивости к реалиям действительного опыта науки, более чем успешное обращение к которому было позднее наглядно продемонстрировано, например, «Структурой научных революций» Т.Куна, а также работами целой плеяды достаточно хорошо известных исследователей в области истории и философии науки²⁷. Помимо этого, хотелось бы указать и на следующее немаловажное обстоятельство. Стержневым элементом философского мироощущения Адорно является трактовка им практики мимезиса в качестве основополагающего способа взаимодействия человека с окружающим его миром. Подобная позиция предполагает невозможность установления отношения взаимно однозначного соответствия между вещью и строго фиксированным понятием о ней, обретения такого ракурса видения, в фокусе которого неизменно оказывалась бы вся совокупность существенных характеристик доступной восприятию предметной действительности. В то же время именно посредством мимезиса становится возможным выражение, а тем самым и трансляция в культуре, той непосредственной взаимосвязи человеческого существования с целостностью мироздания, одним из наиболее ранних примеров которого являлось, по мысли авторов «Диалектики Просвещения», представление о «мана»²⁸. Оно ста-

²⁷ Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1970 (Sec. ed.); Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

²⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. С. 28–31.

ло первой парадигмой опыта удостоверения того, что как таковое принципиально не поддается осмыслению в пределах ни одного из доступных человеку типов мышления, но тем не менее постоянно остается, о чем свидетельствует вся история бесчисленных попыток прото- и псевдорационализаций мифологического и религиозного характера, *conditio sine qua non* существования человека в этом мире. Вполне сопоставимой с этой апорией, неразрешимой для человеческой познавательной способности, оказалась и поставленная авторами задача осмысления саморазрушительного пути развития социокультурной парадигмы «проекта модерна», о чем свидетельствует содержание первого фрагмента, «Понятия Просвещения», служащего концептуальным базисом всей работы. Явная недостаточность весьма широкого диапазона стратегий анализа, остающихся в пределах теоретического дискурса, заставляет авторов книги прибегнуть к весьма нетрадиционному для жанра философского трактата исследовательскому приему – реконструкции образа литературного героя, гомеровского Одиссея, призванного выразить, миметически воспроизвести то, что не поддается осмыслению на уровне понятия и диалектической логики.

Уже сам факт интегрирования в состав теоретического исследования, нацеленного на философский анализ процесса распада господствующей социокультурной парадигмы, столь необычного его компонента позволяет, на наш взгляд, квалифицировать предъявленную тут исследовательскую стратегию как базирующуюся на принципе взаимопроникновения, взаимной дополнительности и непосредственной взаимосвязи опыта когниции и опыта коммуникации. В этой связи едва ли оправданным представляется неоднократно предъявлявшийся авторам «Диалектики Просвещения» упрек в неправомерной модернизации образа античного героя, наделяющей его всеми характерными чертами буржуазного индивидуума, т. е. типа личности, сложившегося в гораздо более позднюю историческую эпоху. Думается, что задача, решаемая тут путем всемерного использования художественно-эвристического потенциала одного из первообразов европейской культуры, является несравненно более масштабной. Трудно было бы представить себе более адекватную форму репрезентации столь основополагающего для всей культуры Нового времени процесса демонтажа мифологического мироощущения, демифологизации и «расколдо-

ывания» структур мироздания, чем та, в которой, в полном соответствии с методологическим приемом «конstellации», совокупность сюжетов гомеровского повествования была превращена в то специфическое «созвездие» ключевых моментов, множественность смысловых центров притяжения которого одна только и была способна обеспечить полномасштабность картины описываемого феномена. Равным образом и процесс становления человеческой «самости», всю драму ее насильственного отсечения от обширнейшего контекста устоявшихся за тысячелетия природных и общественных связей и соответствующего оскудения внутреннего мира ее мускулинистски-волевой, целеустремленной и властной ипостаси вряд ли можно было бы столь убедительно представить читателю без апелляции к тем архаическим первообразам, которые были рождены эпохой, еще не ведавшей четкого разделения функций теоретической мысли и искусства. Активное внедрение в ткань теоретического дискурса такого коммуникативного компонента позволяло дополнить абстрактный схематизм понятийной рациональности конкретикой эмотивно-аффективного способа освоения действительности и тем самым, пусть даже только в данном отдельном случае, восстановить былую неразрывную связь этих основных видов человеческого опыта, факт автономного, друг от друга изолированного существования и развития которых в новоевропейской культуре был столь корректно констатирован структурой кантовских «Критик». Это создавало необходимые предпосылки для всестороннего освещения феномена, вся полнота специфических особенностей которого не поддавалась выявлению посредством категориального аппарата абстрактного мышления.

Однако ничуть не менее существенным являлось и то обстоятельство, что в данном случае речь шла об исследовании процесса, никоим образом не относящегося к разряду безвозвратно канувшей в лету исторической событийности, достаточно «мертвой» для того, чтобы быть «понятой» при помощи объективистских методов познания, руководствующихся принципом «убить, чтобы понять». Продолжающийся и в наши дни процесс саморазрушения парадигмы «проекта модерна» являлся для авторов «Диалектики Просвещения» настолько в полной мере актуальной действительностью их собственного существования, что по отношению к нему была попросту невозможна позиция невовлеченного наблюдателя,

безучастно анализирующего происходящее с некой вневременной и надисторической точки зрения. Поиск путей выхода из данной совершенно неразрешимой для человеческого интеллекта ситуации, удостоверением чего служили известные еще с древности парадоксы самореферентности, например парадокс «критянина-лжеца», осуществлялся авторами работы посредством дальнейшей углубленной концептуальной разработки того исходного представления о соотношении временных модусов прошлого и настоящего, которое упоминалось выше. Они ставили перед собой задачу уже не выявления неких объективных, протекающих независимо от акта их познания человеческим существом закономерностей, но осмысления ситуации активного взаимодействия агента познания с познаваемым феноменом, интерактивного характера их взаимосвязи. Поэтому приоритетным «объектом» теоретического исследования должны были являться уже не макроструктуры того извечного миропорядка, с которым имеет дело стратегия установления безграничного господства человека над природой, но те не укладывающиеся в схемы поступательного развития природы и общества микрособытия практики освоения человеком окружающей его действительности, которые принципиально не могут быть представлены в качестве частного случая действия некоего всеобщего закона и потому таят в себе возможность прорыва казалась бы столь неразрывной цепи неизбежных возвращений «на круги своя», удостоверяемого опытом прошлого самотождественного, идентичного порядка вещей и событий. В чрезвычайно утрированной и доходящей до грани эпатажа форме, столь характерной для создававшейся примерно в этот же период работы «*Minima Moralia*», Адорно выразил это следующим образом: «Когда Беньямин говорил о том, что история до сих пор писалась с позиции победителя и должна быть написана с таковой побежденного, то к этому можно было бы добавить, что хотя на познание и возлагается обязанность изображения злосчастной прямой линии череды побед и поражений, ему, однако, в то же время следовало бы обратиться к тому, что не укладывалось в подобного рода динамику, оставалось лежать на пути – в некотором роде отбросам и слепым местам, от диалектики ускользнувшим. В этом-то и состоит сама суть побежденного – в бессилии своем казаться несущественным, периферийным, искаженным. Трансцендировать господствующее общество, вывести за его пределы способны не только развитые

им потенциальные его возможности, но точно так же и то, что не вполне вписалось в законы исторического движения. Теория обнаруживает себя отосланной к перечисляемому, непрозрачному, неосмысленному, которое как таковое хотя и несет в себе заранее нечто анахроничное, но не оказывается целиком устаревшим из-за того подвоха, который ему довелось подстроить динамике истории»²⁹. Стало быть, стилистический прием иллюстрирования теоретических положений работы яркими литературными образами³⁰, на первый взгляд достаточно тривиальный, на деле оказывается тут способом сведения воедино в пространстве одновременно и теоретического и художественного дискурса сразу нескольких проблемных рядов, ключевых и основополагающих для разрабатываемой авторами в данном произведении философской позиции.

При таком подходе не приходится удивляться тому, сколь емким по смысловой нагруженности становится образ героя гомеровского эпоса в трактовке, данной ему в соответствующем фрагменте «Диалектики Просвещения», авторство которого негласно приписывается одному только Адорно. Под пером последнего история скитаний по Средиземноморью островного владыки, героя Троянской войны, навлекшего на себя гнев морского божества Посейдона и потому обреченного на бесконечно долгий и полный смертельных опасностей путь к берегам родной Итаки, превращается в ничуть не менее эпическое по характеру повествование о процессе той радикальной трансформации традиционалистского мироощущения, которой обязана своим возникновением пришедшая ему на смену новая социокультурная парадигма. Одиссей, неизмеримо более слабый физически по сравнению с противостоящими ему мифологическими силами, которыми буйному воображению древних греков удалось столь густо заселить тогдашнюю их ойкумену, неизменно выходит, правда зачастую не без помощи благосклонных к нему солярных божеств, победителем из всех смертельных схваток и в конечном итоге, благополучно достигнув родного дома, одерживает верх даже над самым своим заклятым врагом, бесконечно могущественным повелителем вод морских.

²⁹ Adorno T.W. *Minima Moralia*. Frankfurt a/M., 1997. S. 199–200.

³⁰ Данную тенденцию вслед за «Экскурсом I. Одиссей или миф и Просвещение» продолжает в «Диалектике Просвещения» «Экскурс II. Жюльетта или Просвещение и мораль», где этически-нравственная проблематика эксплицируется путем обращения к содержанию и образам романов маркиза де Сада.

Единственным оружием, помогающим Одиссею противостоять всеокрушающей мощи законов и установлений мифологического миропорядка, которые освящаются многовековой традицией транслирования от поколения к поколению содержания прошлого опыта и персонифицируются тут чередой встречающихся на его пути кошмарных монстров и столь же губительных обольстительных созданий, является его хитроумие, точнее – способность к выстраиванию трансгрессивных схем поведения; в ходе их осуществления извечные законы мифологического мира, жертвой которых он неминуемо должен был бы пасть, обнаруживают свою несостоятельность. Так, не слишком сообразительного людоеда Полифема ему удается одурочить ценой отречения от одного из наиболее сакрализованных атрибутов мироощущения эпохи родового общества – собственного имени, благодаря чему он и его спутники благополучно избегают мести соплеменников циклопа, ослепленного тем, кто назвался «никем», а проплывая мимо острова Сирен, перед колдовскими чарами пения которых не способно устоять ни одно человеческое существо, он предпринимает ряд превентивных мер (приказывает себя самого привязать к мачте, а остальным – залепить уши воском), тем самым спасая и себя и их от смертельной опасности поглощения человеческой индивидуальности стихией примордиальных хтонических сил. Вполне резонным на фоне этих и подобного рода доблестных подвигов Одиссея является задаваемый авторами работы вопрос о дальнейшей судьбе его поверженных мифологических противников³¹. Ответ на него достаточно очевиден: вызванное поступками Одиссея однократное событие, нарушающее действие закона бытия, неизбежного для мифологического способа видения мира, вовсе не является некоей контингентной аномалией, но самым непосредственным образом свидетельствует о полной дискредитации бытийной значимости для человека данной структуры древнего миропорядка. Поверженные отнюдь не превосходящей физической мощью, но присущей только слабосильному человеческому существу способностью прорвать – в мгновении настоящего – удостоверяемый несчетными столетиями прошлого опыта навечно замкнутый круг самотождественного порядка вещей и событий и выйти в качественно иное измерение бытия, мифологические противники Одиссея попро-

³¹ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. С. 80–81.

сту лишаются права на дальнейшее существование. Средиземное море очищается от прежде населявших его демонических сил и становится вполне пригодным для реализации утилитарных целей человека географическим пространством.

Однако та трактовка, которую получает образ Одиссея на страницах «Диалектики Просвещения», отнюдь не является гимном человеческому разуму, победоносно сокрушающему оковы традиционалистского мироощущения и высвобождающему дремлющие интеллектуальные ресурсы *homo sapiens*. Нельзя сказать, что это повествование в яркой и живописной форме изображает процесс «расколдовывания», демифологизации архаической картины мира как неуклонное прогрессивное историческое развитие человеческой культуры и цивилизации. Уже достаточно настораживающим нюансом становится тот легкий налет ностальгии по космосу, навеки утраченному в результате деяний первопророка Одиссея, которым неизменно оказывается окрашенной осуществляемая тут аналитическая реконструкция череды его доблестных подвигов. Он объясняется тем, что авторы работы, полностью отдавая себе отчет в губительности для креативного потенциала человека специфических особенностей мифологического мироощущения, тем не менее рассматривают последнее как форму опыта, которая – пусть в предельно искаженном виде, но все же в чем-то адекватно – воспроизводит и описывает ситуацию взаимодействия человека с его исконным контрагентом, столь же жестокой и беспощадной, сколь и бесконечно щедрой по отношению к нему матерью-природой. Демонстрируемая же Одиссеем стратегия взаимоотношений человека с природным окружением, утверждающая себя на развалинах традиционалистско-мифологической картины мира, никоим образом не нацелена на поиск, выявление и разработку новых возможностей взаимосвязи, взаимной принадлежности и взаимопроникновения человека и мира, открывающих новые перспективы гармонизации их отношений. Вместо этого в качестве единственного принципа отношения ко всему тому, что не является им самим, он утверждает господство, не знающее пределов власти равным образом и над природным окружением и над ему подобными. Именно к такому результату приводит процесс формирования человеческой «самости», руководствующейся исключительно лишь задачей «самосохранения» и готовой идти на любые жертвы ради достижения

этой цели. О том, насколько травматичным для существа, отваживающегося покинуть лоно мифологического мироощущения, является подобного рода жертвоприношение, им над самим собой учиняемое, наглядно свидетельствуют те мучения, которые испытывает, внимая колдовскому пению Сирен, привязанный к мачте Одиссей, сразу же позабывший о своей исторической миссии, готовый отречься от своей новообретенной самости, прошедшей закалку в жестоких поединках, и даже расстаться с самой жизнью ради того несказанного блаженства, которое обещает ему волшебная красота этих звуков. Он умоляет своих спутников отвязать его, но они не слышат его и продолжают упорно грести, курсом своего корабля прокладывая путь цивилизации, безжалостно отсекающей многообразие всех тех связей человека с мифологизированной реальностью, которыми, как коконом, опутывал его ужасный и в то же время прекрасный мир архаической древности.

И тем не менее один из наиболее фундаментальных устоев прежнего миропорядка оказывается полностью, без сколько-нибудь существенных изменений, ассимилированным тем новым мироощущением, олицетворением которого становится на страницах «Диалектики Просвещения» фигура античного героя. Удостоверяемые всем прошлым опытом человечества в качестве единственно возможного способа упорядочивания жизни социального сообщества и адекватного взаимодействия человека с окружающей действительностью, отношения господства и подчинения продолжают выполнять ту же функцию и в пределах уже иного вида мышления и практики, утверждающего себя именно путем радикальной дискредитации устоев и принципов традиционалистско-мифологического мировоззрения. Череду доблестных подвигов Одиссея едва ли можно рассматривать в качестве событийного ряда, наглядно свидетельствующего об окончательном освобождении человеческого индивидуума от власти демонических сил, персонифицировавших для обитателя мифологического универсума его рабскую зависимость от явлений природы. То обстоятельство, что отныне властные полномочия его поверженных противников переходят к нему, существу, наконец-то осознавшему, что наиболее эффективным инструментом утверждения господства над чем-либо является вовсе не физическая мощь или освященная давней традицией незыблемость закона, но неисчерпаемый потенциал человеческого разума, на деле оказывается

псевдо-коперниканским переворотом. Это – не что иное как процедура «выворачивания наизнанку» (Umkehrung) все той же архаичной бинарной оппозиции господства и подчинения, структуры отношений, неизбежно ведущая к их аберрации, всемерно препятствующей достижению состояния сбалансированного равновесия между действиями друг другу оппозиционных, но обладающих равноправным статусом агентов взаимодействия. Поэтому и все победы, одержанные Одиссеем над противоборствующими ему демоническими силами, превращаются в свою прямую противоположность: по сути дела они наносят столь же сокрушительный удар и по способности трансгрессивного прорыва замкнутого круга устоявшегося миропорядка, благодаря которой ему только и удастся совершить все содеянное им и обрести статус уже более не порабощаемого стихией природы, но господствующего над ней существа. Участью поверженных им демонов отнюдь не становится их полное и окончательное небытие: они благополучно воскресают, но уже в новом обличье – как человеческий интеллект, низведенный до положения послушного инструмента достижения поставленных целей, а равным образом и продуцируемые последним структуры реификации (Verdinglichung) самых различных сфер человеческой жизнедеятельности. В этой ситуации, одновременно и качественно иной, и прежней, императивами мысли и действия становятся уже не шаблоны и стереотипы, навязываемые мифологической картиной мира, но установления человеческого разума, который руководствуется отнюдь не задачей выявления обширнейшего контекста связей человека с мирозданием как целостной системой, интегративно включающей его в свой состав в качестве элемента инновативного ее видоизменения, но задачами и целями, продиктованными стратегией самосохранения любой ценой. Речь идет о самоутверждении и всемерном расширении властных полномочий существа, которое способно к выстраиванию системы связей с окружающей действительностью только в форме однополярной, субъектно централизованной системы, предполагающей вовсе не взаимодействие, но одностороннее целенаправленное воздействие на исконного контрагента, низведенного до уровня бездонного источника всевозможных ресурсов.

Вполне соответствующей подобного рода властной стратегии оказывается и система знаний, на основе которых осуществляется вычленение поддающихся утилитарному использованию фрагмен-

тов действительности, – система, ориентированная на реконструкцию идентифицированного в пределах прошлого опыта миропорядка, устойчивость будущего состояния которого удостоверяется и гарантируется непреложностью и объективным характером законов его существования и развития, констатируемых всем предшествующим опытом. В данной схеме отношений отсутствует фактор активного воздействия человека на окружающий его мир, неизбежно влекущего за собой видоизменения соотношения целого и его части на всех уровнях системы вплоть до предельного. Это исключает возможность создания структур опыта, предусматривающих существенную коррекцию исходной установки в соответствии с получаемыми по каналам обратной связи данными о потенциальной реакции обширнейшего контекста взаимосвязей элементов целостной системы, причем такую коррекцию, которая осуществлялась бы еще до того момента, когда – как это предполагается, например, в случае грядущего истощения энергетических ресурсов планеты – неукоснительное следование по однажды избранному пути оказывается чреватым катастрофическим исходом. Необходимым условием возникновения подобного рода структур является признание за исконным контрагентом субъекта познания и практики статуса равноправного участника процесса взаимодействия, в котором состояния обоих полюсов коррелятивной связи изменяются в соответствии друг с другом.

Вполне очевидно, что выстраивание структуры такого типа взаимосвязи не представляется возможным по отношению к исходному конструкту когнитивного опыта, объекту, свойства которого обусловлены строго однозначно определяемыми закономерностями его существования и развития. Лишь в сфере опыта коммуникативного и соответствующей ему взаимосвязи активных субъектов действия становится возможным освоение познавательных структур, которые дополняют присущие сфере когнитивного опыта формы познания действительности и служат делу расширения тематического и проблемного горизонта перманентного процесса осмысления человеком своего местоположения в мире.

Таким образом, разработанная Адорно стратегия коммуникативного опыта, ряд характерных особенностей которой мы попытались реконструировать при помощи схемы интерпретации, подразделяющей совокупность человеческого опыта на взаимодополняю-

щие сферы опыта когниции и опыта коммуникации, оказывается релевантной не только взаимоотношениям индивидов в человеческом сообществе, но и отношениям человека к окружающей его действительности в целом, тем самым приобретая достаточно отчетливо выраженную онтологическую значимость. В этой связи вполне удовлетворительное, на наш взгляд, объяснение получает тот факт, что одной из неотъемлемых и важнейших составных частей мироощущения Адорно в завершающий и наиболее продуктивный в философском плане период его творчества становится неустанная полемическая конфронтация его мировоззренческой позиции с позицией его основного идейного оппонента – Мартина Хайдеггера.

Далеко не в последнюю очередь можно отметить и то, что Адорно в период эмиграции в США непосредственно соприкоснулся с бытовавшими в среде самой развитой на тот момент системы масс-медийных коммуникаций практиками воздействия на сознание широких слоев населения; в зрелый период творчества он активно прибегал к услугам периодической печати и радиовещания для популяризации своих воззрений, ознакомления с ними самых широких кругов западногерманской общественности. Его отношение к новым возможностям коммуникативного опыта, реализуемым сферой масс-медиа, было, судя по всему, принципиально амбивалентным. Резко критическая их оценка сочеталась у Адорно с чуткой восприимчивостью – свойственной ему как музыканту и композитору – к едва заметным в его время в этом инструменте властвования деструктивным для «дискурса власти» элементам. Они потенциально содержали в себе тот исходный эмансипационный импульс, который вызвал к жизни западноевропейский цивилизационный проект, не без успеха и в то же время тщетно предававшийся, как и хайдеггеровский «опыт бытия», «забвению» на всех этапах его реализации.

2.2. За пределы «галактики Гутенберга»: medium is the message

Думается, достаточно очевидно и не нуждается в подробном освещении то обстоятельство, что в культурологической концепции, изложенной в «Галактике Гутенберга», где Маклюэн стремился вы-

явить роль и значение в структуре социокультурных парадигм такого конститутивного их фактора, как технологии средств общения, он сделал первые шаги на том же проблемном поле – поле осмысления специфических особенностей стратегий коммуникативного опыта в современную эпоху и даже практических экспериментов в этой области, – задачу освоения которого ставили перед собой и столь именитые его предшественники и старшие современники. Этим, однако, не исчерпывается известного рода сродство философско-мировоззренческих позиций трех выдающихся представителей современной философской мысли. В данной работе Маклюэн не претендует на предъявление радикальной критической позиции, способной вызвать реакцию отторжения и неприятия со стороны массового читателя (что, кстати, отчасти имело место в случае рецепции идей и стилей философствования Хайдеггера и Адорно). Однако здесь, в теоретической форме, умышленно низведенной до уровня удобопонятной банальности, – что само по себе является, на наш взгляд, явно инновативным коммуникативным приемом, едва ли совместимым с каноном традиционного теоретического дискурса, – представлена оценка современной исторической ситуации, во многом сходная с теми диагнозами эпохи, которые мы находим в работах Хайдеггера и Адорно.

Даже с чисто содержательной точки зрения можно было бы указать на ряд присущих анализируемой исторической эпохе и выражающих ее специфику социокультурных феноменов, таких как индивидуализм, демократия, протестантизм, капитализм и национализм, саму возможность возникновения которых Маклюэн связывает с процессом радикального переструктурирования «сенсорного баланса» человеческого мировосприятия. Речь идет об оттеснении на задний план прежней аудио-тактильной доминанты посредством выдвижения на авансцену визуальной доминанты, чему всемерно способствовало успешное внедрение во все сферы человеческой жизнедеятельности технологий массового производства и тиражирования печатного слова (подробнее мы расскажем об этом в третьей главе). Отношение Маклюэна к этому процессу едва ли можно считать однозначно позитивным. Однако общая критическая направленность анализа Маклюэном присущих эпохе «галактики Гутенберга» способов чувственного восприятия, типов ментальности и форм организации социальной жизни гораздо бо-

лее очевидна в той части его концептуального построения, наделенной всеми признаками «прогрессистского» подхода, в которой утверждается неизбежность утраты технологией печатного слова ее абсолютно доминантного статуса как основного инструмента формирования и организации человеческого опыта в целом и перехода к иным способам общения, использующим более совершенные, электронные технологии коммуникации. По сути дела здесь речь идет о предельно смягченных по форме выражения оценке и диагнозе эпохи, открыто констатирующих факт заката эры «галактики Гутенберга» и учрежденного в ее пределах миропорядка, а также содержащих попытку выявить хотя бы некоторые основные векторы развития современной исторической ситуации, устойчивые тенденции которого могут проявиться лишь в будущем.

Нетрудно заметить, что при всем существенном различии теоретико-методологических подходов Хайдеггера, Адорно и Маклюэна общая оценка ими результатов реализации западноевропейского цивилизационного проекта в целом остается критической. В эпоху «метафизики» человек утрачивает способность к опыту преданного забвению бытия: исходный замысел Просвещения обращивается его прямой противоположностью, традиционалистским мифом, чем закрывается доступ к принципиально инновативному опыту «неидентичного», реализующему креативную способность человека к видоизменению мира; диспропорции «сенсорного баланса» человека, порождаемые главенствующими в эпоху «галактики Гутенберга» технологиями общения, имеют своим коррелятом искажение опыта действительности в полном ее объеме. В случае же прогнозирования указанными мыслителями перспектив дальнейшего развития современной исторической ситуации мы имеем дело, казалось бы, с существенно отличающимися друг от друга сценариями. На фоне крайне пессимистических позиций Хайдеггера и Адорно, первая из которых предлагает фаталистское подчинение человека не зависящей от него «участи бытия» и покорное ожидание смены исторических эпох, а вторая утверждает сферу эстетического опыта в качестве единственной, где еще способно найти прибежище единичное человеческое существование, утратившее право на свободу самовыражения и аннулированное в качестве субъекта во всех прочих областях жизнедеятельности, позиция Маклюэна могла бы показаться проникнутой неоправданным оптимизмом ярого техно-

фила и неумеренного техно-энтузиаста. Не исключено, что именно такая возможность прочтения замысла книги, услужливо предоставленная самим ее автором, который прославился не только меткостью многочисленных изречений, но и незаурядным остроумием³², и обеспечила в значительной мере ее успех у массового читателя в США, стране, имеющей все основания гордиться своим приоритетом в области изобретения и развития современных технологий, в том числе и коммуникационных.

Но на наш взгляд, она равным образом содержала в себе возможность и иного прочтения.

Выше мы указывали на тот интерес к возможностям коммуникативного опыта, выходящего за узкие пределы традиционного теоретического дискурса, который проявляли в своем творчестве Хайдеггер и Адорно. Оба эти мыслителя вполне отдавали себе отчет в том, что следование известной максиме Гегеля – «философия есть эпоха, схваченная в мысли» – в современной исторической ситуации с необходимостью предполагает поиск новых форм коммуникации с потенциальным адресатом их идей, которые радикально отличались бы от тех, что бытовали и с успехом выполняли возложенную на них функцию унификации сознания индивидов в казалось бы недавнюю эпоху «мастеров и господ мысли» (Ю. Хабермас). В книге Маклюэна предметом анализа тоже становится процесс видоизменения структур коммуникативного опыта человека, обусловленный развитием самых современных – электронных – технологий коммуникации. По своей композиции работа оказывается весьма сложной конструкцией: наряду с традиционным теоретическим нарративом, она содержит ряд выходящих за его пределы коммуникативных жестов, призванных привлечь внимание читателя и способствовать установлению контакта с ним на уровне уже не только предлагаемого содержания, но и самого акта его передачи, акта его медиации и трансляции, пока еще не претендующего на равноправный с содержанием статус, но уже достаточно внятно заявляющего о себе в структуре книги. Все это позволяет сделать вполне обоснованное предположение, что изложенная в «Галактике Гутенберга» философско-мировоззренческая позиция Маклюэна оказывается

³² Широко известна, например, упоминавшаяся нами выше реакция Маклюэна на резкое выступление одного из его оппонентов на семинаре по социологии: «Вам не нравятся мои идеи? У меня есть другие».

вполне сопоставимой с позициями его именитых предшественников. Более того, на наш взгляд, именно специфические особенности подхода Маклюэна к исследованию кризисного состояния современной исторической эпохи в свою очередь могли бы способствовать уточнению и прояснению ряда черт, характерных для предложенных Хайдеггером и Адорно диагнозов эпохи и определяющих своеобразие позиций, занимаемых ими в данном вопросе. Однако рассмотрению этой темы должно предшествовать хотя бы самое краткое освещение основополагающей идеи книги «Понимая медиа» («Understanding Media: The Extensions of Man»), второй из наиболее известных книг Маклюэна.

Здесь мы ограничимся анализом того смыслового горизонта, который задается центральным тезисом данной книги, лейтмотивом проходящим через все ее содержание. Эта лаконичная формула, утверждающая, что именно «медиум – это месседж», является удивительно емкой по смыслу констатацией факта кардинального видоизменения структуры коммуникативного опыта в современную эпоху, предполагающего смещение акцента с содержания коммуникативного акта на сам процесс его медиации.

Такая переоценка роли содержания, традиционно фигурировавшего в качестве бесспорной цели коммуникативного акта, низведение его до положения средства, способствующего достижению цели общения – установления медиативного контакта между участниками коммуникативного процесса, призвана, на наш взгляд, отчетливо обозначить разрыв с созданной наукой и философией эпохи «проекта модерна» моделью сознания, которая была всецело ориентирована на разработанный в эту эпоху тип рациональности и предполагала возможность адекватного усвоения рационально структурированного знания любым человеческим интеллектом (что уже в «Диалектике Просвещения» Хоркхаймера и Адорно, а позднее в исследованиях М.Фуко было расценено в качестве инструментария «дискурса власти»). Несомненно также, что в задаваемом этой формулой ракурсе рассмотрения проблематики структуры и функции коммуникативного процесса получает дополнительное объяснение и обоснование факт обращения Маклюэна в «Галактике Гутенберга» к анализу истории создания и развития технологических средств человеческого общения, т. е. как раз тех необходимых компонентов процессов коммуникации, исследованием которых

было принято высокомерно пренебрегать во времена «мастеров и господ мысли». Задача их изучения как неотъемлемых элементов той среды, в которой осуществляются реальные события общения человеческих индивидов, приобрела особую актуальность в эпоху, когда потерпели окончательный крах упования на всемогущество и универсальный характер человеческого разума и были изобретены иные инструменты властной манипуляции общественным сознанием, апеллирующие к широкому спектру психосоматических аспектов человеческого мировосприятия.

Аналогично тому, как в «Галактике Гутенберга» Маклюэн представил свои инновативные идеи в виде традиционного по форме и потому понятного для широкой читательской аудитории теоретического нарратива, в данном случае он применил стратегию репрезентации более чем радикальной по сути теоретической позиции в форме, вполне доступной для ментальности массового читателя. Электронные технологии общения, представленные тут как средства «расширения и продолжения» (extensions) нервной системы человека, рассматривались в качестве современного этапа развития технических средств освоения человеком окружающей действительности, закономерно следующего за этапом использования техники как средства «расширения и продолжения» физических способностей человека. Такой способ подачи материала был заранее обречен на успех у массового читателя США – с выходом в свет этой второй крупной работы за Маклюэном окончательно утвердилась репутация самого выдающегося теоретика современных масс-медиа на североамериканском континенте.

Возможно, именно эта широкая популярность книг Маклюэна по ту сторону Атлантики и выходящие далеко за пределы строго научного дискурса приемы изложения их содержания автором, услужливо предлагавшим несогласным с его воззрениями «другие свои идеи», помешали представителям европейской академической науки по достоинству оценить как инновативный характер представленной в них философско-мировоззренческой позиции, так и наличие той коррелятивной связи, которая может быть прослежена между философскими подходами Маклюэна и таких значимых для западноевропейской философской мысли ее представителей, как Хайдеггер и Адорно. На наш взгляд, именно предложенная Маклюэном трактовка приоритетного характера процесса медиа-

ции в структуре коммуникативного акта позволяет в должном свете представить те аспекты философского творчества Хайдеггера и Адорно, которые хотя и являются хорошо известными, но, думается, не получают соответствующего их значимости истолкования. В обоих случаях мы имеем дело с совершенно сознательным, мотивированным принципиальной философской позицией отказом от следования нормам классического философского дискурса, с использованием широкого арсенала лингвистических средств, являющихся продуктом собственного творчества этих мыслителей либо заимствованных из репертуара сопредельных литературных жанров. Любая попытка реконструкции их идей в отрыве от языка их выражения чревата утратой наличествующего тут двуединства и в итоге не может дать ничего, кроме банальной абстрактной схемы лишённого всей своей красочной самобытности содержания. Такого рода процедуру можно было бы сравнить с попыткой объяснения смысла произведения искусства любого жанра: даже самый изощренный в теоретическом отношении линейный нарратив вынужден абстрагироваться от искусно и хитро сплетенной творцом шедевра ауры эмотивно-аффективного воздействия, составляющего саму суть эстетического опыта, в коммуникативных возможностях которого, отважимся предположить, в полной мере отдавали себе отчет и Хайдеггер и Адорно.

Философские шедевры Хайдеггера и Адорно были созданы, однако, не только и не столько для того, чтобы даровать тонким ценителям этого специфического вида искусства возможность насладиться их совершенством, тем самым удовлетворяя свое более чем своеобразное эстетическое чувство. Философский опыт обоих мыслителей с необходимостью включал в себя и нравственную позицию. Ее очертания позволяют, на наш взгляд, достаточно отчетливо выявить тезис Маклюэна о доминантной роли медиативной составляющей в структуре коммуникативного акта.

Коль скоро функция последнего не сводится исключительно к передаче сформулированного одним индивидом содержания некоего знания другому, но сам процесс его медиации несет ничуть не меньшую, а возможно даже большую смысловую нагрузку, то применительно к охарактеризованным выше диагнозам современной исторической эпохи, данным Хайдеггером и Адорно, можно было бы высказать следующее соображение. Наличие

явственно прослеживаемого в творчестве обоих мыслителей медиативно-коммуникативистского тренда заставляет предположить, что суровый приговор, вынесенный ими эпохе, содержит в себе нечто большее, чем только авторитетное, бесстрастное и нейтральное знание о ней. Он включает и медиативную компоненту – элемент посредничества между опытом мысли, предельно доступным для человеческого интеллекта в данный исторический период, и жизненным опытом любого единичного индивида. Данный элемент выступает тут в роли вызова и призыва, апеллирующего к мыслительному и нравственному потенциалу индивида, к чувству ответственности за судьбу мира, находящегося в состоянии глубочайшего кризиса. И если за Хайдеггером может быть признано право первооткрывателя такой медиативной возможности коммуникативного опыта, то Адорно присущее уже вполне осознанное отношение к амбивалентному и внутренне противоречивому характеру современной медийной среды, способной функционировать не только в качестве инструмента властной манипуляции, но также и средства пробуждения и активизации нравственных ресурсов человеческого существа.

2.3. Опыт когниции и опыт коммуникации: аналитическая реконструкция

Во многих отношениях термин «коммуникация», вошедший в моду во второй половине XX века, выступает сегодня в качестве своего рода общего знаменателя множества разнородных и разнонаправленных тенденций современной культуры. Он позволяет в предельно лаконичной и емкой форме выразить то обстоятельство, что современное, по сути дела еще только нарождающееся мироощущение, репрезентировать которое как раз и призваны данные культурные тенденции, в своих исходных установках и основных ориентациях является в корне отличным от мироощущения предшествующей эпохи, во многом отживающего свой век. Способность термина «коммуникация» быть выразителем столь кардинального различия может быть рассмотрена в плане коррелятивной противоположности друг другу двух видов опыта – опыта *коммуникации* и опыта *когниции*. Подобный схематизм позволяет, на наш взгляд, достаточно отчетливо

выявить лежащие в основе и того и другого мировоззренческие ориентации и определить, в какой мере их взаимоотношающаяся антитетичность является необходимым условием их взаимоотношенности и коррелятивной друг от друга зависимости.

Под опытом когниции здесь понимается та исходная установка на рациональную познаваемость окружающего нас мира, под знаменем которой наука и философия Нового времени начала свое победоносное наступление на все освященные многовековой традицией формы человеческого опыта, безоглядно дискредитируя и обесценивая все то, что не могло оправдать свою значимость перед «судом разума», человеческого рацио. Именно эта установка со временем обрела статус стержневой несущей конструкции той социокультурной парадигмы, которая с легкой руки Ю.Хабермаса получила наименование «проекта модерна». Грандиозные успехи в области научного познания законов природы и опирающегося на него технологического ее «покорения», достигнутые в первые века становления новой парадигмы, казалось бы самым убедительным образом свидетельствовали о том, что после многих тысячелетий не слишком успешных поисков человечеству наконец-то удалось вступить на единственно верный путь познания истинных основ и законов бытия и практического освоения во благо человека всех наличных ресурсов мироздания. Правда, первые же попытки устройства социальной жизни людей в соответствии с «принципами разума», долженствовавшие, по замыслу отцов-основателей новой парадигмы, в конечном итоге привести к торжеству принципов добра, равенства и справедливости в грядущем «царстве разума», на деле обернулись для народов Европы бедствиями экономической разрухи, террора, диктатур, гражданских и захватнических войн. Тем не менее достаточно внятно звучавшие даже в ту эпоху голоса всех тех, кто олицетворял собой критическую оппозицию основным принципам и идеалам парадигмы «проекта модерна», не могли сколь-нибудь существенно воспрепятствовать процессу превращения данного типа мироощущения в безраздельно господствующий, общепризнанный и «единственно истинный».

По мере того как продуцируемая новоевропейской наукой картина мира все более усложнялась, утрачивая стройные очертания возводимого на прочной основе фундаментальных законов много-, а точнее бесконечноэтажного здания, возникало все больше проблем. Конфликты и противоречия, которыми оказалось чревато

общественное устройство, основанное вроде бы на вполне гуманных принципах хозяйственной и гражданской автономии личности, стали приобретать характер экономических катаклизмов и социальных катастроф, а экологические последствия невиданной по масштабам технологической эксплуатации естественных ресурсов планеты начали превращаться во вполне реальную угрозу самому существованию на ней вида *homo sapiens*. Попытки выяснения причин столь плачевных результатов казалось бы столь достойного начинания становились все более и более настойчивыми.

Освещение широчайшего спектра критических по отношению к «проекту модерна» позиций³³, представленных за последние полтора века философской, науковедческой, социо- и культурологической мыслью, не входит в задачу настоящей работы. В ней мы ограничиваемся рассмотрением такой ключевой составляющей весьма объемного контекста основных принципов и установок парадигмы «проекта модерна», какой, на наш взгляд, является опыт когниции, познавательная способность человека, и лишь тех ее аспектов, которые позволяют выявить ее в качестве полярной противоположности, но вместе с тем и необходимого контрагента опыта коммуникации.

То обстоятельство, что главенствующее положение в структурной организации парадигмы «проекта модерна», еще только самоутверждавшейся в ту эпоху, отныне будет занимать именно опыт познания, было выражено еще Рене Декартом в известной формуле **«cogito ergo sum»**, в соответствии с которой статусом существующего наделялся, по сути дела, лишь человеческий индивид, обладающий способностью рационального познания окружающей действительности. Право же на существование всех тех, кто пытался таковое доказать, апеллируя к уходящим корнями вглубь веков традиционным формам опыта (прежде всего религиозного, мистически-окультурного, нравственно-этического и т. д.), было тем самым поставлено под «сомнение», игравшее, как известно,

³³ В пределах одной только Франкфуртской школы их диапазон простирается от критической апологии «проекта модерна», данной Ю.Хабермасом, который рассматривает его как «незавершенный» (*unvollendete*) проект, не реализовавший до конца свой исходный цивилизаторный потенциал, до представленной М.Хоркхаймером и Т.В.Адорно в «Диалектике Просвещения» радикальной критической переоценки его исходных постулатов, а вместе с тем и самого пути развития, который был избран руководствующейся им европейской цивилизацией в целом.

в учении Декарта роль основной методологической процедуры. Таким образом, теоретический дискурс, создаваемый в рамках «проекта модерна», уже в своих исходных аксиоматических постулатах являлся «дискурсом власти» (М.Фуко), дисциплинарно-репрессивный характер которого впоследствии был наглядно продемонстрирован воинственной нетерпимостью к инакомыслию (правда, пока еще только на вербальном уровне) в эпоху Просвещения, а чуть позже – кровавыми ужасами террора и гражданской войны в период Великой Французской революции.

Ни в чем не изменила данной властной стратегии и провозглашенная Декартом ориентация на аналитический метод как на единственно верный метод научного исследования действительности. Процедура рассечения целостного явления действительности на мельчайшие составляющие его части, способ взаимодействия которых выявлялся затем как механизм причинно-следственной³⁴ зависимости одних от других, предполагала изъятие данного явления из широчайшего контекста жизненных связей, всецело обуславливающего само его существование, и потому являлась не чем иным, как процедурой анатомирования – чему, кстати, в прямом, медицинском смысле так любил предаваться Декарт на досуге – трупа того, что существует живым в естественных условиях. Принцип «убить, чтобы понять» в своем дальнейшем развитии привел к созданию чудовищно уродливой картины природы как громоздкого мертвого механизма, тупо воспроизводящего – в точности так, как это делали примитивные технические устройства на первых фабриках времен раннего капитализма – одни и те же последовательности своих закономерностей, этакого монстра Франкенштейна, уже в наши дни жестоко мстящего своим создателям за свой чудовищный облик.

Основным принципом построения аналитико-механистической картины мира стал заимствованный наукой Нового времени из столь яростно дискредитируемой ею средневековой схоластики принцип *иерархии*, линейного, строго последовательного восхождения от низшего к высшему. Точно таким же образом структурировался и сам корпус научного знания, продуцирующий эту картину. Здесь библейский символ «древа познания добра и зла», сыгравшего, как известно, роковую роль в грехопадении человека, был преобразо-

³⁴ Единственный и самый примитивный вид каузальной связи, заимствованный наукой Нового времени из учения Аристотеля.

ван в образ древа познания, своими корнями пока еще уходящего в питательную почву метафизики, с вздымающимся ввысь стволом собственно философского знания, прародителем последовательно из него произрастающих ветвей, веточек и листьев частных наук. Такая структура наделяла философию функцией центральной контролирующей инстанции, обладающей неким универсальным знанием, которое обнаруживает свое явное происхождение от античного «логоса», в учении отца европейской метафизики Платона представшего в виде «царства вечных и неизменных идей», совершенных прототипов всего сущего в мироздании. Это знание позволяет ей выступать в роли верховного эксперта в любых вопросах познания и практики, что на закате эры классической философии приводило уже к анекдотическим ситуациям: на замечания о том, что положения его учения не соответствуют данным науки, Гегель имел обыкновение отвечать: «тем хуже для науки».

Это положение философии в системе научного знания, отводившее всем частным наукам, не говоря уже о сфере практического освоения действительности, роль скромных тружеников, приносящих плоды трудов своих в дань всемогущему и всеведущему властелину, полностью соответствовало тому статусу, каким в структуре новой социокультурной парадигмы наделялся рационально мыслящий человеческий индивид, обособленный ото всех прежних, «мифологических» связей с природой, космосом, Богом и себе подобными. Ее герои – Одиссей в трактовке Адорно³⁵ и Робинзон – удивительно наглядно сумели продемонстрировать, что лаконично философская декартовская формула «*ego cogito*» своим прямым дополнением имеет бэконовскую «знание – это власть» (а не просто «сила», как обычно почему-то переводится тут английское «power»). Здесь имеется в виду власть над природой и другими людьми, надо всем сущим на небе и земле той исходной точки отсчета в любой системе координат (также изобретенной, как известно, Декартом), которой является человеческая самость, в любых жизненных ситуациях неизменно утверждающая свою идентичность самой себе.

«Инструментальный» характер (М.Хоркхаймер) разработавшегося тут нового типа мышления, вполне осознававшийся, как это видно на примере Фр.Бэкона, уже на самых ранних этапах

³⁵ См.: Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения, «Экскурс I. Одиссей или миф и Просвещение». С. 61–103.

построения парадигмы «проекта модерна», в сочетании с принципом радикального антропо- и эгоцентризма, освобождающим человека от духовных и телесных «пут» сопричастности и принадлежности окружающей природе, сообществу связанных узамы кровного родства соплеменников, родному языку и локальной культуре, местной религии, нравам и обычаям страны и т. п., своим неизбежным следствием имели утрату качественного многообразия существования, редукцию его к схематизмам и алгоритмам, чрезвычайно операциональным в любых ситуациях именно в силу своей крайней абстрактности. Непосредственным выражением этой принципиальной установки на «расколдование» мира стали использование математики как универсального языка научного знания и внедрение товарно-денежных отношений в качестве единственно адекватной формы хозяйственных взаимоотношений между людьми.

Идея о принципиальной исчислимости любого явления действительности, о возможности выражения способа его существования посредством составленной из абстрактных символов математической формулы, о том, что все сущее на земле может быть превращено в предмет купли-продажи с точной денежной стоимостью, устанавливаемой рыночной конъюнктурой, могла быть реализована только при условии сведения всех качественных характеристик действительности к количественной их репрезентации. Цена, заплаченная за достижение того предельного для человеческой мысли уровня универсальности, который был непредставим для элементов научного знания любой из локальных культур прошлого именно из-за их приобщенности качественному своеобразию последних, оказалась непомерно высокой. Безраздельно господствующей схемой взаимоотношения человека и мира стала субъектно-объектная оппозиция, где оба бинарных ее члена подлежали процессу бесконечного по времени, но все более и более точного исчисления со стороны равным образом все более и более математизируемого научного знания (в том числе и гуманитарного). А те «реликтовые» и «атавистические» слои человеческого опыта, в основном связанные с эмотивно-аффективной стороной существования, которые с ходу не поддаются квантификации, до поры толерантно отгеснялись в область «частной» жизни граждан, как это имело место, например, в случае религиозно-нравственных

убеждений и опыта искусства (об этом, в частности, красноречиво свидетельствует иерархическая структура трех «Критик» Иммануила Канта).

Позиционируемые данной схемой оба полюса бинарной оппозиции равным образом подвергались процедуре, которая в критических по отношению к «проекту модерна» исследованиях конца XIX – начала XX вв. именовалась «овеществлением»³⁶, «отчуждением», реификацией. Под ней понимается характерный для многих артефактов европейской цивилизации процесс превращения – в самых различных областях жизнедеятельности – в некую самостоятельную силу продуктов человеческого творчества, которые перестают выполнять предназначенную им их создателями функцию (что особенно ярко демонстрирует пример бюрократических структур) и, напротив, начинают играть роль властной инстанции, подчиняющей своим задачам и целям всех, кто так или иначе ими пользуется, в том числе и тех, кем они были сотворены. Образ научно-технологического монстра, с легкой руки Мэри Шелли начавший свое продолжающееся и по сей день путешествие по страницам (и их экранным аналогам) произведений, обычно квалифицируемых в качестве продукции массовой культуры, как правило ориентирован на репрезентацию того процесса реификации, которому подвергается лишь один из полюсов упомянутой бинарной оппозиции, а именно объект. Что же касается другого ее полюса, то здесь все усилия художественных литератур разных народов на протяжении XIX–XX веков едва ли привели к столь же впечатляющему результату, который был достигнут, например, в образе сошедшего с ума компьютера в «Одиссее 2001» Стэнли Кубрика.

На наш взгляд, этот пробел в значительной степени восполнен в представленном М.Хоркхаймером и Т.В.Адорно философском анализе такого первообраза европейской культуры, каким является Одиссей в эпосе Гомера (об этом мы говорили выше в данной главе). Способность преступать те самые извечные законы, слепое и неуклонное следование которым составляет сам смысл существования мифологических сил, не просто позволяет Одиссею избежать неминуемой гибели в схватках с ними. Его победы над ними знаменуют собой радикальное видоизменение его властного

³⁶ Verdinglichung – термин, по мнению некоторых исследователей восходящий к работам Фр.Ницше.

статуса: отныне не они, а он становится господином положения в любой точке Средиземного моря, очищенного от более не дееспособных – в силу нарушения конститутивного для их действительности закона – всяческих мифологических архаизмов и потому открытого для всех видов антропоморфной активности, таких, например, как мореплавание, торговля, военные действия и т. п.

Единственным мотивом, которым руководствуется Одиссей во всех своих героических деяниях, является мотив *самосохранения*. Он и только он один становится той единственной ценностью, которой приносятся в жертву и столь живописно отображавшая весь ужас и очарование бытия архаическая мифология, и его верные спутники во всех злключениях, на неминуемую гибель которых он холодно и трезво рассчитывает, направляя свой корабль в теснину вод морских между Сциллой и Харибдой. Человеческая индивидуальность самоутверждается в качестве центральной властной инстанции мироздания; существо, наделенное способностью рационального мышления, превращается в повелителя природных стихий, который беспощадно эксплуатирует и естественные ресурсы, и превращаемый в такой же объект манипуляции человеческий материал ради достижения одной-единственной цели – всемерного расширения своих властных полномочий в мире вещей и в мире людей. Обратной стороной этого процесса становится столь же агрессивное выхолащивание, brutальное ампутирование всего внутреннего содержания личности, этого хаотичного конгломерата смутных желаний, привязанностей, чаяний и надежд, препятствующих превращению ее в однозначно целеустремленного и потому бесконечно активного субъекта познания и практики.

В сфере общественных отношений на первый план выдвинулась фигура отличающегося предельной «сухостью» в эмоциональном отношении, трезво-расчетливого дельца, ради достижения всевозможных выгод не брезгующего никакими средствами, в том числе и чисто криминальными. Во всех своих характерных особенностях эта фигура была подробнейшим образом описана и критически-негативно изображена ушедшим в глухую оппозицию искусством, а за безудержное стремление к «корысти» подвергалась осторожному осуждению со стороны церкви, оттесненной на периферию общественной жизни. Ее утверждение в качестве доминантного поведенческого стереотипа влекло за собой не только ра-

дикальную переоценку нормативной значимости веками складывавшихся нравственно-этических принципов существования человеческого сообщества, наиболее эпатажным вариантом которой явилось творчество маркиза де Сада, и сегодня, как прежде, производящее неизменно шокирующее впечатление³⁷. На наш взгляд, гораздо более разрушительные последствия этот процесс внедрения в практику социальной жизни такого схематизма реификации, каким оказался конструкт «нового человека» (от «нуворишей» эпохи Великой французской революции до «новых русских» наших дней), имел для той попытки переустройства совместной жизни людей на разумных началах, которая нашла теоретическое обоснование в трудах просветителей и обрела свой программный облик в «Декларации прав человека и гражданина» – кстати, не действовавшей ни дня в качестве реально функционирующего законодательного акта.

В этом документе, основополагающем для всей системы европейской демократии, утверждалось неотъемлемое право каждого индивида быть признанным в качестве равноправного агента социального действия, обладающего свободой волеизъявления и беспрепятственным доступом к процессу законотворчества, избранию органов законодательной и исполнительной власти и т. д. Формальный характер этих прав и полномочий – так и оставшихся декларацией о «благих намерениях», которыми, как известно, вымощена дорога в ад – был нагляднейшим образом продемонстрирован всем дальнейшим ходом событий европейской истории. Арена политической жизни, призванная обеспечить равноправное представительство интересов всех слоев общества и способствовать процветанию и благоденствию последнего как системы слаженного взаимодействия всех элементов единого целого, стала походить скорее на арену гладиаторских боев, где принцип «выживания сильнейшего» не оставлял никаких шансов на жизнь тому, кто имел несчастье оказаться побежденным. Убедительным свидетельством этому явилась не только практически бесперебойная работа изобретения доктора Гильотена в эпоху террора, но и блистательная, от скромного офицерского чина до императорского трона, карьера Наполеона Бонапарта.

Ничуть не меньшей способностью к мобилизации гигантских материальных и человеческих ресурсов, чем этот великий полководец (деяния которого заставили вполне светского человека Пьера

³⁷ См. главу «Жюльетта или Просвещение и мораль» «Диалектики Просвещения».

Безухова вспомнить о мистике библейского «числа зверя»), обладали далеко не столь яркие, но зато гораздо более многочисленные его преемники в деле претворения в жизнь принципов «свободы, равенства и братства», осуществлявшие эту задачу путем первоначального накопления, концентрации, индустриализации и коммерциализации капитала. И дело тут не столько в том, что, по утверждению Карла Маркса, в основе каждого из накопленных в эпоху раннего капитализма состояний лежит преступление. На наш взгляд, гораздо более существенно другое обстоятельство: исходная для утверждающего себя тут типа ментальности установка на исчислимость любых жизненных ситуаций в схематике товарно-денежных отношений, которая является экстраполяцией столь успешно функционирующего в естествознании метода математической репрезентации явлений и законов действительности на сферу человеческих взаимоотношений, в принципе не позволяет позиционировать другого человека иначе, чем в виде подлежащего манипуляции объекта, инструмента, используемого для достижения поставленной цели, – точно так же, как это происходит в сфере познания и «покорения» природы, где последняя никогда не предстает в облике Другого, позиционируемого на равных правах с человеком.

Это положение дел было совершенно недвусмысленным образом констатировано в «Критике чистого разума» Канта, где утверждались принципиальная непознаваемость и ноуменальный характер «вещи в себе», каковой в рамках парадигматики «проекта модерна» оказывалось и трансцендентальное единство апперцепции, сам акт «Я мыслю», и доступный познанию и практическому освоению лишь в качестве мира феноменов его необходимый коррелят – бытие как таковое. В целом предпринятая немецкой классической философией попытка корректировки ограниченности и недостаточности исходных установок стремительно складывающейся и агрессивно самоутверждающейся социокультурной парадигмы, которые достаточно очевидным образом обнаружили себя уже к концу XVIII века, может быть охарактеризована как явно неудачная, но тем не менее – именно в силу своей неуспешности – положившая начало процессу интенсивной переоценки значимости принципов и идеалов, прокламируемых этим типом мироощущения. Думается, что та исходная интенция, которая, несмотря на все нагромождения чисто спекулятивных конструкций,

достаточно отчетливо прослеживается в учениях всех представителей этого философского направления, интенция критического ре-, пере- и доконструирования системы взглядов, свойственной новому мировоззрению, оказалась тем импульсом, который был с успехом ретранслирован, передан последующим поколениям мыслителей, уже в иную эпоху и с иных позиций пытавшихся продолжить решение данной задачи.

В рамках настоящей работы весь спектр научных, науковедческих, философских и культурологических теоретических подходов, предложенных за последние полтора века и нацеленных на радикальное переосмысление исходных принципов модернистской парадигмы, не может быть рассмотрен даже в самом минимальном объеме. Отметим лишь, что весь этот длительный процесс выявления того обширнейшего контекста, того неявного, «скрытого» (М.Полани), но тем не менее конститутивного для процесса познания «фона», на котором разворачивались все перипетии оформления и утверждения в качестве абсолютно доминантной «фигуры» когнитивного опыта, включал в себя самые разные тенденции: радикальный социальный критицизм; переоценку роли конкретного научного знания и спекулятивных построений, претендующих на его обобщение, в пользу первого; утверждение недоступных рациональному познанию глубинных слоев человеческого опыта в качестве базисных его конституент; постулирование среды языкового общения в качестве конститутивной для познавательного опыта; демонтаж и дискредитацию самих матричных схематизмов господствующей социокультурной парадигмы. Можно было бы назвать и ряд иных тенденций, также вносящих свой вклад в общее дело.

На наш взгляд, закономерный результат этого растянувшегося на многие десятилетия процесса – выявление такого слоя человеческого опыта, каким является опыт *коммуникации* в качестве необходимой предпосылки опыта когниции. Эту свою функцию понятие коммуникации способно выполнять лишь в том случае, если оно обозначает не столько процесс общения между наделенными всеми атрибутами разумности человеческими существами, сколько процесс взаимодействия, соприкосновения, вступления в контакт и т. п. любых явлений действительности. Подобная предельно расширительная трактовка понятия коммуникации позволяет сразу же задать такой ракурс рассмотрения, которым уже более не посту-

лируется исключительное, *центральное* положение человека в системе мироздания, и тем самым – избежать многих пагубных последствий антропоцентризма. Равным образом и сопричастное ему понятие *информации* употребляется здесь уже не в общепринятом смысле, сводящем его попросту к иному наименованию всем хорошо известного *содержания* того или иного рода сообщения, текста, высказывания и т. п. *Информация*, в полном соответствии со значением корня этого слова, призвана инициировать процесс реформирования, переформирования и доформирования того, кто является ее адресатом, превращающий последнего из пассивного ее реципиента в активного соучастника, агента коммуникативного взаимодействия, осуществляющегося по принципу обратной связи. При этом уровень сознания, уровень рационального понимания смысла полученного информационного импульса вовсе не является единственно возможным уровнем информационного обмена. Информацией обменивается все сущее в этом мире, в том числе и человек, существо не только разумное, но и телесное, обладающее определенной психосоматической, биологической, физиологической, химической, молекулярно-атомной и т. д. структурой, представляющей собой гигантскую подводную часть айсберга, лишь крошечная надводная часть которого поддается освещению «светом разума».

Более того, предлагаемая нами квази-онтологическая трактовка информационно-коммуникативного процесса позволяет выдвинуть предположение, что все существующее может быть представлено в виде совокупности информационных потоков, динамической целостности процессов непрерывного взаимодействия битов, байтов, а более обобщенно – квантов информации, устойчивые сочетания которых создают иллюзию существования того, что вечный узник платоновской «пещеры» в течение вот уже стольких веков старательно исследует в качестве подчиняющихся строго определенным законам предметов и явлений окружающего его мира.

На наш взгляд, подобная точка зрения обладает рядом функциональных преимуществ, позволяющих если не преодолеть, то по меньшей мере скорректировать ряд недостатков, свойственных мироощущению, которое в свое время было, казалось бы, столь успешно имплантировано человеческой расе «проектом модерна», но сегодня недвусмысленным образом отторгается ею. В первую очередь это относится к темпоральной структуре когнитивного

опыта, к тому статусу, которым обладает в нем временной модус *прошлого* (выше мы уже обращались к этой проблеме). Ориентация на прошлое как на исходную точку отсчета при осмыслении человеком всех происходящих в настоящем событий и проектировании своих действий в будущем является тем самым архаическим наследием, которое практически в полной целостности и сохранности, т. е. не подвергаясь в своей основе никаким сущностным изменениям, было унаследовано античными представлениями о «логосе» – о чем свидетельствует сократовско-платоновское учение о знании как «воспоминании» – от древнейших оральных культур, носители которых обладали чудовищно развитой памятью, хранильницей всех имевших место с момента сотворения мира событий, и впоследствии благополучно перекочевало в новоевропейское мироощущение, образуя самую его сердцевину, системообразующее его ядро. Позиционирование опыта прошлого в качестве всеобъемлющего горизонта, позволяющего распознавать все то, с чем уже случилось иметь дело человеку, равным образом предоставляет возможность рассматривать в качестве такового и все то, с чем человеку еще сталкиваться не приходилось. Подобного рода использование «зеркала заднего вида» в качестве единственного надежного ориентира в мире вещей и событий не только чревато чрезвычайно болезненными ощущениями, возникающими при очередном ударе как раз по тому месту, где должны были бы находиться смотрящие вперед глаза, ручки тех граблей, на которые от начала времен и по сей день столь охотно наступает *homo sapiens*. Гораздо более существенно то, что данный тип структуризации человеческого опыта выступает в качестве праосновы того типа мышления – и, мы бы сказали, мироощущения, – которое Адорно в своих поздних работах именуется «идентифицирующим», мышлением «идентичного». Основным принципом последнего является редукция к уже известному, идентификация с ним всего неизведанного, «неидентичного», Другого. Несмотря на достаточно внятные указания еще Лейбница на то, что в природе не существует двух одинаковых предметов, а все сущее состоит из уникальных в своей самобытности «монад», идентифицирующее мышление не способно рассматривать мир иначе, чем в виде совокупности строго однозначно определенных в своей сущности предметов и явлений, управляемых столь же строго однозначно действующими закона-

ми, воспроизводя, с некоторыми незначительными изменениями, античное представление о цикличности времени, том самом пресловутом «порочном» круге, движение по которому не ведет никуда, кроме уже имевшего место в *прошлом* его начала.

Реализуемой тут общей стратегической установкой на «вечное возвращение тождественного» равным образом определяется и отношение к самому носителю идентификационного процесса. Замкнутая в «скорлупу» (Gehaeuse – К. Ясперс) своей некогда столь драматично обретенной античным героем «самости», казалось бы вполне удачно заменившей принцип непрерывного творения мира божественным началом принципом неустанной самоидентификации, человеческая индивидуальность оказывается в целом неспособной к восприятию и других людей и себя самой в качестве чего-то отличного от этой самотождественности, Другого. Терапия порождаемых такой позицией психопатологий, по замыслу отца психоанализа Зигмунда Фрейда, должна была осуществляться путем возвращения в поле сознания, этого аппарата самоидентификации, вытесненных из него в *прошлом воспоминаний* о событиях, травматогенных для детской сексуальности. Однако при этом им, видимо, совершенно упускалось из виду то обстоятельство, что подобного рода процедура осуществлялась в ходе разворачивающегося в *настоящем* процесса общения, вербальной *коммуникации* пациента с психотерапевтом. Успех терапии напрямую зависел здесь от того, удавалось ли последнему втянуть первого в ту «языковую игру» (Л. Витгенштейн), которая при помощи именно лингвистических средств (в чем чрезвычайно преуспели Ж. Лакан и его школа) приводила не только к образованию бреши в защитной системе невротического комплекса, но и к самому что ни на есть реальному, *здесь и сейчас* совершающемуся *событию* видоизменения психической организации пациента, становления Другим его самотождественного Я.

Пример Фрейда, чья когнитивистская позиция не помешала ему стать основоположником терапевтической практики, теория и метод которой уже более не укладывались в «прокрустово ложе» модернистского мироощущения, является чрезвычайно показательным потому, что совершенно точно описывает ту ситуацию, которая имеет место во всех случаях межчеловеческого общения. Любой контакт, в который вступают два человеческих инди-

вида, изначально не способных воспринимать друг друга иначе, чем в виде существ, обменивающихся осмысленными речевыми сообщениями и полностью контролирующей складывающуюся ситуацию с позиций накопленного в прошлом опыта общения с себе подобными, одновременно оказывается неким *событием*, сам акт свершения которого, равно как и возможные его последствия, всецело остаются за кадром сознания общающихся индивидов, не могут быть предугаданы даже самым дальновидным и расчетливым из них. В предельном случае, когда в диалог вступает «голос плоти» и родственный зову Сирен аффект сокрушает всю сложную фортификационную систему самоидентификации, становится возможным казалось бы невозможное – человеческая самость отождествляет себя не с самой собой, а с Другим: «Ты Тристан, я Изольда», – заявляет Тристан. Несмотря на явную поэтическую утрировку, свойственную этой цитате из повествования о великих любовниках, ею все же достаточно верно выражается главная тенденция: любой акт человеческого общения инициирует и провоцирует процесс видоизменения, становления Другим того, кто в нем участвует – и даже в тех случаях, когда данный процесс насильственно прерывается им.

Процесс понимания человеком как устной речи, так и ее письменной, текстовой ипостаси вовсе не является – как то мнилось утопистам эпохи становления парадигмы «проекта модерна», уповавшим на всеислие «рацио» и универсализм математических формализмов, – процессом механического транслирования, пересаживания из одной человеческой головы в другую тождественного содержания, без ущерба для его строго однозначной определенности передаваемого как современникам, так и последующим поколениям. Должное освещение это обстоятельство впервые получило в работах Вильгельма Дильтея, основателя традиции философской герменевтики, автора известного тезиса о различии и противоположности «наук о природе» и «наук о духе», от которого ведет свое происхождение столь привычное сегодня подразделение наук на естественные и гуманитарные. Введенный им в философский обиход термин «понимание» (*Verstehen*), первоначально использовавшийся им для обозначения отличного от естественнонаучного «объяснения» (*Erklärung*) **метода наук гуманитарных**, впоследствии был подвергнут экзистенциалистской интерпретации в рам-

ках «фундаментальной онтологии тут-бытия» Хайдеггера периода «Бытия и времени». Затем, уже всецело в русле «лингвистического поворота», характерного для западной философии середины XX века, который в значительной мере инициировался все тем же Хайдеггером, выдвинувшим тезис о «языке как доме бытия», термин «понимание» был использован Х.-Г.Гадамером в его концепции «философской герменевтики» в качестве понятия, обозначающего универсальный способ усвоения человеком содержания и смысла всего того, что становится ему доступным в процессе языкового общения, вербально-текстуальной коммуникации.

В рамках данного подхода к проблеме восприятия человеком смысла языковых выражений можно выделить ряд его несомненно удачных в теоретическом отношении концептуальных находок: это, например, трактовка процесса понимания как неизбежной интерпретации, существенно видоизменяющей исходный смысл любого сообщения путем его ассимиляции в структуру «жизненного мира» (Э.Гуссерль) интерпретатора; тезис о «слиянии горизонтов» экзистенциальных позиций интерпретатора и интерпретируемого в опыте транслирования культурной традиции средствами языка; концепция «языка как игры», приводящей в неравновесное состояние идентичность всех участников диалога независимо от того, является ли таковой синхронным или диахронным, и др. В целом данным подходом был окончательно развеян когнитивистский миф, утверждающий возможность «воскрешения» в настоящем и будущем тех же смысловых построений, какие имели место в прошлом, пусть даже самом недалеком, идентичного воспроизводства мышлением современников и потомков «вечных истин» и «совершенных идей», озарявших умы деятелей эпохи Нового времени и Просвещения. В беспощадном свете трезвого философского анализа человек предстал во всей наготе своего несовершенства конечного и смертного существа, неспособного охватить мыслью всю систему мироздания, «раз и навсегда» запечатлеть ее в кадре своего сознания, которое зеркально отобразило бы тогда всю полноту бытия в некоем грандиозном моментальном его снимке, навеки остановившем и мортифицировавшем его. Человеку наконец-то было дано осознать свой скромный удел – если уж быть зеркалом, то непременно «кривым», смехотворно деформирующим «истинный» облик «царствующих» над миром «вечных идей», «с/зияю-

щие вершины» обиталища которых так навсегда и останутся недоступными для него, о чем предупреждал еще Платон; если уж братья за дело истолкования некогда врученного ему Послания, то, подобно участникам детской игры в «испорченный телефон», так и передавать от поколения к поколению до конца не понятное, загадочное его содержание, дополняя «откровения» предшественников собственными «прозрениями», ничуть не в меньшей степени затемняющими тот непостижимый смысл, который имело событие явленности божественного начала в подвергшейся поруганию и распятию брэнной человеческой плоти.

Столь казалось бы оскорбительное для существа, так долго кичившегося своим статусом «повелителя природы», нисколько не сомневавшегося в своей способности одной лишь мыслью совладать со всеми тайнами бытия и тем самым обрести власть над всеми прежде ему недоступными его ресурсами, уничтожение его достоинства открывало, однако, возможность нового, гораздо более широкого взгляда на роль и функцию в общей системе мироздания этого низложенного ныне «царя природы». В свете более чем эскизно представленного выше подхода, предельно расширительно трактующего понятия коммуникации и информации, человек предстает в виде особого элемента, выделенного узла динамической системы взаимодействия потоков информации, совокупность которых образует коммуникационную среду, являющуюся условием возможности всех потенциальных информационных контактов. И этим исключительным положением человек обязан именно своей полной неспособностью «остановить прекрасное мгновенье» в момент обретения им некоей «вечной» – но на деле всегда оказывающейся лишь просто очередной – «истины» самого себя и окружающего мира и тем самым уподобиться всему тому существу, чья сущность и способы ее проявления навеки предопределены универсальным «законом», полновластно управляющим этим миром. Обрести такого рода покой механистически-мортифицированного «вечного возвращения тождественного», «идентичного» не дано существу, основной экзистенциальной характеристикой которого является темпоральность, т. е. открытость настоящему и будущему, не поддающаяся блокировке путем утверждения прошлого в качестве единственно доступного человеку временного измерения, всецело предопределяющего весь его возможный опыт (что

нашло явственное выражение и в архаическом «культе мертвых», и в свойственном модернистской парадигме «культе» каузальной зависимости).

Разыгрывающаяся тут драма противостояния двух взаимообуславливающих начал – «эроса» и «танатоса» – отличается от своих театрално-сценических аналогов тем, что не имеет финала. Ее античный сценарий был в свое время подвергнут радикальному видоизменению христианским учением о «свободе воли», секулярной перелицовкой которого явилось пресловутое представление о бесконечном прогрессе человеческого познания, в искаженном почти до неузнаваемости виде отображающее способность и даже обреченность этого существа трансцендировать, «выходить за» пределы любого достигнутого им опыта. Самым надежным оплотом модернистского мироощущения, упорно отстаивавшего приоритетный статус «танатоса» путем латентной апелляции к архаическому наследию, которое публично столь яростно поносились и дискредитировались им, всегда являлась методологическая фигура каузальной зависимости, устанавливавшая отношение строго однозначного соответствия между причиной и ее следствием и тем самым предоставлявшая возможность конституирования и того и другого в качестве обладающих строго определенным набором свойств объектов познания. Именно здесь, и притом с самой неожиданной стороны – со стороны такого раздела физики микрочастиц, как квантовая механика, – ему был нанесен убийственный по своей сокрушительности удар.

Установление коррелятивной зависимости между позицией наблюдателя и способом поведения объекта наблюдения, выступающего соответственно данной позиции либо в форме корпускулы, либо в форме волны, поставило под сомнение правомерность использования процедуры редукции актуального многообразия действительности к идентифицированным в прошлом ее детерминантам в качестве единственного способа обретения человеком достоверного знания об окружающем его мире. Равным образом тут была поставлена под вопрос и непоколебимая уверенность классической науки в том, что познаваемые, «открываемые» ею природные закономерности совершенно независимы от познающего их существа, носят «объективный» характер и поддаются репрезентации лишь в форме пассивного «зеркального» отображения их

системой человеческого знания, которая свидетельствует о явной непричастности оного ни к замыслу Великого Часовщика – трактуемого либо секулярным, либо сакральным образом, – ни к способу реализации такового. Развитие данной тенденции переосмысления роли и функции человеческого существа в системе мироздания к концу XX века привело, как известно, к возникновению и утверждению в сфере естественнонаучного знания «антропного принципа», принципа «человекомерности» окружающего нас мира, и даже к формированию таких экстремальных позиций в данном вопросе, какой является, например, позиция «радикального конструктивизма».

Параллельно развертывавшийся на протяжении XX века процесс поиска альтернативных принципу каузальной зависимости методологических решений в области философского знания, ориентированного на проблематику гуманитарных наук, отличался весьма высокой степенью продуктивности. Достаточно весомый вклад сюда внесла, например, хайдеггеровская концепция «продуктивности» как одной из основополагающих экзистенциальных характеристик человеческого бытия, являвшаяся составной частью общей программы онтологического анализа его темпоральной структуры. Назовем здесь и разработанную философской герменевтикой методологическую фигуру «герменевтического круга», в которой динамика процесса коррелятивной взаимообусловленности «целого» и «части» экстраполировалась на ситуацию транслирования культурной традиции, на *Wirkungsgeschichte*, «историю действенности» культурного наследия, неустанно обретающего все новую и новую «действительность» и актуальность в сменяющихся от поколения к поколению его интерпретациях. На наш взгляд, задачам и целям настоящей работы в наибольшей степени отвечает методологическое решение, предложенное Адорно в его трактовке непосредственно заимствованного им у Вальтера Бенямина методологического принципа «констелляции», истоки которого восходят (как это было выявлено В.А.Подорогой в его не опубликованном, к сожалению, исследовании) еще к Канту и Гёте.

Данным принципом предполагается такой метод описания «объекта» исследования, при котором последний становится как бы центром притяжения целого ряда, пучка, констелляции – се-

годня сказали бы «кластера» – концептуальных и понятийных построений, никогда при этом не оказываясь в фокусе ни одного из них и тем самым избегая участи быть строго однозначно детерминированным некой столь же однозначно «идентифицированной» каузальной связью. Коррелятом бесконечной вариативности позиций наблюдателя является столь же бесконечная изменчивость «объекта» наблюдения, динамика взаимопревращений которого не поддается фиксации в кадре сознания, способного лишь на «остановку мгновения», в лучшем случае – на механическое соединение в линейную последовательность ряда таких «моментальных снимков» (наглядным воплощением этого стала в свое время целлулоидная лента стрекочущего киноаппарата, на что обратил внимание еще А.Бергсон). На наш взгляд, такая вариативность убедительно свидетельствует о том, что в данном случае уже имела место попытка создания метода исследования, ориентированного на раскрытие множественности контекстов и коммуникативных связей, подвижный горизонт которых является фоном, дающим возможность выявить фигуру постоянно видоизменяющегося и никогда не «схватываемого» в его «истинном» облике «объекта» исследования.

Предлагаемая нами схема информационно-коммуникационного процесса, основанная на предельно расширительной трактовке обоих ключевых понятий, никоим образом не претендует на раскрытие его «сущности», выявление его «истинного механизма» и управляющих им закономерностей. Как и всякое творение существа, ограниченного в своих возможностях узкими пространственно-временными рамками жизни, она является лишь «черновым наброском», неизбежно требующим «доводки» путем создания серии таких же «draft'ов»³⁸, результатом чего, однако, отнюдь не может стать появление некоего окончательного, финального «чистовика». В этом смысле она является концептуальным построением, полностью открытым по отношению к любым внешним воздействиям и способным к постоянному видоизменению под влиянием тех информационных импульсов, из которых собственно и соткана сама

³⁸ Аналогично тому, как это имеет место в случае предложенного Д.Деннетом «multiple drafts approach». См., например, *Юлина Н.С.* Д.Деннет о проблеме ответственности в свете механицистского объяснения человека // История философии. № 8. М., 2001.

ткань, «текстура» коммуникационной среды. Таким образом, она претендует лишь на то, чтобы быть интегративной составной частью репрезентируемого ею информационно-коммуникационного процесса, не поддающегося описанию с позиций не вовлеченного в него «стороннего» наблюдателя.

Подобного рода изоморфизм «метода» исследования и его «объекта» становится тут возможным в силу того, что любой когнитивный акт, рассматриваемый в контексте объемлющих его коммуникативных связей, обнаруживает свойство *перформативности*. Данное понятие призвано выразить то обстоятельство, что любой *акт* «чистой мысли» всегда является совершающимся в определенном пространственно-временном локусе *событием*, которое оказывает возмущающее воздействие на сложившуюся к данному моменту конфигурацию информационных потоков и в той или иной мере ее видоизменяет. В свою очередь, трансляция смыслового содержания, порождаемого данным действием, «понимание» его другими людьми является процессом, влекущим за собой аналогичные «наведенные», индуцированные возмущения и видоизменения тех информационных потоков, средоточием, «маршрутизатором» которых является каждая человеческая индивидуальность. Возникающий таким образом резонанс все увеличивающегося множества информационных импульсов, совокупно образующих достаточно устойчивую структуру, и является, судя по всему, тем системообразующим фактором, благодаря которому становится возможным формирование различных парадигм в сфере познания и практики.

Определяя процесс креативного порождения и массового распространения инновативных форм человеческой активности как «событийный» и «перформативный», мы хотим подчеркнуть, что он не поддается контролю со стороны осуществляющего его человеческого существа и не может быть «объяснен» при помощи тех или иных схем «поступательного развития» человеческой культуры и цивилизации, которые не только не способны прогнозировать события кардинального изменения архитектоники человеческого мироощущения в будущем, но и обнаруживают свою, мягко говоря, несостоятельность перед лицом неизменно повторяющихся в истории ситуаций регрессии самых казалось бы высокоразвитых и «просвещенных» обществ к состоянию

варварства. Подобно перформансу – форме современного авангардистского искусства, переносящей акцент со смысла и содержания происходящего, которые играют тут лишь второстепенную и служебную роль, на сам *акт, факт участия* людей в том или ином «коллективном действии», ситуация освоения человеческим сообществом новой мировоззренческой парадигмы обнаруживает свойство *мультиагентности*, т. е. такого способа взаимосвязи между людьми, организующим принципом которого уже более не является соотношение активного центра и пассивной периферии, причинно-следственная зависимость между состоявшимся в прошлом событием «открытия» некоего знания и его аутентичной ретрансляцией в настоящем и будущем. Здесь, напротив, мы имеем дело со своего рода экосистемой, для которой конститутивным является симультанное взаимодействие всех ее элементов, обладающих статусом равноправных участников, одинаково активных составных частей, так сказать соавторов, соакторов разворачивающегося тут процесса.

О том, что именно данный способ организации человеческих сообществ постепенно начинает рассматриваться в качестве основополагающего для их возникновения и развития, достаточно убедительно свидетельствует, на наш взгляд, развенчание столь характерного для XVIII и XIX веков «культу гения», который в веке XX-м последовательно деградировал к культу «вождя», «фюрера», «дуче», а в конечном итоге уже и вовсе мафиозного «крестного отца» – со всеми хорошо известными последствиями, разрушительными для жизни общества. В свою очередь, та тенденция переосмысления истории развития европейской науки в классический период, начало которой было положено «Структурой научных революций» Т.Куна, побуждает задаться следующим вопросом: действительно ли всеми своими успехами в этот период новоевропейская наука обязана тем «гениальным открытиям», посредством которых человеку удалось проникнуть в тайну фундаментальных законов мироздания? А может быть, она ничуть не в меньшей (а возможно, и значительно большей) степени обязана ими той коммуникативной среде, в которой были максимально эффективно использованы и задействованы все возможности такой инновативной для той эпохи информационно-коммуникационной технологии, как книгопечатание, благодаря

чему удалось в сравнительно короткий по историческим меркам срок создать слаженно функционирующую *сетевую* структуру мультиагентного взаимодействия всех интеллектуальных ресурсов тогдашней Европы.

Как бы то ни было, вполне очевидным является тот факт, что развитие научного знания в современную эпоху все в большей и большей степени приобретает характер *междисциплинарного* взаимодействия еще совсем недавно столь строго обособленных друг от друга областей знания, обнаруживает явную тенденцию к взаимной контаминации, взаимопроникновению и взаимообогащению гетерогенных и казалось бы взаимоисключающих теоретических дискурсов. Данный процесс уже не укладывается в рамки классических представлений о структуре научного знания, организованного сегодня скорее по типу «ризомы» (Ж.Делёз, Ф.Гваттари), где решающая роль отводится не отношениям вертикального соподчинения «ствола и ветвей», а совокупности горизонтально-латеральных связей. Технологическим аналогом и в значительной мере экспериментальной моделью этого процесса является, на наш взгляд, глобальная компьютерная сеть Интернет, своим возникновением и развитием на первоначальном этапе обязанная – даже в большей степени, чем военно-промышленному комплексу США, – тем научным сообществам на американском континенте, чьи представители сумели сразу же по достоинству оценить возможности нового сверхскоростного способа коммуникации.

Положенный в основу данной технологии метод репрезентации содержания любого сообщения посредством дигитального, цифрового кода позволил основной форме коммуникативного взаимодействия между людьми в европейской цивилизации – коммуникации посредством текста – буквально в считанные годы вполне успешно перейти со своего прежнего материального носителя, бумаги, на новый электронный. Гигантская часть скриптуальных анналов культуры – та, что не «охраняется» пресловутым законодательством о «copyright'e» и не закрывается для свободного доступа библиотеками, преследующими либо коммерческие, либо бюрократические интересы, – с поразительной быстротой перекочевала из пыльных хранилищ на страницы веб-сайтов, до-

ступных любому пользователю сети³⁹. Это обстоятельство, равно как и тот факт, что вслед за этим удалось столь же стремительно подвергнуть дигитализации данные аудио-визуального опыта, т. е. основных в нашем «сенсорном балансе» каналов восприятия человеком окружающей действительности, заставляет предположить, что здесь мы имеем дело с некой новой стадией реализации пророчески выдвинутой еще Лейбницем программы «*mathesis universalis*», конечной цели которой так и не удалось достигнуть на предыдущих этапах ее осуществления – в ходе математизации естественнонаучного знания и форм хозяйственной активности человека – именно в силу безраздельно господствовавшей в ту эпоху установки на примат опыта когниции над всеми прочими видами человеческого опыта.

Здесь возникает целый ряд вопросов. В какой мере происходящая в наши дни «дигитальная революция», уже сегодня охватывающая едва ли не все стороны жизни современного человека (вплоть до бюрократической процедуры идентификации личности посредством документа, в электронном виде содержащего все основные биометрические данные об отпечатках пальцев, сетчатке глаза, форме головы и лица данного индивида) является начальным этапом той «ноолитической революции» (П. Леви)⁴⁰, которая привела бы к возникновению среды «коллективного интеллекта», «ноосферы», где наконец нашли бы свое воплощение принципы и идеалы демократического устройства общества, сам факт хотя бы чисто формального провозглашения которых в качестве ультимативных ценностей бесспорно был одним из ключевых моментов человеческой истории? Верно ли, что в данном случае мы являемся свидетелями процесса уже не биологической, а, так сказать,

³⁹ Наглядным примером тому могут служить и бесспорно лучшая на сегодняшний день в Рунете «Библиотека Мошкова» (<http://lib.ru/>), и вполне соперничающий с ней по объему выставленного для свободного доступа материала немецкоязычный портал «Projekt Gutenberg» (<http://www.gutenberg2000.de/>), на который можно попасть со страниц онлайн-издания популярного журнала «Spiegel», и одна из лучших поисковых систем представленной в сети англоязычной литературы «World eBook Library» (<http://www.netlibrary.net/>), и даже более скромный, но все же достаточно репрезентативный для франкоязычной литературы сайт библиотеки «ABU» (<http://abu.cnam.fr/>).

⁴⁰ См., например, *Levy P. L'intelligence collective. Pour une anthropologie du cyberspace*. P., 1994.

«технологической» мутации человеческого существа, – процесса, по своей значимости вполне сопоставимого с тем, в ходе которого произошло освоение органической жизнью территорий земной суши, дотоле неведомой обитателям мирового океана, и что пространства нового измерения бытия, «Киберии» (Т.Лири)⁴¹, предстоит осваивать в грядущую «постчеловеческую» (posthuman) эпоху уже киборгам, кибернетическим организмам?⁴² На сегодняшний день эти вопросы остаются всецело открытыми. Равным образом никто сегодня не может однозначно оценить вероятность такого сценария прохождения современной цивилизацией точки бифуркации, в соответствии с которым создаваемая при помощи цифровых технологий структура глобальной коммуникации на деле приведет лишь к углублению «дигитального неравенства» (digital divide) между высоко- и слабообразованными в технологическом отношении обществами, а в конечном итоге – и к утрате последними своего «интеллектуального суверенитета» (И.Ю.Алексеева) в том гигантском «плавильном котле» (melting pot), где главенствующая роль будет принадлежать идеологии и системе ценностей супердержавы, осуществляющей свою планетарную экспансию. В свою очередь, внедрение данных технологий в повседневный обиход современного человека способно породить такую ситуацию тотальной транспарентности всех сторон жизни каждого индивида, по сравнению с которой «всевидящее око» Большого Брата из антиутопии Олдоса Хаксли может показаться примитивно-жалким техническим ухищрением.

Подводя итог краткой экспозиции того проблемного горизонта, на фоне которого сегодня осуществляется развитие инновативной среды человеческого общения, основанное на информационно-коммуникационных технологиях и в свою очередь инициирующее возникновение ряда теоретических моделей, претендующих на осмысление данного феномена, в том числе и модели «сетевых подходов», мы хотели бы остановиться на следующих существенных, на наш взгляд, моментах. В данном случае речь едва ли может идти о безболезненной интеграции в систему устоявшихся обще-

⁴¹ См.: *Leary T. Chaos & CyberCulture*. Ronin Press, 1995; *Лири Т.* Как я стал амфибией // *Знание-сила*. 1997. № 1. Перевод наш.

⁴² См., напр., *Dyens O. Metal and Flesh: The Evolution of Man: Technology Takes Over*. Cambridge, 2001.

ственных отношений очередного технологического новшества⁴³, поскольку тут мы имеем дело с технологиями, радикально изменяющими саму структуру опыта коммуникации, т. е. опыта, равным образом конститутивного для всех типов человеческих сообществ – социальных, экономических, научных, культурных и т. д. Речь никоим образом не идет и о некоей технологической панацее, предоставляющей уже готовые решения того множества проблем, гордиев узел которых достался в наследство современной культуре и обществу от социокультурной парадигмы «проекта модерна», не выдержавшей испытания временем. Скорее напротив, данный технологический феномен оказался катализатором, предельно обострившим все конфликты и противоречия современной цивилизации, в первую очередь те, которые обусловлены несовместимостью веками развивавшейся в ее недрах инфраструктуры глобальной коммуникации (рыночная экономика, наука, техника, масс-медиа) с методами управления ею, локалистско-регионалистскими по характеру и упрочивающими властную оппозицию господства и подчинения, столь свойственную европоцентризму (а позднее и североатлантикоцентризму). В эпоху «глобальной деревни» (М.Маклюэн), до размеров которой неуклонно сужаются некогда необъятные просторы планеты, утрачивающим всякую функциональность архаизмом становятся еще совсем недавно столь эффективные механизмы регулирования общественных отношений, в свое время надежно обеспечивавшие главенствующее положение западной цивилизации на планете. И сегодня ничуть не в меньшей, а вероятно, даже в большей степени чем полтысячелетия тому назад, когда впервые в человеческой истории был разорван порочный круг взаимопревращений традиционных форм ментальности и тем самым положено начало новой культуре и цивилизации, призванной реализовать тот потенциал свободы выбора возможностей мира, которым наделен каждый человек, бремя ответственности за дальнейшую судьбу человеческого рода целиком ложится на плечи представителей именно данного культурного региона.

⁴³ Ее предсказывают некоторые западные исследователи: см., например, *Winston B. Media Technology and Society, A History: From the Telegraph to the Internet.* L., 1998.

ГЛАВА III

РЕАЛИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ: В СЕТЯХ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ И ДЕБРИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

3.1. Метафоры сети и виртуальной реальности

При оценке того влияния, которое оказало развитие среды электронных информационно-коммуникационных технологий, беспрецедентно стремительное даже по меркам изобилующего техническими инновациями XX века, на формирование структуры коммуникативного опыта современного человечества, следует, конечно же, учитывать то обстоятельство, что в настоящий момент мы являемся свидетелями и соучастниками начальной стадии достаточно долговременного процесса; на сегодняшний день равновероятны весьма различные и даже прямо противоположные друг другу сценарии дальнейшего его развития. Тем не менее, на наш взгляд, вполне оправданна попытка уже сегодня выделить некоторые вполне отчетливо обозначившиеся его аспекты и тенденции, позволяющие более обоснованно судить и выдвигать предположения о перспективах последующего развития.

Здесь в первую очередь хотелось бы отметить тот факт, что впервые за более чем вековую историю развития электронных («электрических», по терминологии Маклюэна) средств коммуникации, начало которой было положено изобретением технологии телеграфной связи, была создана полноценная система одновременно и прямой и обратной связи уже не только между двумя или более участниками коммуникационного процесса – что давно было достигнуто на уровне телефонии, – но и между собственно массивом предоставляемой в глобальной сети информации и любым ее получателем. Последний выступает тут в роли уже не

столько пассивного потребителя принудительно навязываемого ему готового информационного продукта, сколько потенциального соучастника процесса производства информации, публикуемой в электронном виде и распространяемой в сети, – соактора и полноправного агента развертывающегося тут коммуникативного взаимодействия. Тем самым в среде современного коммуникативного опыта были созданы необходимые и достаточные технологические предпосылки для внесения существенной коррективы в прочно укоренившийся в общественной практике процесс производства и распространения реифицированных структур знания, отчужденных равным образом и от их создателя, и от потребителя продуктов интеллектуального труда. Сегодня эти продукты – независимо от рода, вида и жанра – беспрепятственно интегрируются в оцифрованном виде в пространство генерируемого сетью глобальной коммуникации виртуального континуума всем и каждому доступной информации.

Несмотря на то, что и сеть железных дорог, и сетевая структура линий электроснабжения, и уж тем более окутавшая всю планету сеть линий телефонной связи существовали на протяжении всего XX века, лишь в последние его десятилетия, т. е. именно в эпоху Интернета, внимание исследователей в самых различных областях знания – от биологии до социологии, политологии и бизнес-менеджмента – было привлечено к тем возможностям, которые открываются в ходе использования сетевых структур при описании явлений действительности, характеризующихся чрезвычайно высоким уровнем сложности. Наиболее яркими примерами удачного использования стратегии исследования, оперирующей в качестве основного своего компонента понятием сети, являются на сегодняшний день работы Р.Коллинза и М.Кастельса, уже переведенные на многие языки (в том числе и на русский) и по достоинству оцененные мировым научным сообществом⁴⁴.

С позиций разрабатываемого нами варианта сетевого подхода особое значение Интернета как прообраза и прототипа структурирования и организации явлений предельного уровня сложности состоит, прежде всего, в том, что по своим целям и функции он яв-

⁴⁴ См., например: *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

ляется не чем иным, как *коммуникационным* медиумом, средством массовой коммуникации в глобальном масштабе. Продолжая ход мысли Маклюэна, который первым из философов обратил внимание на роль и значение технологий общения, коммуникативной среды в деле становления и развития тех или иных социокультурных парадигм, последовательно сменявших друг друга социально-экономических и политических систем, типов научного знания и даже самого способа восприятия окружающей действительности человеческим существом, его «сенсорного баланса», можно было бы высказать следующее предположение: Интернет, бесспорно являющийся сегодня кульминационной фазой не только полуторавекового пути развития «электрическо»-электронных технологий коммуникации, но и, возможно, гораздо более длительного, начинающегося с изобретения алфавитного письма, развития технологий человеческого общения, служит ключом к решению многих актуальных проблем современности именно потому, что самым наглядным образом демонстрирует то приоритетное положение, которое занимает *коммуникативный опыт* в жизни современного человека.

Далеко не редкостью в наши дни является чрезвычайно быстрая девальвация и деградация новых слов и выражений, столь же стремительно вошедших в моду и обещавших надолго остаться в нашем обиходе. К их числу, например, относится слово «постмодерн» со всеми его грамматическими и лексическими производными. Этот первоначально более чем удачный термин, чрезвычайно точно характеризовавший преимущество двух эпох – эпохи «проекта модерна» (Ю.Хабермас) и наследующей ей после краха последнего современной эпохи, – был очень быстро затаскан и замусолен в писаниях не слишком образованных, но бойких на перо представителей СМИ и прочих «экспертов», превратившись в протертое до дыр общее место.

Точно такая же участь постигла в последние годы и термин «виртуальность», к середине 90-х гг. уже практически освобожденный от его естественнонаучных коннотаций и с тех пор функционирующий в качестве основной характеристики той среды и того мира, в которые «погружают» человека современные информационные технологии. С момента создания Жароном Ланье, одним из первых разработчиков аппаратуры «виртуальной реальности», са-

мого термина «ВР» прошло, видимо, достаточно времени для того, чтобы успели развеяться надежды и иллюзии, связанные с появлением в человеческом обиходе этой аудио-визуально-тактильной пародии на реально существующий мир. Оно оказалось достаточно и для того, чтобы испробовать, насколько пригодно словечко «виртуальный» для любого вида дискурса, от «виртуальной дипломатии» и «виртуального секса» до пассажей типа: «...так хочется чего-то виртуального, раньше сказали бы идеального». Нечто весьма похожее наблюдается сегодня и в отношении термина «сеть», который, несмотря на повсеместное развитие сетей электроснабжения и телефонной связи на протяжении XX века, лишь в конце его – в период интенсивного развития инфраструктуры электронных информационно-коммуникационных технологий – прочно вошел в качестве обиходного словечка в повседневную речь: нынче и международные террористические организации оказываются структурированными по сетевому принципу и использующими методы « сетевого маркетинга», и сетевые магазины повсюду успешно вытесняют с рынка своих не столь ультрасовременно организованных конкурентов и т. п.

Такое положение дел наводит на мысль о том, не является ли столь интенсивная тривиализация данных слов и стремление превратить их в самые что ни на есть общеупотребительные неким симптомом, свидетельствующим о бессознательной, но от этого ничуть не менее настоящей потребности скрыть нечто, выставив его на самое видное место?⁴⁵ Причем скрыть именно от самого себя нечто весьма и весьма нежелательное или даже пугающее?

Современного человека вряд ли мог бы испугать тот скудный по своим графически-изобразительным возможностям, сравнительно сносный по звучанию и беспомощно аморфный в тактильном отношении дигитальный двойник данной нам в ощущениях действительности, генерируемый аппаратурой «виртуальной ре-

⁴⁵ Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с ситуацией, в чем-то аналогичной той, которая была в свое время выявлена М. Хайдеггером в его экспозиции «вопроса о бытии»: при всем том, что самым расхожим элементом современного языка является глагол-связка «быть» и любым актом восприятия реальности предполагается, что воспринимаемое «есть», возможность собственно опыта бытия как такового исключается тем типом мироощущения, который культивируется современной культурой и цивилизацией, предающей «бытие» «забвению» отнюдь не по недосмотру или легкомыслию.

альности», который современные масс-медиа с завидным усердием пытаются выдать за inferнального монстра, грозящего человечеству неминуемой гибелью. Да и квазинаркотическая зависимость, особенно ошутимая в случае компьютерных игр и Интернета, вряд ли является настолько угрожающей, чтобы от нее отрешиваться путем прямо-таки маниакального употребления где ни попадя словечек «виртуальный» и «сеть»: ведь ни по симптомам, ни по последствиям она совершенно не сопоставима с зависимостью даже от слабых и легализованных наркотиков (мы вернемся к этой проблеме во втором параграфе данной главы).

Бессмысленно было бы продолжать поиск вредоносных для человека свойств «виртуального мира», продуцируемого информационно-коммуникационными технологиями: причина столь специфического отношения общества к данному феномену кроется вовсе не в них.

Здесь мы имеем дело с антропологической функцией информационных технологий, осуществляемой путем экстерниоризации, овнешнения событий и явлений «внутреннего мира» и заставляющей человека по-новому взглянуть на то, что казалось уже хорошо известным.

Именно эта ситуация, на наш взгляд, имеет место в случае двух событий, достаточно заметных в мире информационных технологий и, кстати, произошедших почти одновременно (в середине 90-х годов), – изобретения аппаратуры «виртуальной реальности» и превращения весьма элитарного клуба под названием «Интернет» в опутавшую всю планету глобальную компьютерную сеть, насчитывающую сотни миллионов пользователей. В обоих случаях речь идет не столько об особенностях той аудио-визуально-тактильной среды, в которую погружает пользователя аппаратура «виртуальной реальности», или конкретных возможностях общения, получения информации, транзакций и т. д., которые предоставляет сегодня Интернет его пользователю, сколько о том необычном ракурсе рассмотрения казалось бы достаточно удаленных от сферы информационных технологий проблем, само возникновение которого было спровоцировано именно этими технологическими новшествами. В свою очередь, рассмотрение в едином контексте обоих вышеуказанных событий также обусловлено не только и не столько их принадлежностью к сфере информационных тех-

нологий и практически одновременно; их рядоположенность инициирует и провоцирует сопоставление феномена виртуальной реальности и феномена сети как коррелятивных, продуктивно проясняющих природу друг друга.

При этом оба явления – и технологически продуцируемая «виртуальная реальность», и глобальная сеть Интернет – утрачивают статус принадлежащих исключительно к сфере техники, технологических явлений и становятся в известном смысле метафорами, позволяющими хотя бы в общих чертах определить контуры тех реалий культурологического, антропологического и философского порядка, с которыми мы сталкиваемся на рубеже веков.

Термин «метафора» употреблен тут не случайно. Он указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с познавательной ситуацией, достаточно радикально отличающейся от традиционной, которая во всех ее модификациях восходит к субъектно-объектной схеме, конститутивной для «проекта модерна». Последняя, опиравшаяся, как известно, на принципы оптики, постулировала «ясное и отчетливое» определение предмета в качестве единственно возможного способа его научного исследования. Такого рода определение являлось процедурой изъятия того или иного предмета из сложнейшей системы связей, обуславливавшей само его существование, было операцией аналитической атомизации, решительно отсекавшей все виды взаимосвязей и взаимозависимостей, за исключением простейшей каузальной последовательности причины и следствия. Результатом такой процедуры становилось, как мы отметили во второй главе, повсеместное применение принципа «убить, чтобы понять» – превращение всего живого в безжизненный объект, подлежащий последующему «анатомированию» на предмет изучения его строения в «чистом виде», т. е. избавленном от того назойливого фона бесчисленных коррелятивных взаимосвязей с несметным множеством объектов, который явно мешал проведению лабораторного эксперимента, но в то же время являлся необходимым условием возможности существования исследуемого объекта как такового.

Выстраиваемая на подобной основе картина мира как совокупности механических законов, приводимых в действие «ясно и точно» установленными, однозначно определенными причинами, имела своим коррелятом и вполне определенный «сенсорный ба-

ланс» (М.Маклюэн), присущий ориентированному на нее человеческому существу. Уже в «Галактике Гутенберга» Маклюэн выдвинул тезис о примате, доминировании визуальности в ансамбле человеческих чувств начиная с Нового времени и, соответственно, деформации, повлекшей за собой утрату тех возможностей восприятия действительности, которые были доступны представителям архаических сообществ, живших в условиях племенного строя, аудиотактильной, слуховой и дописьменной культуры. Изобретение фонетического алфавита, который, в отличие от иероглифического, пикториального и прочих видов письма, избавил от какого-либо содержания равным образом и букву и соотносимый с нею звук, стало, по мысли Маклюэна, первым решающим шагом на длительном пути превращения зрения в основной и универсальный способ ориентации человека в окружающем его мире. Весьма существенный вклад в этот процесс был внесен античными культурами древних греков и римлян, в целом колебавшихся на грани между аудиотактильным и визуальным способами мировосприятия, но в некоторых своих проявлениях, таких, например, как евклидова геометрия, обнаруживавших несомненную тенденцию к возрастанию и упрочению роли последнего. Изобретение прямой перспективы в живописи эпохи Возрождения знаменовало собой уже полный отказ от навыков зрительного восприятия, свойственных представителям аудиотактильных культур и не предполагавших той «фиксированной точки зрения», которую, судя по всему, следует рассматривать в качестве одной из конститутивных основ индивидуальной человеческой самости, самому себе идентичного Я.

Кульминационной точкой этого растянувшегося на тысячелетия процесса стало изобретение в 1440 г. Иоанном Гутенбергом печатного пресса, которое окончательно утвердило визуальность в статусе сенсорной доминанты человеческого мировосприятия и создало предпосылки для полного отказа ото всех атавизмов аудиотактильного прошлого – таких, например, как обязательное еще в Средневековье озвучивание (даже при чтении наедине) рукописного текста. Отныне образцом, неукоснительно вменяемым всем и каждому, становится атомизированный индивид, который неподвижно (движутся только зрачки его глаз) и уединенно даже в толпе точно таких же самотождественных, самим себе идентичных, а потому друг от друга герметично изолированных человеческих Я

созерцает строго линейную последовательность слов, фраз, глав и разделов печатного текста. В столь же строгом линейном порядке вокруг его фиксированной точки зрения в полном соответствии с законами прямой перспективы располагается Вселенная, однородное (после Ньютона) в любой его точке пространство, все явления которого выстраиваются в строгую хронологическую последовательность причин и следствий. Ну а все прочие качественные характеристики столь основательно препарированной зрительной способностью окружающей действительности, которые упорно продолжает воспринимать человеческое тело, чувствующее тепло и холод, слышащее звуки, ощущающее запахи и то и дело пробуемое что-либо на вкус, подлежат количественному исчислению в соответствующих единицах измерения, т. е. в рамках процедуры, доступной опять же лишь на уровне визуального восприятия.

Так, например, человеческим существом с данным «сенсорным балансом» совершенно не использовались те возможности ориентации в окружающем мире, которые, по утверждению все того же Маклюэна, предоставляет наш слух, позволяющий одновременно воспринимать все происходящее вокруг нас по окружности в 360 градусов, а не замыкаться в узкой перспективе «угла зрения», ограниченного только одним передним направлением. Достаточно очевидно также, что тут не нашел никакого применения потенциал таких каналов чувственного восприятия, как обоняние, осязание и вкус; еще в XVII в. они были дискриминированы Дж.Локком как имеющие дело лишь со «вторичными качествами», т. е. всецело субъективными и нерелевантными для процесса познания, ориентированного, конечно же, на постижение объективных, безусловно значимых для всех и каждого «первичных» качеств и свойств предметов и явлений. Столь ограниченное использование сенсорного аппарата человека является несомненным регрессом по сравнению с практикой традиционных культур, где, как правило, все пять чувств бывали равным образом активно задействованы при совершении конститутивных для той или иной разновидности мифологического мироощущения обрядов (например, мистерий, магических или религиозных ритуалов и т. п.).

Дискредитация гигантской массы данных чувственного опыта в качестве нерелевантных познавательному процессу и потому подлежащих вытеснению на периферию человеческого мировос-

приятия, в сфере этики и эстетики – которые во времена Канта еще не полностью утратили свою нормативную значимость, но позднее окончательно лишились этого своего свойства, – сопровождалась, как известно, широко развернутой движением Просвещения кампанией по искоренению всех и всяческих предрассудков, т. е. всего того, что, будучи представленным на «суд разума», не выдерживало процедуры оправдания и легитимации сообразно канонам все той же предельно узко трактуемой рациональности. Тем самым из культуры изымался огромный массив знаний, передаваемых из поколения в поколение изустной или письменной традицией и некогда приобретенных человечеством далеко не в соответствии с теми строгими методологическими принципами, которые были положены в основу познавательного процесса в Новое время, или даже вопреки им (например, интуитивным путем, благодаря жизненному опыту и т. п.). «Очищенное» от своей укорененности в окружающей действительности как на сенсорном уровне (пространственный план), так и на уровне исторической памяти (план временной), человеческое сознание во многом превратилось в небезызвестную «*tabula rasa*», на которой различным властным структурам в течение стольких столетий чрезвычайно удобно было запечатлеть свои вердикты и ордонансы.

В рамках настоящей работы лишь очень кратко и эскизно могут быть упомянуты те специфические черты «проекта модерна», которые должны были привести и привели последний к неминуемому краху. Еще более кратко и эскизно будут упомянуты те тенденции в философском мышлении XX века, которые можно рассматривать в качестве либо несомненных предшественников, либо вариантов реализации сетевого подхода. К ним в первую очередь, на наш взгляд, относятся философские воззрения Э. Гуссерля, основоположника такого ключевого для философии XX века направления, как феноменология, успешно развивавшегося на протяжении всего столетия. Многие из разработанных им понятийных конструкций (например, понятие «горизонт», процедура «эпохе» и др.) были несомненно направлены на преодоление узости того исходного базиса, на котором выстраивалось все здание новоевропейской науки и культуры.

Предложенная Гуссерлем конструкция «жизненного мира» (*Lebenswelt*) оказалась точкой перехода его феноменологии в экзистенциальную аналитику человеческого существования, пред-

ставленную в «Бытии и времени» его самым даровитым учеником М.Хайдеггером. Последнему удалось не только наполнить экзистенциально значимым для любого человека содержанием достаточно абстрактный категориальный аппарат и методологию Гуссерля, но и придать онтологический статус как раз тем сторонам жизнедеятельности человека, которым в рамках «проекта модерна» отводилась роль эмоционально-аффективных особенностей того или иного отдельно взятого субъекта, преходящих и ничего не значащих в деле познания объективных закономерностей. В свою очередь, его беспрецедентной по масштабности экспозицией «вопроса о бытии», охватывающей все эпохи развития философской мысли, науки и культуры на европейской почве, была убедительно продемонстрирована ведущая к непредсказуемым последствиям узость и ограниченность тех начал, на которых основывался тип человеческого мировосприятия, сформировавшийся в лоне «проекта модерна».

Следующим шагом в этом же направлении, т. е. на пути реабилитации тех слоев человеческого опыта, которые оказались незадействованными при определении теорией познания «проекта модерна» способа взаимодействия человека с окружающим его миром, может считаться концепция «философской герменевтики» ученика Хайдеггера Х.-Г.Гадамера. Разрабатываемый в рамках последней комплекс проблем (центрирующийся вокруг вопросов традиции и языка) по сути дела может быть охарактеризован как проблематика коммуникации, коммуникативного взаимодействия между элементами некой так или иначе структурированной целостности.

Общая картина «постмодернистской» трансформации, демонтажа и даже «руинирования» ключевых теоретико-методологических установок «проекта модерна» оказалась бы явно искаженной, если бы мы не упомянули хотя бы вскользь ряд иных имен и направлений исследования. Здесь в первую очередь речь должна идти о целой плеяде мыслителей и исследователей, усилиями которых французской гуманитарной культуре удалось доказать свое первенство в последней четверти XX века. Имена таких исследователей, как М.Фуко, Ж.Делёз, Ф.Гваттари, Ж.Деррида, Ж.-Ф.Лиотар, Ж.Бодрийяр и др., равно как и термины «микрофизика власти», «ризома», «шизоанализ», «деконструкция», «симулякр», сегодня уже стали неотъемлемой составной частью того масштабного процесса видоизменения человеческой ментальности, свидетелями которого мы являемся.

Особо в этом ряду хотелось бы выделить Т.В. Адорно, мыслителя, для философского творчества которого, как мы показали в предыдущей главе, тематика кризисного состояния «проекта модерна» и поиска возможностей выхода за пределы учрежденной им социокультурной парадигмы являлась ключевой и основополагающей. Уже на самом раннем этапе разработки им совместно с М. Хоркхаймером⁴⁶ «критической теории общества» он приступил к изучению еще только формировавшегося тогда феномена массовой культуры и манипулятивной функции средств массовой коммуникации, обеспечивающих ее глобальную экспансию, чем по сути дела во многом было положено начало исследованию процесса видоизменения структур коммуникативного опыта человека в современную эпоху.

Как мы отмечали выше, первым теоретиком масс-медиа, во многом опередившим свое время и по сути дела предсказавшим еще в 70-х годах наступление эпохи информационных технологий, стал Маршалл Маклюэн. Именно им была предложена та культурологическая концепция, которой описывалась последовательная эволюция технических средств, в разные периоды истории революционно преобразовывавших всю практику (и сопутствующую ей теорию) межчеловеческой коммуникации, – от колеса и печатного прессы Гутенберга до сверхзвуковой авиации и цветного телевидения. Отсутствие в этой цепи компьютера и глобальной сети Интернет обусловлено лишь тем обстоятельством, что автор словосочетания «глобальная деревня» скончался в 1980 г., за 3 года до изобретения персонального компьютера, сумев, однако, с удивительной прозорливостью предсказать чуть ли не все те изменения, которые привнесло в нашу жизнь это очередное ключевое изобретение в сфере технологий коммуникации.

О глобальной компьютерной сети как технологическом явлении, открывшем новые возможности общения, получения информации, коммерции и т. п., на сегодняшний день написано уже более чем достаточно. Иначе обстоит дело со, скажем так, метафорической трактовкой этого феномена, с пониманием «сети» в качестве универсальной модели объяснения множества событий и явлений

⁴⁶ См., например, *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты, в особенности раздел «Культуриндустрия. Просвещение как обман масс» (С. 149–210).

из самых различных областей знания и практики. Здесь мы сталкиваемся, по сути дела, с еще только складывающимся исследовательским подходом, своим возникновением обязанным той «подвижке» в человеческой ментальности, которая стала следствием появления в нашем повседневном обиходе пресловутой «всемирной паутины». Нет ничего столь уж необычного в том, чтобы рассматривать, например, человеческое общество в качестве «сети» взаимодействий и взаимоотношений индивидов, но такой взгляд оказался возможным лишь после того, как модель универсальной связи всего со всем предстала перед человеческим взором в виде вполне материальной технологической конструкции, человеком произведенной, но от него же и отчужденной.

Аналогичным образом дело обстоит и с теми понятийными конструкциями, при помощи которых новый исследовательский подход пытается выявить специфические особенности своего предмета. Они также заимствуются из практики электронной коммуникации в глобальной компьютерной сети. К ним в первую очередь относится, на наш взгляд, понятие «гипертекст», прообразом которого является, естественно, тот формат, в котором помещаются текстовые материалы на интернетовских сайтах. Каждый, кому знакома процедура «кликанья» мышью по выделенному тем или иным способом фрагменту текста, содержащему ссылку на иной текстовый, графический, аудио- или видеоматериал, легко может себе представить такой гипертекст, где все текстовые элементы снабжены ссылками на текстовые материалы, все элементы которых содержат ссылки как на иные тексты, так и на исходный текст. Возникающий в результате такого взаимоотношения образ сложнейшей «паутины» прямых и обратных связей между элементами гипертекста, могущими быть весьма разнородными (слово, графическое изображение, аудио- или видеофайл), является визуализацией того типа связности, который мы именуем сетевым. Как и всякая визуализация, эта образная репрезентация сети весьма ограничена⁴⁷. И тем не менее она все

⁴⁷ Она никак не отражает, например, факт задействованности всего нашего сенсорного аппарата, а не одного только зрения во всех жизненных ситуациях, имеющих сетевой характер, что удостоверяется так называемой синестезией, способностью видеть цвет звука или слышать звук запаха и т. д., которая и по сей день считается аномалией (если не патологией), несмотря на яркие примеры использования ее в художественном творчестве (Скрябин, Пруст).

же указывает на такое специфическое свойство сети, как универсальная соотнесенность всех ее элементов или агентов со всеми, осуществляемая посредством бесчисленного множества взаимных ссылок, прямых и обратных связей.

Визуальная репрезентация сети в виде гипертекста также делает достаточно очевидным такое существенное ее свойство, как нелокализуемость. Действительно, даже в случае более чем скромного по объему гипертекста количество всех, в том числе и перекрестных, ссылок его элементов друг на друга столь велико, что никогда не может быть ни сосчитано, ни представлено каким-либо иным образом. Эта уходящая в бесконечность задача может быть, однако, отчасти выполнена, если речь идет лишь о каком-нибудь локальном фрагменте сети. В этом случае мы получаем заведомо искаженную (потому что вырванную из контекста непрерывно меняющих ее взаимосвязей), но чрезвычайно отчетливую по причине ее статичности (прямо какая-то «моментальная фотография») картину того или иного фрагмента «реальности», точнее было бы сказать той окаменелости, из которой навеки ушла некогда сформировавшая ее жизнь.

Именно таким путем, на наш взгляд, и были образованы те представления о реальности, которыми и по сей день продолжает руководствоваться как научное, так и обыденное сознание. Ярко освещенная «светом разума» надводная часть айсберга столь притягательна для пытливого человеческого ума, видимо, потому, что ее пристальное разглядывание позволяет забыть о существовании таящейся во мгле его подводной части, способной без труда пустить ко дну любой самонадеянно несущийся на всех парах «Титаник». Вполне возможно, что именно смутное ощущение грозящей опасности, может быть даже необратимой катастрофы, а вовсе не благодушное упование на всевластие человека над мортифицированной им «реальностью», даруемое научно-техническим прогрессом, заставляет сегодня человеческую мысль искать иные способы восприятия того, что оставалось ей совершенно недоступным на протяжении целой исторической эпохи, контакта и коммуникации с ним. Одним из них, на наш взгляд, является использование термина «виртуальная реальность» для обозначения тех слоев человеческого опыта, которые не поддаются выявлению имеющимися на сегодняшний день познавательными средствами, но тем не менее всегда

функционировали и будут функционировать в качестве исходных условий жизнедеятельности человека. Равным образом им обозначаются и те процессы сетевого взаимодействия элементов окружающего мира, которые также остаются недоступными нашей познавательной способности и тем не менее всецело определяют структуру локальных образований, поддающихся как когнитивному, так и практическому освоению их человеком.

Перенос акцента при исследовании со статики предметов и явлений, по видимости завершивших процесс своего формирования, или их идеальных (в платоновском смысле) прототипов на динамику коммуникативной взаимосвязи и взаимообусловленности, непрерывно меняющей конфигурацию и интенсивность, растворяющей любые застывшие формы и неумолимо создающей взамен все новые и новые, влечет за собой не только выход за пределы субъектно-объектного схематизма. Не менее важным следствием тут оказывается и отказ от принципа иерархического упорядочивания различных уровней бытия, выстраивания жестко структурированной вертикали, однозначно, непререкаемо и окончательно определяющей статус каждой ступени такой лестницы, столь же однозначно ведущей от низшего к высшему. Таким образом, здесь уже нет места тем отношениям соподчинения, при помощи которых получали свое объяснение принцип прогрессивного развития более сложных форм из более простых и примитивных, структура центра и периферии, дихотомия сущности и явления и т. п. Все эти и многие другие концептуальные построения, так или иначе восходящие к платонизму, имели своим коррелятом определенный тип властных отношений, для которого утверждение насильственным путем жестко структурированной социальной иерархии являлось вполне естественным способом самолегитимации. «Вечный» же характер таких строго однонаправленных и не знающих вариативности иерархических структур призваны были удостоверить различного толка идеологические течения, общим отличительным признаком которых являлось пафосно-рьяное стремление осчастливить человечество более или менее полным перечнем «вечных и незыблемых истин».

В обобщенном виде технологическая возможность равноправного участия любого пользователя сети в развертываемом в ней информационно-коммуникационном процессе может быть пред-

ставлена как возможность интерактивного взаимодействия агента коммуникации с предоставленным в его распоряжение информационным окружением. Такой тип взаимосвязи носителя знания и практики с внешней по отношению к нему реальностью с самого начала исключает возможность позиционирования последней в качестве устойчивого, строго однозначно идентифицированного миропорядка, который регулируется незыблемыми и неизменными законами его существования и развития. В этой связи вполне оправданным представляется использование для обозначения того вида реальности, с которым имеет дело пользователь глобальной информационно-коммуникационной сети, термина «виртуальная реальность». На наш взгляд, он достаточно удачно и вполне адекватно выражает то обстоятельство, что мир информации, будучи порождением человеческого интеллекта, не поддается конечной идентификации, являясь миром нестабильным и неустойчивым, всецело открытым для креативного видоизменения.

Наделенная такими свойствами технологическая структура может рассматриваться в качестве обладающей гораздо большей наглядной убедительностью, чем ее теоретические аналоги, экспериментальной модели взаимосвязи и взаимодействия человека с противостоящей ему действительностью, способной в полной мере учитывать столь немаловажный в условиях техногенной цивилизации фактор воздействия агента знания и практики на окружающую среду. Кроме того, в данном случае речь, думается, может идти и о выполнении этой коммуникативной структурой некой пропедевтической функции: функции научения – путем освоения не просто того или иного знания, а навыков коммуникативного действия в глобальной информационной сети – опыту того мироощущения, для которого существующий, устоявшийся за предшествующие века миропорядок не является единственно возможным вариантом. Таким опытом утверждается принципиальная возможность творческого изменения миропорядка, т. е. возможность и необходимость реализации человеком, существом по преимуществу креативным, этой его фундаментальной способности.

В то же время следует сразу же указать на принципиально амбивалентный характер происходящего в наши дни изменения структур коммуникативного опыта, обусловленного столь успешным развитием сферы информационно-коммуникационных технологий за по-

следнее десятилетие. Накопленный за этот срок опыт использования глобальной компьютерной сети красноречиво свидетельствует о том, что современная информационно-коммуникационная среда способна являться безотказным средством выражения и отображения всех без исключения сторон человеческой натуры, в том числе и наихудших. Не вдаваясь в рассмотрение обширнейшей и многообразнейшей тематики пропаганды на интернетовских сайтах идеологии ксенофобии, экстремизма и терроризма, распространения технологий изготовления наркотиков и взрывчатых веществ, деятельности педофилов в чатах для несовершеннолетних и т. д. и т. п., мы хотели бы остановиться только на паре явлений, которые наиболее наглядным образом свидетельствуют о том, что использовать статус равноправного агента коммуникационного процесса можно отнюдь не только для достижения благой цели активизации креативных способностей индивидуума. Феномен хакерства, несанкционированного взлома защитных систем сайтов и проникновения в закрытые для свободного доступа базы данных, – широко распространенное явление в глобальной сети, известное с самых ранних периодов ее развития.

В отдельных случаях речь действительно тут может идти об акциях, руководствующихся известным лозунгом «информация должна быть свободной» и направленных против попыток внесетевых властных инстанций установить контроль над теми или иными областями информационной среды и самим процессом распространения в ней контента любого вида и рода. Но в подавляющей своей массе акты хакерского взлома преследуют вполне криминальную по характеру цель: это личное обогащение путем выкрадывания и последующей продажи на черном рынке пользующейся там спросом информации.

Непосредственно смыкающийся с хакерством феномен phishing'a – выманивания у клиента банка, использующего практику расчетов по Интернету, всех его персональных данных (включая и необходимый для снятия денег с его счета pin-код), путем подделки электронных сообщений от банка или даже его Web-страницы – является уже не чем иным, как практикой сетевого мошенничества в чистом виде. В этом же ряду следует упомянуть и явление вирусописательства, создания и распространения по сети программ, которые либо вызывают серьезные сбои в работе программного обеспечения и компьютерного оборудования в

масштабах всей планеты, либо, как это имеет место в случае так называемых «троянцев», не нанося непосредственно ощутимого вреда компьютеру пользователя, собирают и передают сведения об имеющейся в нем информации, либо вообще превращают его в послушный инструмент рассылки по сети спама или, например, скоординированных атак на сайты провайдеров, отказывающихся идти на соглашение с рэкетирами.

Современная среда глобальной коммуникации в силу особенностей конструкции и способа функционирования ее технологической инфраструктуры благоприятствует развитию подобного рода тенденций. Она все больше и больше начинает играть роль своего рода экстериоризированного зеркального отображения также и порочных сторон человеческого существа, что, кстати, уже оказывает вполне ощутимое влияние и на смежные с ней отрасли производства массовой культуры, использующие менее совершенные технологии коммуникации. На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что данное технологическое новшество, уже прочно вошедшее в повседневный обиход современного человека, отнюдь не является некой всемогущей панацеей, которая призвана раз и навсегда избавить человеческое общество от свойственных ему конфликтов и антагонизмов, неизбежных в социуме, основанном на принципе господства, власти одного индивида над другим. Скорее наоборот, в ходе своего дальнейшего развития оно способно превратиться в некий универсальный катализатор предельного обострения всех присущих современному общественному устройству дисфункций и патологий и тем самым создать ситуацию, при которой необходимость нравственного выбора, как на уровне общества в целом, так и на уровне любого из его членов, между собственно человеческим предназначением и полным поглощением человека его же собственными творениями – реифицированными структурами его созидательной деятельности – станет несравненно более настоятельной и неотложной, чем это было в XX веке. Таким образом, в данном случае мы имеем дело со все более широким распространением, за счет использования самой совершенной на сегодняшний день коммуникационной технологии, той тенденции развития современной западной культуры и цивилизации, пафосом активного противостояния которой были проникнуты как философия «неидентичности», так и все философское творчество Адорно.

Выше мы показали, сколь важную роль сыграл этот мыслитель в деле разработки одного из первых в современной западной философии теоретического подхода к исследованию феномена массовой культуры и практики использования властными структурами современных обществ появившихся в XX веке новых технологий коммуникации. Следует также отдать должное его философской проницательности, которая позволила уже на самой ранней стадии развития данного феномена выявить его внутренне противоречивый и амбивалентный характер, предоставляющий возможность создания и распространения в той же среде альтернативной господствующей тенденции коммуникативной стратегии. Но, учитывая несомненные заслуги Адорно, нужно все же указать на то, что переход на новый технологический носитель информационно-коммуникационного процесса, цифровые технологии, знаменует собой новый этап в развитии этого конфликта, имманентно присутствующего среде современного коммуникативного опыта и открытого для философской мысли творчеством Адорно.

В первую очередь это связано с тем, что в среде, использующей методы цифровой обработки данных, где каждый байт информации любого рода и вида является не чем иным, как набором одних и тех же во всех случаях нулей и единиц, задача полной и окончательной защиты некоторой части данных, например строго секретного или сугубо личного, приватного характера, от несанкционированного доступа к ней представляет собой, судя по всему, принципиально невыполнимую задачу. Об этом красноречиво свидетельствует отнюдь не отмирание, но, напротив, быстрое развитие практики уже упоминавшихся хакерских взломов и вирусописательства, зачастую принимающей характер настоящего бедствия по мере того, как в распоряжение пользователя поступают все более и более усовершенствованные образцы программного обеспечения, над разработкой которого трудятся коллективы лучших программистов планеты, в том числе и призванного обеспечить защиту компьютеров как корпоративных, так и индивидуальных пользователей. Здесь мы оставим в стороне трудноразрешимый вопрос о возможности тайного сговора между вирусописателями и фирмами, которые поставляют на рынок свои непрерывно модифицируемые и совершенствуемые антивирусные программы (вплоть, например, до таких, как *firewall*, *brandmauer*, *antihacker* и т. п.), а также о воз-

возможности наличия некоей состязательности, негласно санкционируемой с обеих сторон, в противоборстве между теневым хакерским сообществом и известнейшими фирмами-производителями программного обеспечения, весьма способствующей улучшению качества изготавливаемого и распространяемого последними продукта. Нам хотелось бы лишь указать на то, что такое положение дел в среде глобальной коммуникации способно повлечь за собой ряд последствий, чрезвычайно негативных для устоявшихся норм общественного бытия.

Прежние юридические нормы, которые призваны регулировать процесс тиражирования и распространения продуктов интеллектуального труда, осуществляемый путем использования предшествующих цифровым коммуникационных технологий, приходят сегодня в явное противоречие с практикой тиражирования и циркуляции информации в глобальной компьютерной сети. Первые признаки этого явственно обозначились уже на стадии перевода в цифровой формат и свободного распространения в сети всего массива той части культурного наследия человечества, которая обрела статус всеобщего достояния благодаря универсальному распространению технологии печатного слова. Разумеется, в период разработки и дальнейшего усовершенствования пресловутого законодательства о «соруight'е», которое, как известно, защищает права не столько авторов, сколько издателей, никоим образом не мог быть учтен тот факт, что человечеству однажды станет доступной технология, предоставляющая возможность изготовления сколь угодно большого числа ничем не отличающихся от оригинала текста его копий. Вплоть до сегодняшнего дня это законодательство является серьезным препятствием на пути реализации ряда проектов, бесспорно имеющих большое общекультурное значение, — таких, например, как лучшая, на наш взгляд, в Рунете «Библиотека Мошкова», «Projekt Gutenberg» он-лайнового издания журнала «Spiegel» или планируемая компанией «Google» программа обеспечения свободного доступа к фондам библиотек ряда наиболее известных университетов планеты. Эта конфликтная ситуация еще более обострилась в последние годы, когда благодаря появлению и стремительному распространению технологии высокоскоростного доступа к информации, так называемого широкополосного Интернета, стала возможной беспрепятственная передача за

укладывающийся в разумные пределы промежутков времени того весьма значительного объема данных, которого требуют форматы современных аудио- и видеофайлов. Развернутая ассоциациями фирм, занятых в сфере шоу-бизнеса, настоящая травля даже тех участников свободного файлообмена, которые вовсе и не помышляли о коммерческом использовании «скаченного» ими контента и намеревались пользоваться им строго в соответствии с правилами так называемого «fair use», т. е. только для собственного употребления, является, на наш взгляд, откровенно брутальной попыткой навязать новой информационно-коммуникационной среде юридические нормы и установления, уже явственно приобретающие оттенки атавизмов.

Подобного рода невосприимчивость по отношению к специфическим особенностям среды глобальной коммуникации, использующей цифровые технологии, сегодня вообще стала достаточно распространенным явлением. Как правило, Интернет рассматривается в качестве еще одного, добавочного ко всем прочим, уже успевшим отлично зарекомендовать себя на поприще манипуляции общественным сознанием средств массовой коммуникации, инструмента глобального распространения как присущего современному западному обществу типа ментальности, так и непосредственно продукции различных отраслей товарного производства. Об этом свидетельствует процесс коммерциализации данной информационно-коммуникационной структуры, принимающий в последние годы все более и более активные формы. Не исключено, что такие вполне успешные попытки интегрировать данное технологическое новшество в систему существующих социально-политических и экономических отношений в значительной мере затушевывают и оттесняют на задний план одну серьезную опасность: использование структурами государственной власти латентных возможностей данной коммуникационной технологии может, в определенных исторических условиях, создать ситуацию, при которой будут оспорены фундаментальные для общества, основанного на принципах демократии и частного предпринимательства, права его граждан.

Перед лицом того вызова, который был брошен западному миру международным терроризмом 11 сентября 2001 года, в обстановке неустанной пролиферации очагов вооруженного противостояния

и распространения зоны боевых действий на места проживания мирного населения, в том числе и крупнейшие мегаполисы планеты, вполне реальной становится перспектива разработки и внедрения такой системы тотального аудио-визуального надзора, равно как и контроля над циркулирующей по всем сетям связи информацией, задача создания которой была совершенно неразрешимой на уровне аналоговых технологий обработки данных, но является вполне решаемой на уровне технологий цифровых. Следующим вполне закономерным шагом развития ситуации подобного рода может оказаться расширение прав силовых ведомств на доступ ко всему объему персональной информации уже не только тех, кто непосредственно подозревается в сотрудничестве с террористическими организациями, но и все большего числа граждан общества, криминогенный характер которого удостоверяется бесчисленным множеством фактов современной общественной жизни.

Данный сценарий деградации грядущего информационно-общества до уровня общества некой «тотальной транспарентности», который, как мы уже отмечали, далеко превосходит по масштабности самые мрачные прогнозы известной антиутопии Джорджа Орвелла, становится все более вероятным по мере того, как в условиях борьбы с международным терроризмом многие страны начинают использовать самые современные технологии всеобъемлющего надзора и контроля за деятельностью значительных масс населения. Ну а та быстрота, с какой конгрессом США был принят по горячим следам событий сентября 2001 года небезызвестный «Patriot Act», едва ли свидетельствует о том, что в некой вполне возможной в наше время экстремальной ситуации законодательные ветви власти даже развитых демократических обществ окажутся способными, как и прежде, исправно и безукоризненно выполнять функцию охраны и защиты конституционных прав и свобод граждан.

В целом, однако, выявляемая даже подобного рода сценарием перспектива дальнейшего технологического развития среды глобальной коммуникации достаточно недвусмысленно, на наш взгляд, указывает на то, что система социально-экономических отношений, сложившаяся в эпоху планетарной экспансии социокультурной парадигмы «проекта модерна», к тому времени уже вступившей в фазу кризиса и распада, все в большей степени приходит

в противоречие с сформировавшимися в ее недрах инновативными структурами коммуникативного опыта. Последний уже не укладывается в прокрустово ложе учреждаемого данной парадигмой миропорядка, престоупает его границы и вторгается в новое измерение человеческого бытия, даже самые общие контуры которого трудно представить в рамках миропонимания, взращенного парадигмой «проекта модерна». Тем не менее даже сегодня можно попытаться выявить ряд характерных особенностей функционирования и развития в последние годы данного технологического феномена, на примере которых может быть сделан вполне обоснованный вывод о возможности реализации в будущем сценария его развития, полностью альтернативного вышеприведенному.

Несмотря на уже достигнутые успехи в деле коммерциализации Интернета и репрезентации в глобальной сети информационных потоков, продуцируемых всеми видами традиционных СМИ (сегодня практически ни одно из сколько-нибудь престижных печатных изданий, новостных агентств, радиостанций и телевизионных каналов уже не может позволить себе не иметь сайта в Интернете), повседневная практика общения в этой информационно-коммуникационной среде все же продолжает самопроизвольно порождать явления, не поддающиеся влиянию и контролю со стороны различных внесетевых, так сказать оффлайн-институтов современного общества. Среди них в первую очередь должен быть упомянут заявивший о себе сравнительно недавно феномен blog'ов (сокращение от Web-log). Он представляет собой дальнейшее развитие уже устоявшейся в сети практики помещения в ней собственной Web-страницы индивидуального пользователя, с той, однако, существенной разницей, что использование соответствующего программного обеспечения позволяет легко осуществить постоянное, а иногда даже и ежедневное обновление представленной тут информации, отражающей собственную точку зрения создателя blog'a на самые разнообразные события и явления современной жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что среди журналистов (часто именуемых editor'ами), обслуживающих сайты крупнейших и известнейших новостных корпораций, по мере увеличения числа blog'ов в сети стала распространяться практика постоянного обращения к содержащейся на них информации, зачастую даже с целью получения сведений, которые по

тем или иным причинам не оглашаются в сводках новостей, получаемых ими по собственным каналам. Результатом этого плодотворного сотрудничества может считаться то, что к сегодняшнему дню уже многие сетевые журналисты, из числа безусловно заботящихся о своем интеллектуальном престиже, обзавелись собственными blog'ами, что позволяет им свободно и беспрепятственно выражать свое особое мнение по тем или иным актуальным вопросам, отнюдь не всегда совпадающее с позицией их работодателя.

Подобного рода инакомыслие, которое открыто выражается в профессиональной среде, призванной способствовать массовому распространению конформистского мировоззрения, в первую очередь обслуживающей интересы мейнстрима и истеблишмента и лишь в отдельных редких, да и то зачастую весьма сомнительных случаях удостоверяющей свое право именоваться «четвертой властью», свидетельствует, на наш взгляд, о том, что предоставляемые современной средой глобальной коммуникации технологические возможности могут использоваться человеком также и для публичного предъявления собственной мировоззренческой позиции, тем самым способствуя активизации и развитию его креативного потенциала, не находящего себе полноценного применения в устоявшихся формах жизнедеятельности. Равным образом оно указывает и на то, что данная коммуникационная среда продолжает оставаться средой мультиагентного взаимодействия индивидов, которые в полной мере осознают и позиционируют себя в качестве равноправных соучастников, соавторов и соакторов информационно-коммуникационного процесса. Тем самым они противодействуют попыткам установления того или иного вида контроля над процессом свободной циркуляции информации в Интернете, полностью пренебрегающим спецификой данной формы коммуникативного опыта и грозящим превратить его во всего лишь самый совершенный в техническом отношении придаток аппарата традиционных СМИ.

Другое явление подобного рода, на котором мы хотели бы остановить свое внимание, – феномен Wiki'педии, также получивший распространение лишь относительно недавно. Восходящий к хорошо известной практике интернетовских форумов, на которых их участниками обсуждается бесчисленное множество интересующих их проблем, данный способ организации компендиума тех или иных сведений обладает той отличительной особенностью, что здесь, на-

ряду с возможностью дополнения совокупности уже представленной информации, пользователю предоставляется также право изменения, в соответствии с установленными правилами, и содержания таковой. Данный шаг в направлении развития навыков активного взаимодействия пользователя с предоставленным в его распоряжение массивом информации, кажущийся на первый взгляд не столь уж значительным и многообещающим, тем не менее достаточно убедительно, по нашему мнению, свидетельствует о том, что попытки поиска новых форм интерактивного взаимодействия агента коммуникационного процесса с обнаруживающим свой виртуальный характер информационным окружением продолжают предприниматься в глобальной сети и в наши дни. Этим, в свою очередь, удостоверяется конститутивная роль именно такого типа взаимосвязи между носителем знания и практики и окружающей его средой для тех новых форм коммуникативного опыта, освоение которых становится возможным благодаря использованию современных информационно-коммуникационных технологий.

Оба вышеприведенных примера, проясняющих возможности интерактивного взаимодействия мультиагентного сообщества участников коммуникационного процесса с виртуальной реальностью информационного окружения, непосредственно указывают, с нашей точки зрения, на наличие в данной среде тенденции, дальнейшего развития которой могло бы создать предпосылки для такого изменения социально-политического климата современного общества, которое оказалось бы прямо противоположным прогнозу, представленному охарактеризованным нами выше сценарием движения к обществу тотальной транспарентности⁴⁸.

⁴⁸ О том, что Интернет оказывается по-прежнему способным преподносить сюрпризы, наглядно свидетельствуют недавние события, связанные с деятельностью сайта Wikileaks, социальной сети Facebook и микроблогинга Twitter. В первом случае публикация разоблачительных материалов не повлекла за собой серьезных осложнений в области межгосударственных отношений, но все же нанесла значительный ущерб репутации военного и дипломатического ведомств США. Здесь в очередной раз нашел подтверждение тот факт, что даже самые строгие меры секретности оказываются неспособными предохранить информацию, прошедшую обработку цифровыми технологиями, от ее утечки и предания гласности. Во втором же случае мы имеем дело с более драматичной ситуацией. Практика организации при помощи самых оперативных на сегодняшний день средств связи, а именно сервисов сети Facebook и Twitter'a, достаточно безобидных flashmob'ов в определенных условиях стала

В ходе развития социокультурной парадигмы «проекта модерна» и превращения ее в ее прямую противоположность, в мировоззренческую систему традиционалистско-мифологического типа, утопические идеалы переустройства общества на началах свободы и равенства прав всех без исключения его членов, превращенные в эффективно функционирующую идеологическую ширму, которая надежно маскирует реальные процессы борьбы различных группировок за властные prerogatives как в масштабах тех или иных государств, так и целых регионов планеты, остались одной из величайших в человеческой истории утопий и, возможно, обречены оставаться таковой навсегда. Тем не менее под знаком именно этой утопии был разработан и внутренне противоречивым образом осуществлен грандиозный цивилизационный проект, исходно призванный предоставить человеку право на реализацию его собственного, уникального в каждом отдельном случае мыслительного и деятельностного потенциала и разорвать порочный круг векового взаимопревращения одних форм традиционалистского мироощущения в другие. Даже в своей превращенной и буквально «вывернутой наизнанку» (*ver-* и *umkehrte*) форме он продолжает нести на себе родимое пятно утопического происхождения, полностью стереть которое не удастся даже самым мощным из наличных сегодня тенденций регресса к даруемой традиционалистским мировосприятием незыблемой стабильности раз и навсегда идентифицированного миропорядка. Одним из ярчайших тому примеров может считаться философское творчество Адорно.

В то же время, отнюдь не впадая в крайность некоего технологического редукционизма, нужно указать и на то, что среди разнообразных причин, приведших к перерождению парадигмы «проекта модерна» в ее исходного антагониста, далеко не послед-

импульсом к возникновению и разрастанию широкомасштабного движения стихийного социального протеста, которое в одночасье свергло два казавшихся достаточно устойчивыми авторитарных режима и возглавлявших их президентов, а также развязало кровопролитную гражданскую войну в соседнем с ними государстве. Это обстоятельство вполне убедительно свидетельствует о том, что мы были не так уж далеки от истины, указывая, что среда современных информационно-коммуникационных технологий способна выполнять функцию своего рода катализатора, ускоряющего и обостряющего назревшие в обществе конфликты и противоречия, в данном случае социально-экономического и политического характера.

ную роль сыграло следующее обстоятельство: на протяжении веков единственно возможным для использования носителем инновативных для своего времени форм коммуникативного опыта являлась технологическая инфраструктура производства и распространения печатного слова, т. е. технология коммуникации, специфические особенности которой оказались явно недостаточными для создания коммуникационной среды, основывающейся одновременно на прямой и обратной связи участников коммуникационного процесса.

Нисколько не умаляя безусловной значимости и исторической действенности социально-политических и экономических факторов, хотелось бы все же обратить внимание и на то, что в условиях, когда поток информации мог распространяться лишь подобно «улице с односторонним движением» (В.Беньямин), тенденции к выстраиванию иерархически пирамидальной властной вертикали, и без того в изобилии наличествующие в человеческом сообществе с самых архаических времен, могли лишь получить дополнительный стимул для своего дальнейшего развития, а вовсе не быть упразднены, как то мечталось утопистам эпохи Просвещения. Процесс социального расслоения и стратификации, неизбежно сопутствовавший всем предшествующим этапам человеческой истории, и в данном случае привел к формированию элитарных слоев общества, которые реализуют свою властную функцию посредством институтов представительной демократии – способа репрезентации общественных интересов, бесконечно удаленного не столько по времени, сколько по существу от своего протообразца, т. е. события прямого волеизъявления всех присутствующих граждан, имевшего место на агоре древнегреческого полиса или на новгородском вече.

Задача организации прямого участия всей массы населения в обсуждении, выработке и принятии законоположений, призванных регулировать все виды взаимоотношений внутри данного сообщества, в той или иной степени может быть решена в архаичном городском поселении со сравнительно небольшим числом обитателей, но, конечно же, должна была решаться совершенно иначе в масштабах государств с многомиллионным населением, располагавшихся на обширных территориях, а также обществ, которые давно уже прошли этап оральной культуры. Мы оставим за

рамками нашего исследования вопрос о том, в какой мере факторы социально-политического и экономического характера обусловили превращение механизмов представительной демократии, разработанных в эпоху становления и развития парадигмы «проекта модерна», отнюдь не в средство репрезентации жизненных интересов всех слоев общества, но в инструмент манипулирования ментальностью подавляющей части электората, используемый теми или иными властными инстанциями в целях упрочения и расширения своих полномочий. Однако нам представляется необходимым указать на то, что сопутствовавшее этому процессу использование технологии печатного слова – равно как и дополнивших ее позднее аналоговых технологий электронной коммуникации – в качестве материальных носителей общепринятых форм коммуникативного опыта никоим образом и не предполагало возможности обеспечения полноценных способов обратной связи с каждым отдельным членом общественного организма.

Выше мы говорили о том, что для используемых в среде глобальной коммуникации цифровых технологий становится доступной высокоскоростная обработка беспрецедентного по масштабам объема данных, массива информации, освоение которого было совершенно неразрешимой задачей для прежних технологических носителей коммуникативного опыта. Если попытаться интерпретировать этот факт в контексте вышеприведенных рассуждений, то, на наш взгляд, станет очевидным, что в данном случае мы имеем дело с технологической возможностью публичного предъявления каждым отдельным членом общества собственной позиции по тем или иным проблемам, затрагивающим его интересы, – возможностью, которая явно опережает процессы развития институтов современной представительной демократии и в этом смысле бросает им своего рода вызов. Вопрос же о том, в какой мере и будет ли вообще эта возможность использована современным обществом в целях действительного, а не реифицированного и по форме и по содержанию устройства социальной жизни на основах народовластия, остается на сегодняшний день полностью открытым. Факт ее наличия в человеческом опыте может быть, однако, истолкован как признак того, что система современного общественного устройства постепенно приближается к критической для ее равновесного состояния точке бифуркации, если уже не достигла ее.

3.2. Цифровые симуляции сенсорного опыта и компьютерная зависимость

В данном параграфе предпринята попытка использовать одну из основополагающих теоретических разработок Маклюэна – концепцию видоизменения «сенсорного баланса», способа организации всего комплекса чувственного восприятия человека при переходе от культуры аудио-тактильного типа к культуре визуально ориентированной – при рассмотрении одного из массовых явлений, наиболее характерных для эпохи информационно-коммуникационных технологий, феномена квазинаркотической зависимости от компьютерных игр и Интернета.

Непосредственным поводом для обращения к данному вопросу явилось высказанное в статье Е.В.Петровой «Человек в современной информационной среде: проблемы социальной адаптации»⁴⁹ несогласие с моей оценкой пристрастия к компьютерным играм и Интернету как квазинаркотической зависимости. Я благодарен Е.В.Петровой за то, что ее возражения сделали очевидной недостаточность этой оценки, которую, несомненно, следовало бы расширить и уточнить указанием на то, что в отличие ото всех известных наркотиков ни компьютерные игры, ни Интернет не способны воздействовать на органику, физиологию человеческого организма так, как это делают высокотоксичные вещества стимулирующего характера, попадающие либо в пищеварительный тракт, либо прямо в кровеносную систему. И едва ли кому-то придет в голову уподобить позу геймера или интернетчика, общающегося с компьютером при помощи джойстика, а в основном все тех же клавиатуры и мыши, тем разработанным религиозными практиками положениям человеческого тела, которые, судя по всему, способствуют достижению того или иного психосоматического состояния, например молитвенного транса, экстатической эйфории, погружения в медитацию и т. п.

Но коль скоро компьютерные игры и Интернет не оказывают прямого физиологического воздействия на человеческий организм, в отличие от наркотических средств, которые автоматически, на уровне психосоматики, где нет места ни волевому усилию,

⁴⁹ См.: Информационная эпоха: новые вызовы человеку и обществу. М., 2008. С. 100–117.

ни усилию сознания, препровождают наркомана напрямик либо в рай, либо в ад (как то с большим талантом и на основе собственного опыта описал еще Олдос Хаксли⁵⁰), то вполне естественно было бы задаться вопросом о том, чем же, собственно, обусловлена зависимость миллионов наших современников от этих электронных артефактов, стремительно ворвавшихся в повседневный обиход человека каких-нибудь два-три десятилетия назад. Весьма обширный, чрезвычайно интересный и в высшей степени информативный материал, отражающий достаточно широкий спектр разноплановых попыток ответа на этот вопрос, содержится в тексте Е.В.Петровой. Думается, однако, что в данном случае, как и в случае применения законодательства о так называемом «авторском праве» к практике файлообмена в Интернете или попыток подведения практики блоггинга под законодательство о СМИ, мы имеем дело с концептуально осмысленной еще Т.В.Адорно процедурой редукции «неидентичного» (Nichtidentische), т. е. того, что не интегрировано в состав прошлого человеческого опыта, к чему-то уже прежде «идентифицированному» в нем. Кроме того, нельзя, видимо, полностью сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в наши дни психотерапевтические практики, обещающие избавление от всех видов зависимостей вплоть даже до генетического уровня, являются весьма прибыльным и процветающим бизнесом, который неуклонно расширяет рынок сбыта своей «продукции» во всех направлениях, в том числе и в данном.

На наш взгляд, в достаточной мере соответствуют специфике исследуемого феномена и потому являются весьма перспективными в деле его изучения теоретические разработки Маклюэна, который, как было показано выше, еще в 1960–1970-х гг. фактически предсказал наступление эры информационно-коммуникационных технологий и сама творческая деятельность которого бесспорно стала одним из моментов свершения этого исторического события. Мы имеем в виду одну из представленных в «Галактике Гутенберга» концепций, посвященную исследованию проблематики видоизменения параметров человеческого чувственного восприятия, «сенсорного баланса» между зрением, слухом, ося-

⁵⁰ См.: *Huxley A. The Doors of Perception/Heaven and Hell. L., 1984. Хаксли О. Врата восприятия // Путь. 1995. № 8. С. 240–279.*

занием, обонянием и вкусом, в эпоху становления и развития западной культуры и цивилизации начиная с Нового времени и по сегодняшний день.

Напомним вкратце, что, по мысли Маклюэна, центральное место тут занимало зрительное восприятие, дрессуре и дисциплинарному упорядочиванию которого первоначально способствовало изобретение фонетического алфавита, позднее – прямой перспективы в живописи, а впоследствии, с наступлением эры «галактики Гутенберга», – повсеместное распространение линейного текстового нарратива как «единственно верного» способа восприятия человеком окружающего мира. Использование тут принципа линейной последовательности, перехода от предшествующего к последующему, в качестве единственно возможного для «нормальной» работы как самого зрительного аппарата, так и того, что принято называть «внутренним взором», вело не только к деформации той части человеческой сенсорики, какой является зрение, но и к дискредитации и атрофированию тех возможностей, которые представляют иные органы чувств.

Современную науку (например теорию поля), современное искусство (например живопись «после Сезанна») и в особенности современные технологии электронной коммуникации Маклюэн рассматривает в качестве предвестников новой, постпечатной и постгутенберговской эпохи в человеческой истории. Ее отличительной особенностью, по контрасту с предшествующей эпохой индивидуализма, капитализма, национализма, милитаризма и пресловутой «буржуазной холодности», должно стать, по его мысли, пробуждение «Африки внутри нас», никоим образом не означающее возврата к родоплеменному строю и диктатуре аудиотактильной парадигмы, но выводящее человека на новый уровень мировосприятия. Характерными для него стали бы утрата визуальной способностью ее доминирующего положения в «сенсорном балансе» пяти чувств и переход к практике их равноправного взаимодействия, своего рода синестезии. Такой синергетический эффект позволил бы человеку выйти за пределы заколдованного круга визуальных предрассудков к новым перспективам, открывающим возможности более адекватного существования человека в мире, который, согласно предельно честной и беспристрастной оценке

И.Канта, всегда был, есть и останется принципиально непознаваемым для всецело укорененного в нашей визуальной способности рационального мышления.

Мы неоднократно упоминали одно из наиболее известных выражений, используемых Маклюэном для характеристики новой культурной, социальной и мировоззренческой ситуации в человеческой истории: словосочетание «глобальная деревня», которое встречается уже на страницах «Галактики Гутенберга», а позднее вошло в название одной из его менее масштабных работ⁵¹. В первой главе мы отмечали, что данное выражение как нельзя более подходит для характеристики состояния современного Интернета, причем именно Интернета сегодняшнего дня, с ICQ и ее многочисленными клонами, позволяющими письменно болтать с кем угодно в любой точке планеты, с программой «Skype» (она обеспечивает голосовую связь с любым компьютером в мире, а за плату – и с любым телефонным номером), с насчитывающими миллионы пользователей социальными сетями типа «Facebook», «Одноклассники.ru», «В контакте» и т. п., в которых «офисный планктон» во всем мире проводит большую часть своего рабочего времени. Не забудем, конечно, и о блогах всех мастей и оттенков вплоть до бьющего все рекорды оперативности супермодного микроблоггинга «Twitter», где кто угодно может высказать что угодно и что угодно выставить на всеобщее обозрение в аудио-видео формате, о «YouTube», куда ежеминутно стекается самая разнохарактерная видеоинформация со всей планеты, наконец о Википедии, подлинно глобальной энциклопедии, компендиуме знаний, впервые создаваемом не той или иной группой экспертов, но в буквальном смысле «всем миром».

Все вышеперечисленные явления сетевой жизни возникли лишь в последние годы. В 90-х годах, в период первоначального освоения Интернета массовым пользователем, о таком размахе коммуникативной активности в нем вряд ли мог мечтать даже изобретатель World Wide Web'а сэр Тимоти Беренс-Ли⁵². А потому остается только удивляться и восхищаться прозорливостью Маршалла Маклюэна, который еще в 1960 г. (время написания «Галактики Гутенберга») сумел в одном-единственном слогане

⁵¹ War and Peace in the Global Village (Война и мир в глобальной деревне), 1968.

⁵² Он получил титул именно за данное изобретение.

схватить саму суть процессов, развернувшихся лишь десятилетия спустя после его кончины (1980), – непредставимого для человека печатной культуры мгновенного, симультанного коммуникативного взаимодействия между сотнями миллионов пользователей сети, не знающей ни расовых, ни национальных различий, пренебрегающей и государственными границами, и расстояниями между континентами.

Думается, что ничуть не в меньшей степени применимы к ситуации дня сегодняшнего и сами теоретические разработки Маклюэна, касающиеся проблематики визуальной деформации «сенсорного баланса» человека в современной западной цивилизации и культуре. Возвращаясь к исходной теме данного раздела – зависимости от компьютерных игр и Интернета как квазинаркотической – и ни в коей мере не претендуя на «полное и окончательное» раскрытие механизмов возникновения подобного рода зависимости, хотелось бы остановиться только на некоторых моментах, отчетливо прослеживаемых, на наш взгляд, в данном явлении.

Было бы явным прегрешением против здравого смысла пытаться оспаривать тот факт, что современный персональный компьютер является продуктом технологии, целиком и полностью ориентированной на визуальные параметры действительности. Даже по своей эргономике это – инструмент, с которым удобно и комфортно должно работать только профессионалу-программисту⁵³. Несмотря на все последующие дополнения и усовершенствования – типа джойстика, трекбола, сенсорного экрана и т. п., – пользователь в основном продолжает общаться со своим компьютером посредством клавиатуры и мыши. И если первая, прямая наследница клавиатуры механических и электрических пишущих машинок, в свете вышесказанного предстает чуть ли не явлением во плоти системы фонетического алфавита, то наличие второй уже наводит на кое-какие размышления. Компьютерную мышь в известной мере можно было бы считать аналогом пульта дистанционного управления телевизором, если не принимать в расчет то

⁵³ Небезызвестный в Рунете блогер (а также медиа-эксперт, телеведущий, журналист, интернет-продюсер) Аскар Туганбаев, например, считает, что персональный компьютер в его сегодняшнем облике явно избыточен для обычного пользователя, поскольку способен выполнять множество функций, к которым вообще никогда не обращается такой пользователь.

обстоятельство, что в течение всех последних десятилетий именно телевизионные технологии испытывают влияние технологий компьютерных (а не наоборот), и не учитывать огромную разницу функциональных возможностей мыши и ПДУ, обладающего весьма скудным набором опций. Равным образом разнятся и состояния вальяжно расположившегося перед экраном на чем-либо мягком телезрителя и скорчившегося в неизменно неудобной позе перед монитором компьютера его пользователя: положение первого вообще, на наш взгляд, едва ли принципиально отличается от положения читателя печатного текста, с той, конечно же, существенной разницей, что здесь он имеет дело уже не с линейной последовательностью текстового повествования в форме печатного слова, а с аудио-визуальным нарративом, который не утрачивает своего характера линейной последовательности ни в случае калейдоскопической мозаики теленовостей, ни даже в случае видеоклипа, скорее чисто декларативно и потому лишь симулятивно и в ограниченных пределах осуществляющего демонтаж такой последовательности. Телезритель так же неподвижен, как и читатель печатного текста, все его внимание сконцентрировано на мелькающих на экране зрительных образах, а звуковое сопровождение всегда остается дополнительным и поясняющим компонентом телевизионной картинки, фактически все тем же линейным текстом сценария того или иного экранного действия. Такое положение дел позволяет рассматривать телезрителя как пассивного реципиента обрушивающегося на него потока визуальной информации: единственно доступной реакцией на эту агрессию для него становится возможность переключаться с канала на канал или вовсе выключить этот дурацкий ящик.

Иначе обстоит дело в ситуации компьютерного пользователя. Сходство с телевизионным приемником ограничивается лишь наличием экрана, сходного по конструкции как в случае электронно-лучевой трубки, так и жидкокристаллического варианта, правда, именуемого тут уже дисплеем монитора. И если на уровне этого устройства для демонстрации визуальных образов пользователю доступно лишь очень ограниченное число совершенно второстепенных опций, то системный блок компьютера представляет собой нечто такое, что способно поколебать нормальное человеческое представление о выполняющем ту или иную функцию техническом устройстве. Словечко *upgrade*, появившееся во времена стре-

мительной смены поколений ПК (от XT-8 к 286-му, 386-му, 486-му, Пентиумам от первого до четвертого), кажущиеся сегодня уже чуть ли не архаическими, стало своего рода логотипом и лозунгом процесса непрерывной модернизации, модификации и трансформации электронного цифрового устройства, которое изначально было очень скромным по своим возможностям и гораздо в большей степени являлось рабочим инструментом программиста, чем доступной самым широким слоям населения бытовой техникой. И в отличие от всех прочих инструментов такого рода техники, устройство которых привлекает к себе внимание их потребителя лишь в случае неисправности и поломки, устраняемой, как правило, отнюдь не собственными руками, а при помощи специалиста, конструкция системного блока ПК практически с самого начала предполагала возможность ее дополнения и модификации рядовым пользователем, который мог по желанию добавлять модули оперативной памяти, наращивать объем памяти путем добавления еще одного жесткого диска, самостоятельно вставлять в слоты материнской платы звуковые и видеокарты, модем и т. п. Таким образом, даже на уровне компьютерного «железа», чисто технического устройства ПК, может быть, на наш взгляд, выявлена тенденция к вовлечению его пользователя в процесс активного вмешательства в структуру компонентов используемого им технологического артефакта.

Гораздо более явственным образом эта тенденция обнаруживает себя на уровне программного обеспечения ПК, т. е. того, с чем, собственно, и имеет дело всякий его пользователь. Даже в пределах общения с одной только базисной операционной системой ПК способ взаимодействия с ней носит принципиально интерактивный характер. Интерфейс операционной системы позволяет в любом объеме видоизменять как конфигурацию самой операционной системы, так и состав работающих в ее среде программ (результатом чего нередко становится несовместимость различных частей программного обеспечения – источник постоянной головной боли пользователя), вплоть до такого, например, абсурдного действия, как удаление вообще всех файлов с жесткого диска компьютера, в том числе и самой операционной системы. В этой ситуации такие действия, как «кликанье» мышью и использование клавиш клавиатуры, приобретают уже несколько иной характер по сравнению с

теми, которые осуществляются пользователем при составлении того или иного текстового документа, т. е. при использовании ПК в качестве электронно усовершенствованной пишущей машинки для создания линейной последовательности текстового нарратива, столь характерной для эпохи «галактики Гутенберга» (потому-то, на наш взгляд, именно программы текстовых редакторов являются самыми утомительными, скучными и безрадостными из всего набора современных компьютерных программ).

Совершенно иные ощущения испытывают те немногие весьма продвинутые пользователи, для которых калейдоскопическая мозаика возможностей, предоставляемых огромнейшим на сегодняшний день массивом компьютерных программ, является отнюдь не источником головной боли, но, напротив, полем усовершенствования пользовательских навыков и умений (нередко приносящих и материальный доход) и, что немаловажно в нашем случае, развития своего рода игрового подхода к композиции компонентов программного обеспечения. Такой пользователь регулярно сталкивается с достаточно головоломной и трудоемкой задачей их интеграции в уже существующий состав – задачей, решение которой вполне сопоставимо с усилиями по прохождению какого-либо «quest» в той или иной компьютерной игре. В подобного рода квази-игровой ситуации необходимым становится приобретение навыка четкой координации между восприятием визуального объекта и тактильным действием, представляющим собой ответ на запросы, которые возникают в ходе интерактивного диалога, развертывающегося между пользователем и интеллектуальным продуктом – программой. На наш взгляд, такой навык является прообразом и прототипом того сплава визуальности с тактильностью, достигаемого лишь путем неустанный упражнения, который способен обеспечить геймеру искомый результат.

Весьма существенный вклад в дело развития координационной зависимости между визуальным восприятием того или иного контента и тактильной активностью вносит практика навигации по Интернету. Принцип гипертекстовых ссылок World Wide Web'a (за что отдельное спасибо сэру Тимоти Беренс-Ли и его тогдашним коллегам из CERN'a), сплетающий в хаотически беспорядочный, но тем не менее цельный конгломерат гигантские объемы подавляющей части имеющейся на планете информации самого

различного характера и облика, позволяет одним лишь легким нажатием на клавишу мыши и «кликаньем» по ссылке или баннеру мгновенно преодолевать любые государственные границы, свободно перемещаться по всем континентам планеты и в любом порядке и последовательности приобщаться то к текстовому, то к аудио-, то к видеоконтенту, доступному в данный момент в сети. Та завораживающая легкость, с какой пользователю удается продельвать все то, что в реальной жизни потребовало бы больших усилий, огромных затрат времени и материальных средств, и является, видимо, главным искушением и стимулом, побуждающим многих пользователей сети безоглядно часами предаваться «нет-серфингу», беспорядочно хаотическому «кликанью» по ссылкам Web-страниц. Целью этого занятия становится уже не столько их контент, сколько сама динамика движения по хитросплетениям и узорам всемирной паутины.

При всей очевидной иррациональности такого способа использования ресурсов сети подобного рода деятельность обнаруживает, однако, одну особенность: здесь зрительное восприятие того или иного объекта низводится до положения повода для тактильного действия, становящегося самоцелью, и, таким образом, в противовес всем привычным навыкам мировосприятия именно не визуальный, а тактильный его уровень обретает характер определяющего и приоритетного. Думается, здесь речь едва ли может идти о полноценной реактивизации навыков тактильного восприятия действительности, о возвращении им той роли, какую они играли, по мысли Маклюэна, в архаических аудио-тактильных культурах, в которых отнюдь не зрение выполняло функцию своего рода «всеобщего» чувства, организующего и упорядочивающего все доступное для человеческой сенсорики многообразие окружающего мира. Подобная всецело искусственная и симулятивная стимуляция тактильного уровня чувственного восприятия способна, однако, на наш взгляд, выступить в роли некоей диагностической процедуры, которая уже не на уровне теоретических разработок (скажем, все того же Маклюэна), а на уровне непосредственно практического действия однозначно указывает на то, в какой именно части своего опыта является ущербным рядовой представитель современного «высокоразвитого» общества.

Охарактеризованная выше тенденция к симулятивной реактивизации тактильного способа взаимодействия с визуально воспринимаемым объектом получает дальнейшее развитие в случае подавляющего большинства компьютерных игр. Дело в том, что здесь, видимо, речь идет о процессе бесконечного приближения к ситуации симультанности акта зрительного восприятия той или иной данности, например образа очередного врага в какой-либо «стрелялке», и тактильного действия нажатия на клавишу мыши, посылающего в него очередной смертоносный заряд, – процессе, который так никогда и не достигает своей ультимативной цели: ведь даже подобный кратковременный момент синестезии визуальности и тактильности попросту невозможен в той конструкции мира и чувственного восприятия его человеком, в которой зрительная ориентация всегда опережает и определяет собой весь спектр остальных сенсорных ощущений.

Другими словами, та умопомрачительная быстрота реакции, какой достигают геймеры, ухитряющиеся в единицу времени столько раз нажать на клавишу мыши, сколько даже и представить себе почти невозможно рядовому компьютерному пользователю, никоим образом не свидетельствует о том, что здесь тактильности действительно возвращается та функция гармонизации всего комплекса сенсорных ощущений, которой она была наделена, по мнению Маклюэна, в «примитивных» аудио-тактильных культурах. В то же время имеющий тут место регресс к чуть ли не самым архаическим слоям человеческого опыта, судя по всему, вносит значительный вклад в процесс возникновения и развития зависимости⁵⁴ от такого рода игр, подобно тому, например, как в практике психоанализа реактуализация индивидуальных архаических слев опыта пациента, воспоминаний раннего детства, способствует выработке устойчивой зависимости от самой этой процедуры общения с психоаналитиком. И потому ситуация технологически продуцируемого обращения современного человека к истокам его сенсорного опыта, доступным в глубинных слоях его генетической видовой памяти, требует, на наш взгляд, гораздо более многостороннего и многопланового изучения, чем воздействие на челове-

⁵⁴ По своей структуре она представляет собой, конечно же, весьма сложный психологический феномен, различные аспекты которого детально эксплицируются и анализируются в работах Е.В.Петровой.

ческий организм того или иного наркотического вещества, вызывающего в нем чисто физиологическую реакцию, которая именно такой и остается, какими бы галлюцинаторными эффектами она при этом ни сопровождалась.

Бесспорно наивным, на наш взгляд, было бы предположение, что подобного рода симулятивное «обретение» навыков тактильной ориентации при взаимодействии с некой визуальной данностью, становящееся возможным благодаря современным цифровым технологиям, является реальным шагом на пути к устранению той визуалистской деформации, которой подвергается «сенсорный баланс» любого человека, в той или иной мере усвоившего картину мира, продуцируемую западной культурой и цивилизацией. Более реалистичным представляется такой подход к рассмотрению данного явления, при котором феномен массовой зависимости от компьютерных игр расценивается в качестве одного из наиболее современных симптомов становящейся все более и более явственной неполноценности и неадекватности того способа отношения человека к окружающему его миру, в рамках которого визуальная ориентация является универсально доминантной и оттесняет на периферию, маргинализирует все иные возможности сенсорного восприятия действительности. Таким образом, в данном случае, на наш взгляд, находит свое подтверждение выдвинутое нами ранее предположение о том, что современные информационно-коммуникационные технологии отнюдь не являются некой панацеей ото всех присущих современному человечеству конфликтов и противоречий, но скорее, напротив, выступают в роли своего рода катализатора, активно способствующего всемерному и неуклонному обострению и углублению таковых. Мы полагаем, что «виртуальная реальность», генерируемая средой цифровых информационно-коммуникационных технологий, не является и неким компенсаторным субститутотом всего того, что оказалось оттесненным на обочину магистрального пути, по которому и сегодня продолжает неуклонно и неумолимо двигаться по направлению к будущему, становящемуся все более и более неопределенным, западная по происхождению, но теперь уже глобальная по охвату культура и цивилизация.

В отличие от множества явлений из области современной науки, искусства, электронных технологий коммуникации, педагогики и т. д., явственно указывающих, по мысли Маклюэна,

на существование устойчивой тенденции к преодолению гипертрофии визуальности в «сенсорном балансе» человека, феномен компьютерных игр обнаруживает некую специфическую особенность: он представляет собой массовое явление, доступ к которому не предполагает ни образовательного, ни интеллектуального, ни даже возрастного ценза. В этой связи он может рассматриваться в качестве общедоступного инструмента выработки критически-оппозиционного отношения к диктату норм и правил так называемого «естественного и нормального» мировосприятия, которое является всего лишь одной из возможных для человеческого существа искусственно продуцируемых и конвенционально учреждаемых конструкций его чувственного восприятия⁵⁵. Насколько результативным и результативным ли вообще может оказаться подобного рода опыт, способно показать лишь будущее. Сегодня же достаточно очевидно только то, что патологичной и потому настоятельно требующей терапевтического вмешательства является не столько зависимость геймера от его игр, сколько зависимость «сенсорного баланса» человека от гипертрофированной до угрожающих размеров его визуальной доминанты.

⁵⁵ О чем наглядно свидетельствует как весь опыт соприкосновения западной культуры с азиатскими, африканскими и прочими «примитивными» культурами, так и опыт изучения ею своего собственного античного и средневекового прошлого.

Заключение

Данная работа является не более чем эскизным наброском лишь незначительной части разработанного философской мыслью XX века обширнейшего комплекса проблем, которые оказались релевантными процессам, происходящим в сфере современных информационно-коммуникационных технологий, продолжающей интенсивно развиваться и в наши дни. За кадром работы осталась подавляющая часть тех предложенных западными философами исследовательских подходов, теоретических позиций и методологических решений, рассмотрение которых могло бы способствовать созданию гораздо более полной, отчетливой и многогранной картины изменения структур коммуникативного опыта в современную эпоху, чем та, которая представлена нами. Задача выявления широкого спектра философских идей, на фоне которых возник и продолжает развиваться феномен информационно-коммуникационных технологий, отнюдь не неожиданно-негаданно, подобно «*deus ex machina*», обрушившийся на человечество, но возвращенный в недрах западной культуры и цивилизации, становится все более и более актуальной по мере того, как инфраструктурой этого технологического новшества охватывается все большая часть населения планеты (сегодня уже его треть). В наши дни оно даже начинает играть активную роль в прежде недоступных ему областях, например, в сфере международной политики и региональных социальных конфликтов, способствуя дискредитации дипломатических представительств и свержению существующих режимов.

Ключом к пониманию места и функции феномена информационно-коммуникационных технологий в жизни современного общества, специфики реализуемого в его среде нового коммуникативного опыта является, на наш взгляд, тот процесс осмысления своеобразия современной социокультурной ситуации, который на протяжении XX века осуществлялся целой плеядой выдающихся западных мыслителей, предложивших самые разнообразные оценки нынешней исторической эпохи. Хотелось бы надеяться, что наша работа, представляющая собой только первый шаг в деле выявления – путем обращения к богатейшему идейному потенциалу философской мысли XX века – характерных особенностей, социальной функции и вероятных тенденций развития сре-

ды информационно-коммуникационных технологий, внесет свой скромный вклад в решение этой задачи. Рискнем также предположить, что задаваемая данной работой перспектива установления коррелятивной связи между реалиями информационной эпохи и творческим наследием мыслителей двадцатого столетия могла бы послужить дополнительным стимулом, активизирующим интерес к этому историко-философскому материалу со стороны изучающей его в рамках соответствующих курсов студенческой молодежи, которая, как правило, с самого раннего возраста приобщается к среде современных информационно-коммуникационных технологий.

Библиография

Сочинения Т.В.Адорно

Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. 20 Bände. Hg. von Rolf Tiedemann. Frankfurt a/M., 1970–1986.

Переводы

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.–СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

Адорно Т.В. Избранное: Социология музыки. М.–СПб.: Университетская книга, 1999.

Адорно Т.В. Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000.

Адорно Т.В. Философия новой музыки. М.: Логос, 2001.

Адорно Т.В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001.

Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.

Литература

Rose G. The Melancholy Science. An Introduction to the Thought of Theodor W. Adorno. The Macmillann Press; Columbia Univ. Press, 1978.

Brunkhorst H. Theodor W. Adorno. Dialektik der Moderne. München–Zürich: Piper, 1990.

Wiggershaus R. Theodor W. Adorno. München: Beck, 1998.

Подорога В.А. Проблема языка в «негативной» философии Т.В.Адорно // Вопросы философии. 1979. № 2. С. 147–154; *его же.* Законы и методы «негативной диалектики» Т.В.Адорно // Критика современного «неомарксизма». М., 1981. С. 47–74.

Соловьева Г.Г. Современный Сократ // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2001. С. 350–360; *ее же.* Демонтаж тоталитарности // Современная западная философия. Алматы, 2002. С. 154–180.

Сочинения М.Маклюэна

The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. N.Y.: The Vanguard Press, 1951; reissued by Gingko Press, 2002.

Report on Project in Understanding New Media. National Association of Educational Broadcasters, U.S. Dept. of Health, Education and Welfare, 1960.

Explorations in Communication (edited with Edmund Carpenter). Boston: Beacon Press, 1960.

The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Univ. of Toronto Press; reissued by Routledge & Kegan Paul, 1962.

Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964; reissued by Gingko Press, 2003.

The Medium is the Massage: An Inventory of Effects (with Quentin Fiore, produced by Jerome Agel). Random House, 1967; reissued by Gingko Press, 2001.

Verbi-Voco-Visual Explorations. N.Y.: Something Else Press, 1967.

War and Peace in the Global Village (design/layout by Quentin Fiore, produced by Jerome Agel). N.Y.: Bantam, 1968; reissued by Gingko Press, 2001.

Through the Vanishing Point: Space in Poetry and Painting (with Harley Parker). N.Y.: Harper & Row, 1968.

Counterblast. Toronto, 1969.

Culture is Our Business. N.Y.: McGraw Hill; Ballantine, 1970.

From Cliché to Archetype (with Wilfred Watson); N.Y.: Viking, 1970.

Take Today: the Executive As Dropout (with Barrington Nevitt). N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

City As Classroom: Understanding Language and Media (with Kathryn Hutchon and Eric McLuhan). Ontario: Book Society of Canada, Agincourt, 1977.

Laws of Media: The New Science (with Eric McLuhan). Univ. of Toronto Press, 1988.

The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century (with Bruce R. Powers). Oxford Univ. Press, 1989.

The Medium and the Light: Reflections on Religion. Marshall McLuhan, Eric McLuhan (ed.), Jacek Szlarek (ed.). Gingko Press, 2003.

The Classical Trivium: The Place of Thomas Nashe in the Learning of His Time (first publication of McLuhan's 1942 doctoral dissertation). Gingko Press, 2006.

Переводы

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Фонд Мир; Акад. проект, 2005.

Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.–Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.

Литература

Benedetti P., Nancy DeHart. Forward Through the Rearview Mirror: Reflections on and by Marshall McLuhan. Boston, 1997.

Carpenter E. «That Not-So-Silent Sea» [Appendix B] // *The Virtual Marshall McLuhan* edited by Donald F. Theall. McGill-Queen's Univ. Press, 2001. P. 236–261.

Federman M. *McLuhan for Managers: New Tools for New Thinking.* Viking Canada, 2003.

Gordon W. Terrence. *Marshall McLuhan: Escape into Understanding: A Biography.* Basic Books, 1997.

Levinson P. *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium.* Routledge, 1999.

Marchand Ph. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger.* Cambridge: Revised edition, 1998.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Глава I. «Последний немецкий гений» и «пророк из Торонто».

Факты биографий и вехи творчества

1.1. Т.В.Адорно: прорыв к «неидентичному»	15
1.2. М.Маклюэн: от «Галактики Гутенберга» к «глобальной деревне».....	29

Глава II. Западный цивилизационный проект:

диалектика самоотрицания. Поиск новых стратегий коммуникации

2.1. Просвещение, миф, Одиссей	39
2.2. За пределы «галактики Гутенберга»: medium is the message	66
2.3. Опыт когниции и опыт коммуникации: аналитическая реконструкция.....	73

Глава III. Реалии информационной эпохи:

в сетях всемирной паутины и дебри виртуальной реальности

3.1. Метафоры сети и виртуальной реальности	99
3.2. Цифровые симуляции сенсорного опыта и компьютерная зависимость.....	126
Заключение	138
Библиография	140

Научное издание

Кузнецов Михаил Михайлович

**Опыт коммуникации в информационную эпоху.
Исследовательские стратегии Т.В. Адорно
и М. Маклюэна**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 03.05.11.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 7,74. Тираж 500 экз. Заказ № 017.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор автора

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>